Содержание

Анаит. *Перевод* **С. Иоаннисяна** /проза/ и **О. Румера** /стихи/ 5

Арегназан. *Перевод* **И. Карумян** /проза/ и **С. Золяна** /стихи/ 56

Оцаманук и Ареваат. *Перевод* **И. Карумян** /проза/ и **С. Золяна** /стихи/ 111

Торк-Ангех. *Перевод* **О. Румера** 128

Тайна метлы. *Перевод* **М. Столярова** 168

Победитель дракона. *Перевод* **Л. Бояджяна** 174

Азаран Блбул. *Перевод* **М. Мазманян** /проза/ и **С. Золяна** /стихи/ 205

От издательства 239

Газарос Агаян
Сказки

Художник
В. Мандакуни

Ереван «Луйс» 1989

Ղազարոս Աղայան

Հեքիաթներ

Газарос Агаян

Сказки

ББК 84Ар1—4
А237

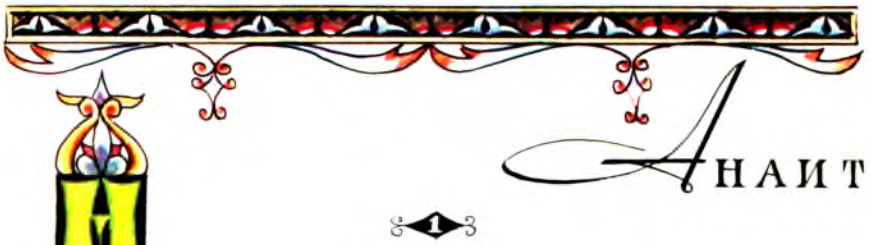
Агаян Г.
А237 Сказки /Газарос Агаян; (Пер. с арм. С. Иоаннисяна и др.; Худож. В. Х. Мандакуни) — Ер.: Луйс, 1989,— 240 с.: ил. 23

В книге представлены сказки выдающегося армянского детского писателя, педагога и общественного деятеля Г. Агаяна, в которых прославляются труд, учение, ремесла, воспеваются добро и справедливость. Книга предназначена для широкого круга читателей.

А $\frac{4702080101}{702101\ 89}$ без объявления 1989 **ББК 84Ар1—4**

ISBN 5-545-00256-1

© Издательство «Луйс» 1989
Перевод на русский язык, составление, оформление.



1

Некогда престольным городом земли агванской был Партав, ныне от него остались одни развалины и зовется он теперь Берда.

Город этот находился между нынешними Гандзаком и Шушой, на реке Тартар.*

Там стоял великолепный дворец царя Вачэ, окруженный обширной рощей, раскинувшейся вдоль берегов Тартара.

Этот стародавний искусственный лес превосходил естественные леса своими исполинскими чинарами и тополями, в тени которых скрывались даже самые высокие башни города. Крепкая ограда, охватывавшая рощу со всех сторон, вовсе не стесняла быстроногих серн и оленей, которые стадами привольно бегали и резвились здесь.

Однажды юный Вачаган, единственный сын царя Вачэ, стоял на террасе дворца, опершись на перила, и глядел на рощу. Было ясное, весеннее утро. Певчие птицы, будто сговорившись, слетелись сюда со всех концов земли и, усевшись на деревьях, словно соревнуясь, весело распевали свои песни. Одни точно свистели в свирель,

* Имеются в виду восточные земли древней Армении (Аран, Агванк), расположенные южнее реки Кура.

другие дули в дудочки, но звонче всех заливался соловей, единственный утешитель влюбленных сердец. Как только раздавались звуки его многострунной лиры, тотчас же умолкали все остальные птицы, прислушивались к нему, внимая многообразным переливам его трелей. Одни старались перенять его щебет, другие — щелканье, иные — свист, и вдруг все сливали свои голоса в разноголосом хоре, повторяя выученные ими напевы.

К ним ли прислушивался Вачаган, так сосредоточенно и молчаливо? О нет... Иные думы и тоска тяготили его душу. Пение птиц только растравляло его раны и углубляло печаль. Из этого грустного раздумья вывела его царица Ашхен, которая подошла к нему, села рядом и спросила:

— Вачик, я вижу, что сердце твое гложет тоска, но ты скрываешь это от нас. Скажи, сын мой, почему ты все грустишь?

— Ты права, матушка,— ответил ей сын,— слава, наслаждения — все опостылело мне. Я хочу удалиться от мира, уйти в пустыню. Говорят, что ученый монах Месроп вернулся в Хацик и в построенном им монастыре основал братию, набрал учеников. Я тоже хочу пойти туда. Какая замечательная деревня Хацик! Какие там красивые и умные юноши и девушки! Ты бы пришла в восторг, увидев их.

— Значит, ты хочешь пойти в Хацик, чтоб повидать там свою умницу Анаит?

— Откуда ты знаешь ее имя, матушка?

— Соловьи из нашего сада принесли мне эту весть.

Сынок, дорогой, не забывай, что ты сын агванского царя. Царевич должен жениться на царевне или на дочери великого и могущественного князя, а не на крестьянке. У грузинского царя три дочери, ты можешь выбрать из них любую. У гугарского князя прекрасная дочь, его единственная наследница, владетельница богатых поместий. И сюникский князь имеет очень красивую дочь, и наконец, чем не хороша дочь нашего военачальника, Варсеник, выросшая у нас на глазах, воспитанная нами?

— Мать, я уже сказал, что хочу удалиться в монастырь, но если вы хотите, чтоб я обязательно женился, то знайте, что я желаю только Анаит.

Сказав это, Вачаган покраснел от смущения и, словно сбросив с плеч тяжелый груз, побежал в сад.

Вачагану недавно исполнилось двадцать лет.

Он вытянулся подобно тополям в царской роще, но был очень изнеженным, бледным и болезненным юношей. В детстве он воспитывался у учеников великого Месропа и намеревался последовать примеру своих учителей-монахов — удалиться в какой-нибудь монастырь, набрать учеников и стать проповедником.

Но это стремление противоречило воле его родителей, ибо он был единственным сыном, единственным наследником агванского царства.

«Вачаган, сын мой,— не раз говорил ему отец,— ты знаешь, что ты — моя надежда, ты должен неугасимо хранить огонь в нашем очаге, поддержать славу нашего

рода. Ты должен жениться, ибо так заведено на этом свете».

Сын только краснел и не знал, что ответить, ибо он не думал о женитьбе, да и думать не хотел. Но отец не оставлял его в покое, и каждый раз пытался уговорить его.

Чтоб избавиться от этих настоятельных уговоров отца и чтоб реже видеться с ним, Вачаган стал часто уходить на охоту, хотя и не очень любил скитаться, предпочитая сидеть дома за книгой. Он стал рано вставать по утрам, целый день бродил по горам и долам и возвращался домой только поздним вечером. Иногда он отсутствовал по три-четыре дня, к великому беспокойству своих родителей. Сыновья многих князей хотели бы стать его друзьями и сопутствовать ему в этих прогулках, но он не желал этого. Его сопровождал только преданный и храбрый слуга Вагинак, крепкого сложения мужчина, и верная Занги — молодая огромная собака. Встречные не могли отличить царевича от слуги; оба были одеты в одинаковые простые охотничьи одежды, у обоих за плечами были лук и стрелы и на поясе широкий меч. Только мешок с провизией нес Вагинак.

Часто они останавливались в различных селах, и Вачаган, под видом чужеземца, знакомился с жизнью крестьян, присматривался к их заботам и нуждам, видел, кто творит добро и кто — зло. Неожиданно многие судьи-взяточники отстранялись от должности, а на их место назначались честные люди, многих воров ловили и наказывали, многие нуждающиеся семьи и общины нежданно

получали помощь от царя. Словно какая-то невидимая сила вершила их судьбами.

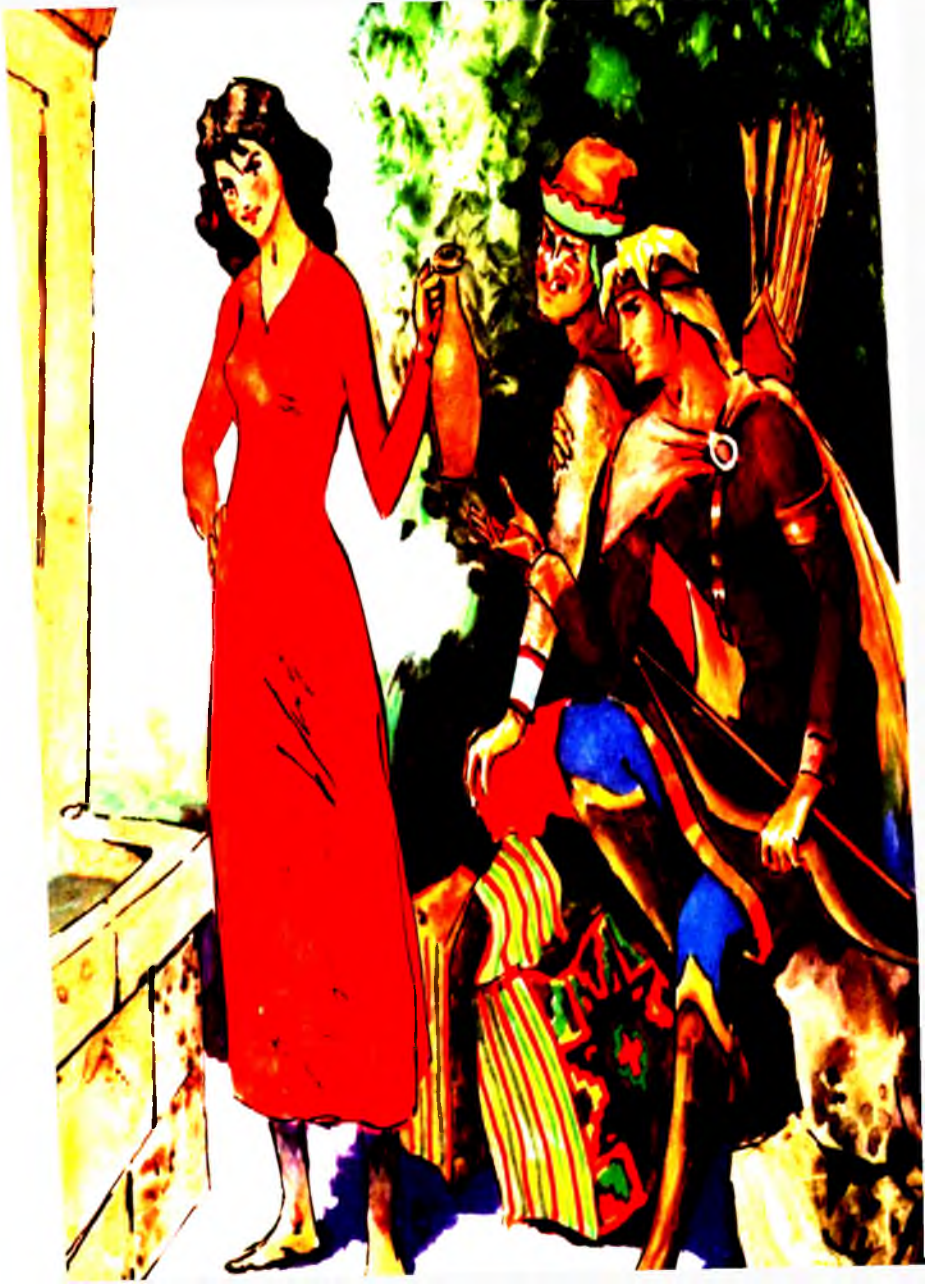
Видя это, народ убедился, что царь Вачэ преданно заботится о своих подданных и знает, кого нужно наказать и кого наградить. Во всей стране перевелись воровство и всякая несправедливость. Но никто не знал, что этим они обязаны лишь царевичу Вачагану.

Скитания Вачагана послужили на пользу и ему самому. Он окреп, повеселел, стал бодрее и крепче. Ближе ознакомившись с нуждами народа, он почувствовал, как много добра может сделать царь для своей страны и постепенно перестал думать об отшельниках. Его сердце уже готово было воспламениться, жаждало любви и нужен был лишь какой-то случай, какая-то встреча.

И случай вскоре представился.

Однажды Вачаган и Вагинак, охотясь, подошли к какой-то деревне и присели у родника отдохнуть. Оба были очень усталые и вспотевшие. Пришедшие к роднику деревенские девушки стали поочередно наполнять свои кувшины. Вачагану очень хотелось пить. Он попросил воды, и одна из девушек, наполнив кувшин, протянула его Вачагану, но другая выхватила кувшин из ее рук и вылила воду. Затем снова наполнила кувшин и снова опорожнила его. У Вачагана пересохло в горле, он с нетерпением ждал, когда же ему дадут напиться, но девушка словно не думала о нем; как бы забавляясь, она несколько раз наполнила и опорожнила кувшин и только на шестой раз подала воду незнакомому охотнику.

Вачаган, утолив жажду, передал кувшин Вагинаку,



а сам заговорил с девушкой и спросил ее, почему не сразу она дала им воды; не думала ли она подшутить, посмеяться над ними?

Девушка ответила:

— У нас не принято шутить с чужим юношей, тем более, если его томит жажда. Я заметила, что вы очень устали и вспотели, а холодная вода могла повредить вам, поэтому я нарочно медлила, чтобы вы немного отдохнули и остыли.

Умный ответ девушки удивил Вачагана, но ещё более поразила красота её. У неё были большие чёрные глаза, тонкие, точно выведенные кистью брови, точёный нос и красиво очерченные губы. С непокрытой головы спадали на плечи роскошные косы, обрамляя высокий лоб. На ней не было никаких украшений. Ее стройную фигуру до самых ног покрывала красная шелковая рубашка, поверх которой была одета расшитая кофта, обхватывавшая её тонкий стан и высокую грудь. Босые ноги сверкали молочной белизной. В чертах её лица, в её глазах было так много чарующего обаяния, что Вачаган был совершенно ошеломлен.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Анаит, — ответила девушка.

— Кто твой отец?

— Мой отец — пастух Аран, из этой деревни. Но зачем тебе знать мое имя и чья я дочь?

— Я просто так спрашиваю, ведь это не грех?

— Коли не грех, может и ты мне скажешь, кто ты и откуда?

— Солгать или сказать правду?

— Как сочтешь достойным для себя.

— Конечно, я считаю достойным для себя говорить правду, а правда та, что я сейчас не могу тебе сказать, кто я на самом деле, но обещаю через несколько дней ответить тебе.

— Хорошо, а теперь отдайте кувшин и, если вы хотите еще воды, я принесу.

— Нет, благодарим тебя. Ты преподнесла нам хороший урок, мы будем помнить это и не забудем тебя.

Анаит взяла кувшин и удалилась.

Когда наши охотники возвращались домой, Вачаган спросил Вагинака:

— Вагинак, ты видел у нас в Берде таких красивых девушек?

Вагинак ответил:

— Я не заметил ее красоты, а только слышал, что она дочь деревенского пастуха.

— Красоты ее ты не заметил, но отлично все слышал. Это оттого, что твои уши слышат лучше, чем видят глаза, но все же они слышат не так, как надо.

— Нет, они хорошо слышат, девушка сама сказала, что ее отец — деревенский пастух.

— Ну и что ж? Мне кажется, что это ни на волос не убавило её красоты и еще более возвысило её достоинства.

— Что ж, когда ты станешь царем, учреди орден для пастухов и награждай им своих вельмож.

— Орден такая высокая награда, Вагинак, что ни один вельможа не достоин его. Этот орден могут носить лишь цари и патриархи. Разве ты не знаешь, что посох, вручаемый царям и патриархам, имеет пастырский символ?

— Пастырский, но не пастуший.

— Между пастырем и пастухом разница лишь в том, что пастух пасет овец, коз, коров, буйволов, лошадей, ослов, мулов и даже верблюдов. И царь скорее похож на пастуха, потому что его паства состоит из самых различных существ. По-моему, все пастухи, от Авеля до этого деревенского пастуха, имеющего красивую и умную дочь, были праведными людьми.

— С тобой, царевич, невозможно спорить, еще немного, и ты мне станешь читать проповеди монаха Месропа. Пусть она красива, эта дочь пастуха. Как говорится — коли приглянулась — значит хороша. Но мне кажется, что если бы эта девушка была дочерью землепашца, ты бы не сказал, что Каин был землепашцем, а сказал бы, что лучшие люди в мире были землепашцами, от Адама до этого крестьянина, имеющего такую красивую дочь.

— Брось шутить, Вагинак, и скажи мне правду: кто красивее — Анаит или дочь нашего военачальника — Варсеник?

— Мне кажется, что для княжны, — красивее дочь военачальника, а для пастушки — эта крестьянка. Одна не может заменить другую.

— А кто из них умнее: Анаит или Варсеник?

— Я не испытывал ума ни той, ни другой, но все же думаю, что Варсеник прекрасно знает, что вода нашего Тартара никому повредить не может, и если ты у нее попросишь воды, она не станет ломаться, как твоя Анаит, и томить тебя жаждой.

— Вагинак!

— Прикажи, царевич...

— Ты меня не любишь, Вагинак.

— Я понимаю тебя, царевич. Я увидел, что ресницы этой прекрасной Анаит, как стрелы вонзились в твое сердце, и жаль мне тебя, ибо знаю, что рана эта будет неизлечимой.

Вачаган замолчал и углубился в свои думы. Умолк и Вагинак. Только Занги, словно почуяв добычу, весело прыгала вокруг них.

Спустя несколько дней после этой встречи, царь долго беседовал с Вагинаком о Вачагане.

— Вагинак, — сказал царь, — ты ребенком пришел в наш дом, и я заботился о тебе, как о родном сыне. Теперь ты уже сам стал отцом и тебе знакомо родительское чувство. Наш Вачаган любит тебя, как родного брата, и только тебе открывает тайны своего сердца. Ты должен разузнать его мысли и сообщить нам, чтоб мы знали, как поступить и что предпринять.

Вагинак ответил:

— Царь-батюшка, Вачаган настолько скрытен, что и мне не открывает своего сердца. Но в последние дни он очень изменился. Мне кажется, что он влюблен в девушку по имени Анаит.

— Кто такая эта Анаит?

— Дочь пастуха из деревни Хацик.

— Пастуха?...

— Да.

— Эта пастушка Анаит, наверное, настоящая богиня, если сумела так околдовать Вачагана и смягчить его окаменевшее сердце.

— Я всегда перед ним поношу эту девушку, царь-батюшка, посмеиваюсь над Вачаганом, но все мои старания пропадают даром, ибо она действительно богиня. Красота ее вызывает восхищение, а об уме рассказывают чудеса. Говорят, что в трудных делах старейшины деревни обращаются к ней за советом. Ни один юноша не обладает ее отвагой, ни одна девушка не имеет таких искусных рук. Ее называют «царицей лесов». Когда в стаде отца пропадает скотина, она вскакивает на лихого коня и рыщет по горам и ущельям и, хоть из под земли, находит и возвращает пропажу.

Эти сведения я собрал тайком от Вачагана и ничего ему не говорил, чтоб не разжечь его ещё больше, но вижу, что он и так ни за что не откажется от неё.

Я думаю, что если он вам ничего и не скажет, то не скроет своих чувств от матушки-царицы.

— Я расскажу матери. Спасибо тебе.

И в самом деле, Вагинак хорошо подготовил царя. Он

преувеличил, как ему казалось, достоинства Анаит, на случай — если не уступит сын, то чтобы уступили хоть родители и исполнилось бы заветное желание Вачагана. Вот после этого разговора и узнала мать тайну тоски сына.

Услышав от сына о твердом решении жениться на Анаит, либо вовсе не жениться, царица сообщила об этом царю.

Вскоре весть эта разнеслась по всему дворцу. Узнали все: и слуги, и служанки. На следующий день весь город был потрясен этой новостью. Крестьяне обрадовались, что царицей будет дочь пастуха и при ней они будут счастливы. Князьям было обидно, что царевич предпочел им простого пастуха. Купцы смеялись, говоря, что верно царевич сошел с ума, раз выбрал нищую вместо того, чтобы жениться на девушке с богатым приданым. Немало было и насмешников, рассказывавших разные небылицы.

Вот о чем судачили эти остряки.

— Бабик, говорят, что наш царевич на дочери пастуха женится, ты слышал?

— Не то, милый Садок, ты ошибаешься. Этот пастух говорят, вовсе не пастух, а царь, но так как все его подданные животные, его называют пастухом. Кум нашего царя воистину мудрый царь,— он знает язык всех животных, таким мудрецом был еще Соломон.

Царь с царицей, убедившись, что Вачагана нельзя заставить изменить свое намерение, посоветовались между собой и решили не противиться его выбору. Царь был очень добрым и в душе ничего не имел против выбора сына. Он даже радовался тому, что для царевича все подданные равны, и он не ставит одних выше других. Царь только боялся, что этот поступок сына восстановит против него надменных князей. Но когда он узнал, что крестьяне очень рады этому выбору царевича и, что Анаит славится среди них, сам стал уговаривать царицу согласиться на этот брак.

На следующий день они призвали Вагинака, сообщили ему свое согласие и отправили его вместе с двумя почтенными знатными людьми, с богатыми дарами в Хацик сватать Анаит.

Когда сваты пришли к пастуху Арану, он очень радушно принял их. Анаит не было дома.

Аран сейчас же разостлал новый ковер и, усадив гостей, сел рядом с ними.

Стали говорить о ковре, который привлек внимание гостей красивым узором, яркостью красок и тонкостью выделки.

— Какой замечательный ковер, — сказал Вагинак, — наверное, хозяйка твоя выткала его.

— У меня нет жены, вот уже пять лет, как она умерла. Этот ковер соткала наша Анаит, но сама она не довольна им и говорит, что он получился не таким, как она хотела.

883601 ИМ. АБОВЯНА

Она уже натянула основу нового ковра, вон он там на станке, и надеется, что этот выйдет ей по сердцу.

— Даже во дворце нашего государя нет такого украшения, — заметил один из вельмож и, обращаясь к Арану, добавил: «Мы очень рады, что дочь у тебя такая искусница. Слава о твоей Анаит дошла до нашего царя, и он послал нас к тебе сватами. Царь желает, чтоб ты свою Анаит выдал за его единственного сына, Вачагана, наследника престола».

Вельможа, сказав это, ожидал, что Аран или не поверит, или подпрыгнет от радости. Но Аран не сделал ни того, ни другого, а поник головой и стал в раздумье водить пальцем по узорам ковра. Молчанье нарушил Вагинак:

— Чего ты призадумался, братец Аран, мы тебе принесли радость, а не горе. Мы насильно не уведем твою дочь. Захочешь — отдашь по доброй воле, не захочешь — не отдашь. Только скажи нам прямо: хочешь ты отдать ее или нет.

— Мои уважаемые гости, — ответил Аран, — я очень благодарен нашему владыке царю, что он для своего пышного дворца хочет взять украшение из убогой хижины своего нищего слуги. Быть может, как вы сказали о ковре, такого украшения нет в его дворце, но скажу вам истинную правду, что не в моей воле выдать или не выдать Анаит. Вы лучше спросите ее, и если она согласится, я не стану перечить.

К этому времени из сада вернулась Анаит с корзиной, полной винограда, персиков, груш и яблок. Ей уже дали знать, что к ним приехали из города знатные вельможи.

Она поклонилась и, сложив фрукты на медном блюде, поднесла гостям, сама же подошла к своему ткацкому станку, сняла с него покрывало и продолжила начатую работу. Гости стали наблюдать за работой Анаит и были поражены ловкостью ее проворных пальцев.

— Анаит, почему ты ткешь одна, — спросил Вагинак, — я слышал, что у тебя много учениц?

— Да, человек двадцать,— ответила Анаит,— но сейчас сбор винограда, я отпустила их. Да если б они и были здесь, я не позволила бы им работать над этим ковром. Этот ковер я хочу соткать сама.

— Я слышал, что ты учишь своих учениц грамоте?

— Да, учу. Теперь у нас все должны уметь читать. На днях сюда приезжал старец Месроп и строго-настрого приказал, чтобы каждый научился читать евангелие и понимать его. У нас теперь и пастухи умеют читать. Если сейчас ты пройдешь по нашим лесам, то на стволах больших деревьев увидишь надписи. Недавно я на одном дереве прочла десять строф псалма. Ограды наших крепостей, склоны скал сплошь исписаны углем. Напишет кто-нибудь одну строфу или сколько помнит наизусть из евангелия, а потом остальные продолжают. Таким образом заполнились письменами все горы и ущелья вокруг нашей деревни.

— У нас ученье не так распространено, потому что наши ленивы, но я надеюсь, что, когда мы тебя повезем в наш город, ты наших ленивцев заставишь стать трудолюбивыми. Оставь на минуту свою работу, Анаит, и подойди к нам, мы должны сообщить тебе кое-что. Взгляни-ка, что тебе послал наш царь.

С этими словами Вагинак развернул узел и достал из него золотые украшения и шелковые одежды.

Однако богатые подарки не пленили Анаит. Она ничуть не удивилась и только спросила скромно:

— Можно ли узнать, почему царь мне оказывает такую честь?

— Сын нашего царя, Вачаган, встретил тебя у родника, где ты дала ему напиться воды, и ты ему очень понравилась. Теперь царь послал нас сосватать тебя за царевича. Вот это кольцо, запястье, застежки, словом, все это царь посылает тебе в подарок.

— Значит, охотник, которого я встретила у родника, был царевич?

— Да.

— Он очень хороший юноша, но знает ли он какое-нибудь ремесло?

— Он царский сын, Анаит, на что ему ремесло, он повелитель всей земли, все его слуги.

— Я знаю, что это так, но кто может предугадать, что с ним случится? Сегодняшний богач завтра может сам стать слугой, и даже царей может постичь такая участь. Ремесло должен знать всякий, будь то слуга или хозяин, князь или царь.

При этих словах Анаит гости в изумлении переглянулись. Посмотрев на Арана, они увидели, что он очень доволен словами дочери. Затем они снова обратились к Анаит.

— Значит, ты не хочешь выйти за царевича только потому, что он не знает никакого ремесла?

— Да, и все, что вы привезли, возьмите обратно и скажите, что он мне очень понравился, но пусть он меня простит, ибо я дала обет не выходить замуж за человека, не знающего ремесла. Если он хочет, чтоб я стала его женой, пусть прежде выучится какому-нибудь ремеслу.

Вельможи, видя, что Анаит тверда в своем решении, не стали ее принуждать. Эту ночь они провели под кровом Арана. Анаит была очень гостеприимна и радушна. Она рассказала сказку о царе, который изучил много ремесел, обучил свой народ и сделал его богатым. Князья, сознавая правоту Анаит, устыдились того, что не знают никакого ремесла. Только Вагинак с гордостью сказал, что он хорошо владеет ремеслом ювелира, которому обучил его дворцовый мастер. На следующий день они вернулись во дворец и поведали царю обо всем, что они видели и слышали. Царь с царицей, узнав ответ Анаит, очень обрадовались, думая, что Вачаган не примет ее предложения и откажется от нее; но, когда они сообщили ему об этом, он сказал:

— Анаит права, каждый должен знать какое-нибудь ремесло. Царь такой же смертный, как и все, и ему тоже надо знать ремесло.

— Так ты согласен изучить какое-нибудь ремесло? — спросила его мать.

— Да.

— Скажи правду, зачем ты хочешь учиться ремеслу — сознавая его необходимость, или чтоб добиться согласия Анаит?

— И то, и другое... к чему таить, — ответил Вачаган и

поспешно удалился, чтоб скрыть от родителей свое смущение.

Царь, увидев, что сын согласен учиться ремеслу, созвал нескольких князей на совет, и они решили, что царевичу подобает лишь ткать парчу, которую не выделывают в их странах, а привозят из дальних стран за очень дорогую цену. Царь отправил людей в Персию, откуда они привезли искусного мастера. За год Вачаган настолько овладел ремеслом, что своими руками соткал из тонких золотых нитей кусок парчи и послал его с Вагинаком в подарок Анаит.

Анаит, получив этот подарок, сказала: — Теперь я согласна:

Коль беда нагрянет,
То ткачом он станет.

— Скажите царевичу о моем согласии и отвезите ему в дар мой новый ковер.

Вагинак взял ковер и, вскочив на коня, помчался в Берду сообщить Вачагану радостную весть о согласии Анаит.

Стали готовиться к свадьбе и вскоре справили ее. Семь дней и семь ночей продолжалась свадьба и превратилась в невиданное ликование для всей страны. Радости крестьян не было предела. Радовались они и потому, что очень любили царя и царевича, и потому, что Анаит имела среди них добрую славу и они надеялись на ее милосердие, и еще потому, что царь в день свадьбы повелел на три года снять всякую подать с крестьян.

И долгое время крестьяне пели:

Как на свадьбе Анаит солнце красное блеснуло,
Как на свадьбе Анаит золото дождем сверкнуло,
Наши нивы золотятся, закрома полны зерном,
С нас теперь и дань сложили, не горюем ни о чем.
Долго жить и веселиться
Нашей матушке-царице.

На пышной свадьбе Анаит Вагинака не было.

Незадолго до этого царь послал его с поручением в город Перож, находившийся неподалеку от Берды.

С тех пор Вагинак не возвращался.

Его долго искали, расспрашивали о нем, но Вагинак бесследно исчез.

Люди, разыскивавшие его, привезли царю весть, что кроме Вагинака бесследно исчезли и многие другие.

Царь, подумав, решил, что, верно, появились разбойники-работорговцы, которые похищают людей и продают их племенам, населяющим Кавказские горы. Он послал ловких соглядатаев в эти страны. Они ходили из деревни в деревню, из города в город, но, не найдя никаких следов, отчаявшись, вернулись назад.

Исчезновение Вагинака причинило большое горе царю. Он горевал не только потому, что любил Вагинака, как сына, но и потому, что в его стране творились такие необычные дела, а он не мог найти никаких следов.

Вскоре после этого царь и царица, дожившие уже до глубокой старости, скончались.

Вся страна сорок дней оплакивала их, после чего народ собрался и возвел на отцовский престол Вачагана.

Вачаган, воцарившись на троне своих предков, решил править так, чтобы не было недовольных и все были бы счастливы и радостны.

Его ближайшим советником была Анаит.

Прежде всего он советовался с ней, а потом созывал умных людей из народа и сообщал им свои намерения. Но Анаит нашла, что все эти меры недостаточны и однажды сказала Вачагану:

— Вижу я, государь мой, что ты не имеешь подробных и верных сведений о своей стране. Призываемые тобой люди говорят не всю правду, чтоб успокоить и порадовать тебя, говорят, что все хорошо, все довольны своей судьбой. А может быть сейчас в твоей стране творятся такие дела, о которых тебе ничего неизвестно. Ты должен время от времени переодетым путешествовать по всей стране. То под видом нищего ты должен просить милостыню, то в одежде работника работать с ними, иногда переодеваться купцом, словом, должен побывать во всяком обличии, чтоб знать, кто как живет.

— Ты совершенно права, Анаит, — ответил царь, — покойный отец мой, пока был молод, так и поступал. Я во время своих охотничьих скитаний делал почти то же самое, но как же теперь я могу совершать такие путешествия, кто же будет править страной?

— Я буду править и сделаю так, чтобы никто не узнал о твоем отсутствии.

— Отлично. Завтра же я могу пуститься в путь. Если через двадцать дней не вернусь, то знай, что или меня нет в живых, или я попал в какую-нибудь беду.

Царь Вачаган, переодевшись простым крестьянином, направился в отдаленные уголки своей страны. Многое повидал, многого наслышался, но все это было ничто по сравнению с тем, что он испытал в городе Перож.

В центре города была широкая площадь, где помещался рынок. Вокруг площади были расположены лавки ремесленников и купцов.

Однажды, сидя на этой площади, Вачаган увидел группу людей, ведущих под руки величественного старца с длинной белой бородой. Старец выступал медленно, перед ним расчищали дорогу и под ноги подкладывали кирпичи. Вачаган подошел к одному из присутствующих и спросил, кто этот старец. Тот ответил:

— Это наш великий жрец, разве ты его не знаешь? Видишь, насколько он свят, что даже не ставит ногу на землю, чтоб вдруг не раздавить какое-нибудь насекомое.

На краю площади расстелили ковер, и жрец опустился на него отдохнуть.

Вачаган подошел поближе и стал невдалеке, чтоб взглянуть, что будет делать, и послушать, что скажет этот человек.

Верховный жрец был очень наблюдательным. Он взглянул на Вачагана и, заметив, что тот не здешний, знаком руки велел ему приблизиться. Вачаган подошел к нему.

— Кто ты такой, чем занимаешься? — спросил его жрец.

— Я рабочий, из чужих краев, — ответил Вачаган, — пришел сюда искать работы.

— Хорошо, пойдем со мной, я тебе дам работу и щедро вознагражу.

Вачаган склонил голову в знак согласия и отошел в сторону, к людям, пришедшим со жрецом.

Верховный жрец что-то шепнул стоящим близ него жрецам, а те, разойдясь в разные стороны, вскоре вернулись с носильщиками, нагруженными различной кладью.

Когда все жрецы собрались, верховный жрец поднялся с места и также торжественно двинулся к своему жилищу. Вачаган последовал за ним, желая узнать, чем занимается этот верховный жрец, что он за человек и за какие благодеяния чтят его, как святого.

Так они дошли до края города, где верховный жрец благословив сопровождающих его ревностных идолопоклонников, вернул их в город. Остались только жрецы, носильщики и Вачаган.

Они продолжали свой путь и, отойдя версты на две от города, достигли какого-то здания, обнесенного оградой, и отстановились у железной двери. Верховный жрец вынул из кармана огромный ключ, отпер дверь и, впустив всех, вновь запер ее. Вачаган, видя, что отсюда не удастся выйти по своей воле, почувствовал какое-то необычайное волнение. Пришедшие с Вачаганом рабочие тоже впервые входили в это помещение. Они переглянулись между собой, недоумевая, куда это их привели. Наконец, пройдя под этой аркой ограды, они вышли на просторную площадь, посредине которой стояло высокое капище с круг-

лым куполом, окруженное маленькими кельями. Рабочим велели сложить ношу у этих келий, и затем их вместе с Вачаганом верховный жрец отвел в другую часть капища, и здесь, открыв вторую железную дверь, сказал:

— Пройдите туда, там вам дадут работу.

Ошеломленные, они молча вошли в это помещение. Верховный жрец запер за ними дверь. Здесь только наши чужеземцы опомнились и сообразили, что очутились в каком-то подземелье.

— Друзья, не знаете ли вы, куда это мы попали? — спросил Вачаган.

— Я знаю, что мы попали в ловушку, и нам уж отсюда не выбраться, — ответил один.

— Но ведь верховный жрец святой человек, неужели он причинит нам зло, — сказал другой.

— Почему же нет, быть может, этот святой человек знает, что мы грешники, и потому привел нас в это чистилище, чтоб мы искупили свои грехи.

— Друзья, не время шутить, — сказал Вачаган, — я думаю, что этот старик — просто чудовище под личиной святого, и мы сейчас стоим на дороге в его ад. Смотрите, как здесь темно и жутко, и быть может страшные мучения ожидают нас. Чего же мы ждем, дверь эта никогда больше не раскроется. Давайте же пройдем вперед и посмотрим, куда же ведет эта дорога, откуда нет возврата.

Узники довольно долго шли вперед, и вдруг в отдалении блеснул слабый свет. Они пошли на этот свет, и перед ними раскрылось просторное, мощенное камнем помещение, из которого доносились какие-то неясные крики. Они взглянули вверх и увидели, что находятся в искусственной пещере, выстроенной вроде зернохранилища. Очевидно, скалу начали долбить сверху и, постепенно спускаясь ниже, расширяли отверстие. Таким образом в скале было выдолблено просторное полукруглое помещение.

Изумленные узники осматривали темницу и напряженно прислушивались, стараясь понять, откуда доносятся эти стоны и крики. В это время перед ними появилась какая-то тень, которая, приближаясь и сгущаясь, приобретала очертания человека.

Вачаган пошел навстречу этой тени и громко крикнул:

— Кто ты, дьявол или человек? Подойди к нам и скажи, где мы находимся.

Призрак приблизился и, дрожа, остановился перед пришедшими. Это был человек, похожий на мертвеца. Глаза его глубоко запали, скулы торчали, волосы выпали — это был голый скелет, все кости которого можно было сосчитать. Этот живой труп, еле двигая заострившимися челюстями, запинаясь, сказал глухим голосом:

— Идите за мной, я вам покажу, куда вы попали.

Они прошли через узкий проход и попали в другое помещение, где на холодной земле хрипели и корчились в предсмертных судорогах обнаженные люди. Отсюда они прошли в другую пещеру, где стояли в ряд огромные котлы. Мертвенно-бледные люди копошились около них,

варили какую-то пищу. Вачаган, желая узнать, что варится здесь, заглянул в котел и с омерзением отвернулся, не сказав товарищам, что в нем увидел. Затем они прошли в длинное помещение, где работали различные ремесленники. Одни вышивали, другие что-то пели, третьи шили, некоторые золотили какие-то изделия. Около сотни людей, похожих на бледные тени, работали при слабом свете.

Показав все это, проводник повел их обратно в первое помещение и сказал им:

— Старый дьявол, заманивший вас сюда, также завел и всех нас. Я не знаю, сколько времени нахожусь здесь, ибо тут нет ни дня, ни ночи, а лишь царит вечная тьма. Я знаю только, что люди, попавшие сюда со мной, все погибли. Сюда приводят и ремесленников, и не знающих никакого ремесла. Ремесленников заставляют работать до самой смерти, не обученных ремеслу отправляют на бойню, которую я вам не показал, а оттуда они попадают на кухню. Вот какие ужасы творятся здесь. Старый дьявол не одинок, сотни других жрецов помогают ему. Их жилище находится над этим адом.

— Скажи нам, что теперь с нами сделают? — спросил Вачаган.

— Сделают то же, что и с другими. Кто из вас знаком с каким-нибудь ремеслом, проживет здесь до конца своих дней, а кто не знаком, попадет на бойню. Я теперь нахожусь в мертвецкой, так как заявил, что у меня уже нет сил работать. Но бог не хочет взять мою душу, и, быть может, удостоит меня милости выбраться отсюда. И

знаете, я верю этому. Мне явилась во сне женщина со шлемом в виде короны на голове, с мечом в руке, верхом на огненном коне и сказала: «Не отчаивайся, Вагинак, я скоро приду и освобожу вас всех». Я бы давно умер, если б не эта прекрасная царица, подавшая мне надежду на избавление. Эта надежда поддерживает меня, и насколько я слаб телом, настолько же крепок духом. Ах, мой Вачаган, где ты, как ты мог забыть своего Вагинака?

Вачаган, стоявший до этого в оцепенении, и не вникавший в смысл речей этого человека, при последних словах, словно очнулся от глубокого сна, и мысленно повторил: «царица», «Вагинак», «Вачаган».— Значит, это наш Вагинак, — подумал он. При этой мысли он хотел кинуться и обнять его, хотел сказать ему, что он Вачаган, но, не поверив своим ушам, снова спросил, кто он такой и как попал сюда.

Вагинак начал свой рассказ издалека, с незнакомых Вачагану обстоятельств. Слушая его, Вачаган решил, что не следует сейчас открывать Вагинаку свое имя, боясь, что это известие, радостное и в тоже время горестное для Вагинака, может внезапно оборвать тонкую нить его жизни. Поэтому он, прервав его рассказ, спросил:

— Ты сказал, что твое имя Вагинак?

— Вагинак, да, Вагинак... я в одно время...

— Брат мой Вагинак, тебе вредно много говорить. Живи, пока не осуществится твой сон. Я верю ему и благодарен тебе за то, что ты поведал нам его. Теперь и мы будем жить этой надеждой. Хорошо бы тебе рассказать твой сон и другим твоим товарищам. Я умею разга-

дывать сны и уверяю тебя, что твой сон исполнится в точности. Но я слышу шаги, ступай на свое место.

Пришедших вместе с Вачаганом было шесть человек.

Вачаган спросил их, знакомы ли они с каким-либо ремеслом. Один сказал, что умеет ткать полотно, другой заявил, что он портной, третий умел выделывать шелковую ткань, а трое остальных сказали, что не знают никакого ремесла.

— Это ничего, что вы не знакомы ни с каким ремеслом, — сказал Вачаган, — я скажу, что вы мои помощники, а я владею очень хорошим ремеслом.

Шаги, гулко отдаваясь в тишине подземелья, приблизились, и перед ними предстал свирепого вида жрец в сопровождении нескольких вооруженных людей.

— Это вы новоприбывшие? — спросил жрец.

— Да, мы готовы служить тебе, — ответил Вачаган.

— Кто из вас знаком с каким-либо ремеслом?

— Мы все, — сказал Вачаган, — мы умеем ткать очень дорогую парчу. За нашу ткань дают во сто раз больше золота, чем весит она сама. У нас была большая мастерская, но случился пожар, и мы разорились, запутались в долгах. Пришли в город, чтоб подыскать какую-нибудь работу, встретили великого жреца, и он нас привел сюда.

— А правда, что ваша ткань так дорого стоит?

— Истинная правда, вы можете проверить.

— Конечно, я скоро узнаю, правду ли вы говорите.

А теперь вы мне скажите, какие вам нужны материалы и инструменты, чтоб я вам их достал.

Вачаган перечислил все, что ему было нужно.

Через несколько часов все уже было доставлено. Жрец велел им идти работать в общие мастерские и там же питаться со всеми из общего котла.

— Там мы не сможем работать, — сказал Вачаган, — нам нужно отдельное и просторное помещение, вот как это. Тонкость нашей работы требует яркого света; при тусклом свете мы ничего не сможем сделать. Что касается нашей еды, я должен сказать, что мы не едим мяса, непривычны к нему. Как только мы съедим его, сейчас же умрем, и вы лишитесь большой выгоды, которую можете от нас получить. Я говорю истинную правду, наша ткань стоит во сто раз дороже золота.

— Хорошо, — сказал жрец, — я пошлю вам хлеба и овощей, у вас будет и яркий свет, но если ваша работа окажется не такой, как вы обещаете, я всех вас отправлю на бойню, и прежде чем убить, подвергну мучительным пыткам.

— В сказанном нами нет лжи, и если вы хотите получить обещанную выгоду, то должны исполнить нашу просьбу.

Жрец сдержал свое обещание. Он им послал белый хлеб, овощи, простоквашу, сыр и разные сухие и свежие плоды.

Вагинак стал питаться с ними, остальным же узникам раздавали тайком куски белого хлеба, который вливал в них свежие силы. От этой новой для него пищи Вагинак

постепенно окреп и вновь приобрел человеческий облик. Вачаган начал работу и товарищей своих взял себе в помощники. В короткое время он соткал кусок замечательной парчи, в узорах которой, если внимательно вглядеться и понять их смысл, можно было прочесть описание того ада, в который они попали.

Жрец, увидев готовую парчу, пришел в восторг. Вачаган, сложив ткань и передав ее жрецу, сказал:

— Я прежде говорил, что за изготовленную мною парчу тебе дадут во сто раз больше золота, чем весит она сама, но теперь должен сказать, что она стоит вдвое дороже, потому что на ней вытканы такие талисманы, которые всегда будут доставлять носящему ее радость и веселие. Но простые люди не дадут тебе за нее настоящей цены. Только царица Анаит сумеет оценить ее, да кроме нее никто не посмеет носить такую дорогую ткань.

Корыстолюбивый жрец опешил, узнав настоящую цену парчи. Он ничего не сказал о ней хитрому верховному жрецу и даже не показал ему. Он решил сам явиться к царице, воспользоваться полученным от нее золотом.

Анаит за время отсутствия Вачагана прекрасно управляла страной. Все были довольны и не подозревали, что правит она, а не царь. Но сама Анаит была в мучительном беспокойстве, потому что прошло уже десять дней сверх назначенного Вачаганом срока, но его все не было. И ночью ей не было покоя: ей снились страшные сны, и она

в ужасе вскакивала с постели. Необычные, таинственные вещи творились вокруг нее: Занги непрерывно выла, с жалобным визгом кидалась в ноги царице, еще более усиливая ее беспокойство. Конь Вачагана непрерывно ржал, подобно жеребенку, потерявшему мать, и, не притрагиваясь к корму, день ото дня худел. Куры кричали петухами, а петухи пели не на заре, а по вечерам, и кричали фазаньими голосами. Соловьи перестали щелкать в саду, и взамен их пенья по ночам слышались стоны сов. Волны Тартара не журчали, как прежде, весело перескакивая с камня на камень, а с тоскливым плеском тихо текли вдоль ограды замка. Мужественная Анаит была охвачена необычайной тревогой, и даже собственная тень ей казалась страшным драконом. От простого стука или возгласа она вздрагивала и замирала в ужасе. Иногда она думала созвать князей и сообщить им об отсутствии царя, о его таинственном исчезновении, но боялась, что это может вызвать беспорядок в стране, мятежи и бунты.

Однажды утром она со стесненным сердцем бродила по своим покоям, когда вошел один из слуг и доложил, что приехал чужеземный купец и привез диковинный товар для царицы. Сердце Анаит забилось в непонятной тревоге, и она велела сейчас же ввести купца.

Вошел человек со свирепым лицом, низко поклонился царице и на серебряном блюде поднес ей кусок вытканной золотом парчи. Анаит взяла парчу и, не обращая внимания на узоры, спросила цену.

— Эта ткань стоит в триста раз больше своего веса, милосердная государыня. Столько стоит только ее выдел-

ка и материал, а мои труды пусть оценит твоя милость.

— Неужели она так дорого стоит?

— Многие лета царице, в этой ткани есть неоценимая сила. Вытканные на ней узоры не простые, а талисманы, и тот, кто оденет ее, не будет знать ни горя, ни печали.

— Так ли это, — сказала Анаит и развернув парчу стала внимательно рассматривать узоры, которые на самом деле были письменами. Анаит молча прочла следующие слова:

«Моя несравненная Анаит, я попал в кромешный ад. Принесший эту парчу — один из надзирателей его. Со мной и Вагинак. Ад этот находится к востоку от города Пероҗ, в подземелье капища идолопоклонников, обнесенного оградой. Если ты не поспешишь к нам на помощь, мы погибнем.

Вачаган».

Анаит несколько раз прочла эти слова, словно не веря своим глазам. Не отводя взгляда от ткани, она стала думать, как ей поступить.

Наконец, она обратилась к жрецу, переодетому купцом, и, придав веселое выражение лицу, сказала:

— Ты сказал правду, узоры твоей парчи имеют свойство радовать человека.

Я сегодня была очень грустна, но сейчас ощущаю несказанную радость. По-моему, эта парча не имеет цены. Если б ты требовал за нее половину моего царства, я б и то не пожалела. Но знаешь, ни одно творение не может быть выше своего творца, не так ли?

— Истинная правда, милосердная государыня, творение не может сравниться с творцом.

— А если ты знаешь, что это так, то должен привести ко мне того, кто соткал эту ткань, чтоб я вознаградила и его и тебя. Ты, вероятно, слышал, что я очень ценю всякое ремесло и готова наградить искусного ремесленника так же, как и храброго воина.

— Милостивая повелительница, я не видел того, кто соткал эту парчу и не знаю, кто он. Я простой купец, эту ткань я купил в Индии у одного еврея, который сам купил ее у какого-то араба, а тот и не знаю где достал ее.

— Но ты ведь сказал сколько стоят материал и работа, но не говорил, что ты купил ее за эту цену, а это значит, что ты сам заказывал ее кому-то.

— Милостивая царица, мне так сказали в Индии, и я...

— Подожди, где находится эта твоя Индия? Как отсюда до Пережа?

— Нет, милосердная государыня. Перож ведь рядом, а до Индии три-четыре месяца пути.

— А знаешь ли ты, что если я захочу, то могу твою Индию перенести в Перож. Можешь ты мне сказать, кто ты, откуда, какого племени, какой веры, где родился, где проживаешь и чему служишь?

— Милостивая царица!

— Молчи! Я тебя не помилую, принесенные тобой талисманы мне поведали, кто ты. Эй, слуги, схватите этого человека и бросьте в темницу.

Вачаган уже не сомневался в своем спасении. Желая

и в своих товарищах оживить надежду на избавление, он сказал Вагинаку:

— Брат мой Вагинак, я тоже видел сон, подобный твоему. Мне кажется, что мы или сегодня, или в эту ночь освободимся. Но знаешь, Вагинак, если мы выйдем из этого мрака на волю, дневной свет для нас будет так ярок, что мы ничего не увидим, и может быть, даже повредим себе зрение. Если, при выходе отсюда, вы почувствуете, что свет режет глаза, закройте их, пока понемногу привыкнете к свету. Я видел многих вышедших из темницы и слышал об этом от них.

— Только бы выйти из этой бойни, а там пускай хоть ослепнем, не жалко. Но знаешь, мастер, твои слова мне напомнили случай, о котором я хочу тебе рассказать.

Однажды мы с царевичем были на охоте и, усталые разгоряченные, присели отдохнуть у родника. Девушки из ближней деревни пришли к роднику по воду. Царевич мой попросил воды, и одна из девушек, наполнив кувшин, хотела подать ему, но другая взяла у нее кувшин и вылила воду. Потом она сама наполнила его и снова вылила и так повторяла несколько раз. Я очень рассердился, но царевичу понравился ее поступок и то, что она, подав, наконец, воду, сказала, что видя нас усталыми и разгоряченными, нарочно медлила, чтоб мы немного передохнули и остыли. Сказанное тобой похоже на слова той девушки, и знаешь ли ты, что именно она стала теперь нашей царицей? Вачаган, увидев ее, не хотел и слышать о других. Он решительно заявил, что хотят они ее или нет, он женится

только на ней. Царь вынужден был послать меня сватом к ее отцу, но девушка не согласилась, сказав, что не выйдет замуж за человека, не знающего никакого ремесла. Я тогда посмеялся в душе, но царевич мой опять-таки понял ее мысль и за год выучился ткать красивую парчу, очень похожую на ту, что ты соткал. А я, лишь попав в этот ад, понял глубокий смысл ее слов.

— Скажи мне, братец Вагинак, почему это мы видим во сне царицу, а не царя?

— Это тебе лучше знать, ты же толкователь снов и, прости, если я скажу тебе в лицо, но в моих словах нет лести, — ты мне кажешься очень мудрым человеком. Если ты сумел от этих приспешников ада получить человеческую пищу, то ты еще очень многое можешь сделать, и я даже не удивлюсь, что ты каким-нибудь чудом уничтожишь эту преисподнюю и освободишь всех нас. Если мы, божьей милостью, выйдем из этого ада, я уверен, что царь сейчас же призовет тебя и сделает своим ближайшим советником.

— И это, конечно, благодаря тебе, потому что царь не знает меня. Но, как знать, где сейчас сам царь? Может, и он, как и я, попал в такой же ад и ткет парчу. И ему, может, пригодилось его ремесло.

— Твои слова мне кажутся загадочными... но нет... лучше мне умереть на месте, чем увидеть моего Вачагана в такой беде.

— В моих словах нет ничего загадочного, братец Вагинак, я говорю лишь то, что думаю. Ведь царь такой же смертный, как и мы, и его также могут постичь невзго-

ды. Он тоже болеет, его, как и нас, могут убить или взять в плен. Он, как и мы, тонет в воде, горит в огне, ест тот же хлеб, что и мы и, быть может, хлеб его даже более горек.

— Верно, мастер, но по-моему, царь должен быть настолько благоразумным, чтобы не пойти из любопытства за верховным жрецом и не попасть в преисподнюю.

— Это дело случая, братец Вагинак. Как мог царь заподозрить, что святой верховный жрец окажется на самом деле ужасным чудовищем. Как он мог подумать, что есть люди, которым самые омерзительные преступления доставляют удовольствие. Нет, Вагинак, всякий смертный может попасть в беду. Тот, кто счастлив сегодня, не может предугадать, что завтра с ним случится несчастье. Совсем другое дело, когда ты ясно видишь опасность. Рассудительный человек, встретив на своем пути бурную реку, не бросается в неё очертя голову, а ищет брод. Что бы ты ни говорил, а я все же думаю, что и царь наш попал в беду, и сердце подсказывает мне, что он освободится лишь тогда, когда освободимся и мы.

— И, конечно, он сам освободит нас, благодаря своему умению ткать парчу. А сердце мое подсказывает мне, что я сейчас слышу голос моего царя. Этот голос с первой же встречи проник мне в душу. Но скажи, верить ли мне моим ушам?

— Нет, не верь! Ты лучше поверь тому голосу, который услышишь извне. Слушай, вон доносятся чьи-то голоса, какой-то шум, кажется, гремят двери ада. Вероятно спаситель уже близок. Дайте знать всем, чтоб собрались здесь и были готовы.

Анаит, бросив в темницу переодетого жреца, сейчас же повелела трубить тревогу. Внезапные звуки огромных боевых труб были знаком нависшей над страной грозной опасности. Вскоре весь народ собрался на площади перед дворцом. Все взволнованно спрашивали друг друга, что же случилось, но никто толком ничего не знал.

Вдруг на террасе дворца появилась Анаит, вооруженная с головы до ног, и, обращаясь к народу, сказала:

«Жизнь вашего царя в опасности. Я сейчас только узнала, куда он попал. Он отправился путешествовать по своей стране, чтоб лучше узнать нужды своего народа, встретил злых людей и попал в какую-то преисподнюю. Мне нечего больше вам сообщить. Кто любит своего царя, кому дорога его жизнь, пусть скорее сядет на коня и едет со мной. Мы должны сегодня до полудня попасть в город Перож. Я готова и жду вас. Так ступайте же и не медлите».

В одно мгновение народ рассеялся с криками: «Да здравствует царь, да здравствует царица!» и, вскоре все были уже вооружены.

Мужественные женщины, узнав, что войско поведет сама царица, тоже вооружились и, вскочив на коней, окружили ее.

Верхом на лихом коне, в золоченых доспехах, с широким мечом и щитом, с волосами, собранными под шлем, с ярко горящими глазами, Анаит была прекрасна и грозна.

Когда собравшиеся всадники выехали на поле, Анаит объехала свою конницу и, в несколько минут приведя в порядок ряды, стала во главе войска. Она громко крикнула: «Вперед!» и, пришпорив коня, в одну секунду скрылась из виду, оставив за собой только облако густой пыли, поднимающейся к самому небу. В скором времени ретивый конь домчал ее до города Пероҗ. На широкой площади она осадила коня. Идолопоклонники, жители города, сочли ее богиней, сошедшей с небес, пали ниц перед ней и склонили головы к земле.

— Где глава вашего города? — грозно крикнула Анаит.

Один из них поднялся и робко сказал:

— Это я, глава города, слуга твой.

— Ты такой нерадивый, что даже не знаешь, что творится в храме твоих богов?

— Слуга твой ничего не ведает об этом.

— Быть может ты и не знаешь, где находится ваш храм?

— Как не знать, госпожа, конечно, знаю.

— Так иди вперед, указывай дорогу!

Весь народ двинулся за Анаит.

Когда они подошли к ограде капища, жрецы, решив, что это идут богомольцы, поспешили раскрыть ворота. Но, когда толпа хлынула во двор, и они увидели грозное лицо закованного в латы рыцаря, необычайный ужас охватил их.

Анаит сейчас же нашла дверь в преисподнюю и, обращаясь к главе города, приказала:

— Откройте эту дверь.

Пока по приказу главы города несколько человек готовились взломать дверь, старый верховный жрец, видя грозящую опасность, вышел в своем священном облачении, чтоб посеять ужас в народе и отогнать его. Когда он торжественно появился весь в белом одеянии, с двурогой высокой короной верховного жреца на голове, держа в руках посох, толпа со страхом расступилась перед ним.

Он подошел к Анаит и, подобно оракулу, грозно воскликнул:

— Чего тебе надобно? Оставь это место!

Анаит, еле сдерживая гнев, сказала:

— Я приказываю открыть эту дверь.

— Кто может приказывать здесь кроме меня? Эта дверь ведет в наше святилище; здесь покоится прах наших предков, здесь находится наш неугасимый жертвенник. Взгляните на дым, что подымается к самому небу. Не гневайте богов. Разойдитесь, удалитесь, сгиньте! Как вы смеете вашими нечестивыми ногами топтать эту священную обитель!

Страшная угроза верховного жреца ужаснула суеверную толпу, и все, понурив головы, молча отступили. Некоторые остались стоять на месте, подозревая, что в этом подземелье скрыта какая-то ужасная тайна. Они в один голос закричали:

— Откройте немедленно дверь в это подземелье.

Верховный жрец, увидев, что есть люди, которые не покоряются его приказу обратился лицом к капищу и, простирая руки, воскликнул:

— О всемогущие боги, святой храм ваш оскверняют, придите на помощь!...

При этом призыве двери капища раскрылись, и выбежали какие-то вооруженные люди с яростными лицами.

Это были жрецы, которые, видя грозившую опасность, приготовились защищаться. Верховный жрец приказал им охранять дверь и никого не подпускать к ней.

Разгневанная Анаит потеряла терпение. Обернувшись и увидев, что над городом стоят тучи пыли, она поняла, что войско уже подходит. Это придало ей решимости и, желая одной завершить дело и поскорее увидеть своего Вачагана, она взяла в левую руку щит, правой обнажила меч и, обращаясь к жрецам, крикнула:

— Последний раз приказываю вам сложить оружие и открыть двери этого ада!

Жрецы приготовились дать отпор. Умный конь Анаит понял намерение своей госпожи, она слегка пришпорила его, он ринулся вперед, подмял старого верховного жреца и бросился на других. С быстротой молнии Анаит снесла головы троим и сейчас же повернула коня. Жрецы окружили ее и ранили коня. Анаит стала защищаться, а конь продолжал нападать: он кусал врагов, бил их копытами. Жрецы дрались с отчаянной решимостью. Жизнь Анаит висела на волоске. Увидев это, люди с тыла напали на жрецов. Жрецы растерялись. Воспользовавшись этим, Анаит вновь устремилась на них, снесла некоторым головы, нескольких затоптала конем. Язычники, увидев, что христиане помогают Анаит, решив, что война идет за религию, перешли на сторону жрецов и стали осыпать

христиан градом камней. С головы Анаит камнем сбило шлем и ее длинные густые волосы рассыпались по плечам. Только ее глаза, горевшие огнем, метали искры. Ее вид устрашающе подействовал на толпу, сразу переставшую швырять камни. Анаит воспользовалась этим и, снова напав на жрецов, повалила нескольких наземь, нанеся им смертельные раны. В это время подоспели передовые копьеносцы ее войска вместе с женщинами, и, увидев свою царицу, насмерть бьющуюся со жрецами, с громкими возгласами бросились на них. Минуту спустя оставшиеся в живых жрецы бежали; толпа отодвинулась, на открытой площади осталась Анаит, окруженная отважными женщинами. Один из христиан принес ее шлем, отнятый из рук толпы. Анаит целой и невредимой сошла с коня, поправила волосы и надела шлем.

Она приказала подошедшему войску окружить капище, в котором укрылись жрецы, заперев изнутри двери. Затем, обращаясь к толпе, она сказала:

— Стойте здесь, и вы увидите, что скрывается в святилище вашего жреца, — и приказала взломать двери.

Ужасающая картина открылась перед народом. Из адского логова выползло множество людей, похожих на поднявшихся из могил мертвецов. Многие были при смерти и не могли стоять на ногах. Слезы радости, крики и стоны, которыми они огласили воздух, надрывали сердца. Последними вышли Вачаган и Вагинак с опущенными головами. Царица узнала Вачагана и подала знак своим людям, чтоб его отвели в приготовленный шатер.

Вачаган пошел, держа за руку Вагинака, который с

закрытыми глазами, подобно слепому нищему, последовал за ним.

Усадив всех освобожденных на площади, Анаит велела воинам войти в подземелье и вынести все, что там имеется. Воины вошли в этот ад и вынесли оттуда трупы недавно умерших людей, отрезанные головы, полные корзины человеческих тел, котлы, полные человеческого мяса, различные инструменты и орудия.

Пристыженные идолопоклонники ужаснулись, увидев эти отвратительные злодеяния и, не выдержав, разразились громкими криками:

— Велик бог христиан, капище это — сущий ад, идолы — чудовища, жрецы — дьяволы! Сотрем, уничтожим их!

— Нет, нет, — воскликнула царица, — подождите, не подходите к храму, не трогайте жрецов, наказать их, — это только мое право. Нам сперва надо позаботиться об этих несчастных. — И она стала спрашивать каждого, кто он такой и откуда. Один сказал, что его зовут Арнаком, он сын Бабика. Глава города громко повторил его имя, и какой-то старик, дрожа, подошел и с рыданием спросил: «Где мой сын?» У другого оказалась здесь мать, без чувств упавшая на грудь своего единственного сына, у третьего — сестра, у четвертого — брат. А тех, о ком позаботиться было некому, царица взяла под свое покровительство. В числе их были и люди, работавшие с Вачаганом.

Устроив этих несчастных, царица пожелала осмотреть бойню, созданную жрецами.

С группой воинов она вошла в подземелье и при свете

факелов осмотрела все углы. Всюду видны были следы крови, несчетное множество человеческих костей валялось на земле.

— Это подземелье не могло быть построено за короткое время, — сказала она главе города. — Над ним долгие годы работало много людей, и все они, попав однажды сюда, не вышли уже на свет божий.

— Милосердная государыня, я виновен в том, что не смог узнать об этих преступлениях, но, чтоб раскрыть такое дело, надо было обладать твоей мудростью. Каждый год из нашего города бесследно исчезало не менее ста человек, но я всегда думал, что это горцы уводят их в плен. Этих гнусных жрецов мы не только считали святыми, но и думали, что они трудолюбивые и знающие ремесла люди, живущие трудом своих рук, а не за счет крови народа. Кто мог подумать, что все те дорогие ткани, которые они каждый день выносили на рынок, не они сами выделывали? Кто мог заподозрить, что столь чтимый нами верховный жрец был сущим дьяволом в человеческом облике, жаждущим крови невинных людей.

Наконец, они вышли из подземелья и направились к храму. Они постучали в дверь, предлагая жрецам открыть ее и сдаться, но никто не отвечал. Воины взломали дверь и вошли, но там никого не было. Взглянув наверх, они увидели страшную картину, все жрецы, вместе с верховным жрецом, висели под потолком, раскачиваясь перед своими индийскими идолами. Когда об этом доложили царице, она сказала:

— Эта смерть слишком легка для них, но ничего,

пусть они останутся висеть, только позвольте народу войти и поклониться своим святым.

Взволнованный народ, столпившийся у двери, подобно бурному потоку, хлынул в капище и, яростно накинувшись на идолов, разнес на мелкие кусочки тех богов, которым еще вчера поклонялся. «Как легко ломаются эти гнусные идолы, а мы думали, что к ним и притронуться нельзя», — говорили многие. Они выкинули все сосуды и прочую утварь, разрушили ризницы, взломали тайники, нашли массу золота и серебра, но, не тронув ничего, снесли все сокровища на площадь и сложили их перед царицей, которая повелела все богатства жрецов раздать вышедшим из подземелья. Когда в капище ничего уже не осталось и все было перерыто, народ излил свой справедливый гнев на удавившихся жрецов. Приспешников ада спустили наземь и, изрубив на куски, выкинули за ограду на съедение зверям.

Поручив одному из своих сотников закончить дело, царица удалилась в свой шатер, где ее с нетерпением ожидал Вачаган.

Царь и царица уселись рядом и не могли наглядеться друг на друга. Вагинак подошел к царице, поцеловал ей руку и, сев около нее, заплакал от радости, как ребенок.

— Ты не сегодня спасла нас, моя несравненная госпожа, а много раньше, когда я тебя увидел во сне, в таком вот именно одеянии.

— Ты ошибаешься, Вагинак, — сказал Вачаган, — царица спасла нас еще тогда, когда спросила тебя: «А

знает ли ваш царевич какое-нибудь ремесло?» Помнишь, что ты еще вдоволь посмеялся тогда.

— Ах, верно это, мне нечего сказать. И я, прежде мало чему веривший, только теперь уверовал в то, что давно слышал.

— Вагинак, об этом мы после поговорим,— сказала царица, сейчас только почувствовавшая, насколько она утомлена.

— Я вижу, что тебе надо отдохнуть, — сказал ей Вачаган, — ты отдыхай, а об остальном я сам позабочусь.

Царица удалилась на другую половину шатра, где женщины приготовили ей мягкое ложе. Здесь она сняла свои доспехи и отправила их Вачагану, а сама улеглась, желая заснуть, но была так взволнована, душа ее была так возмущена, что ей было не до сна. Анаит то радовалась освобождению своего возлюбленного, то ей казалось, что она окружена толпой разъяренных жрецов, нападающих на нее. Ей представлялись скатывающиеся наземь головы свирепых жрецов, чувство удовлетворенной справедливой мести успокаивало ее душу. Затем это видение заслоняли огромные котлы, полные человеческого мяса, и тогда она содрогалась всем телом и застывала от ужаса и омерзения. Эти беспорядочные картины не давали ей покоя.

Вачаган знал, что Анаит насколько отважна, настолько и добра. Он знал, что она, охваченная чувством справедливой мести, могла беспощадно уничтожить врагов, но вместе с тем ее доброе сердце не могло перенести столь суровые испытания. Поэтому он поспешил взять у

Анаит ее оружие и доспехи. Он умылся, сменил одежду, надел латы, привесил к поясу царский меч и, выйдя из шатра, предстал перед войском, которое с нетерпением ожидало его. Как только Вачаган появился и приветствовал их, войска огласили воздух ликующими криками. Царь поблагодарил их. В это время глава города подошел к царю, упал перед ним на колени, поздравил с избавлением и сообщил, что для войска на лугу приготовлен обед.

Царь повелел войскам идти обедать и веселиться, а сам вернулся к Анаит в шатер, где женщины уставили стол роскошными яствами и ждали царя. Тут же был Вагинак, уже сбросивший свои лохмотья и одетый в богатые одежды. Никогда обед не проходил так весело для Вагинака.

Девушки были так радостны и веселы, что Вагинаку казалось, будто он попал в какой-то обетованный мир. Анаит наконец избавилась от тягостных видений и сама подавала пример, шутя и веселясь вместе со всеми. После веселого обеда трубы возвестили, что пора собираться в обратный путь. Царь с царицей, окруженные толпой женщин, выехали вперед, а за ними последовали остальные воины, громко поющие победную песню. Когда они достигли города Пероҗ, все жители от мала до велика в один голос закричали: — Да здравствует царь! Да здравствует царица! Да сгинут жрецы, да рухнут капища!

14

Когда царь и Вагинак, целые и невредимые, вернулись

домой, их встретила Занги и с веселым визгом бросалась то к одному, то к другому, словно понимая все, что случилось.

На следующий день жреца, приходившего продавать парчу, вывели из темницы, чтоб судить при всем народе. Когда судьи собрались и хотели судить его в присутствии царя, подошел Вагинак и попросил царя, чтоб он отдал ему на расправу жестокого жреца.

— Как ты хочешь наказать его? — спросил царь.

— Мы с Занги подумаем. Только его смерть может стереть из моей памяти перенесенные страдания. Те негодяи легко отделались, этому я не дам так легко отделаться.

— Но, Вагинак, я вижу, что ты хочешь замучить его.

— Нет, я только хочу его черную душу отдать Занги, пусть она расправится с ним, как хочет.

— Возьми, возьми его, убей, как собаку, — в один голос сказали судьи. И царь не захотел отказывать Вагинаку в его просьбе. Вагинак отвел жреца со связанными руками в ущелье и, отпустив его, сказал Занги:

— Занги, смотри, вот этот человек несколько лет подвергал меня ужасным пыткам, заставляя меня есть такую пищу, которой ты никогда не ела. Помучай его, Занги, чтоб душа моя успокоилась. Ну, хватай его, это — зверь, кусай его, разорви на части...

Занги одним прыжком бросилась на жреца, вцепилась зубами ему в горло и, в одно мгновенье придушив его, сейчас же с ворчанием отошла.

— Ах, Занги, какую легкую участь ты ему уготовила.

Даже самый милосердный из палачей так бы не поступил.

Вагинак очень сожалел, что поручил Занги роль палача и пожаловался царю, но тот очень обрадовался доброте собаки.

Молва об этих похождениях царя Вачагана облетела города и села, рассказывали, что даже в чужих странах восхваляли Анаит и Вачагана. Народные певцы переходили из деревни в деревню, из города в город и в сложенных ими песнях рассказывали эту историю. Жаль только, что эти песни не дошли до нас, но о том, что сделали Анаит и Вачаган для своей страны, и по сей день рассказывают как сказку. Смысл этой сказки в том, что «ремесло спасло царю жизнь». Это мудрые слова, и народ, хранящий освященное временами предание, придает большое значение ремеслам и трудолюбию, от которых, главным образом, зависит счастье народа. Это счастье становится прочнее тогда, когда царь сам показывает пример народу и берет ремесло под свою защиту и покровительство.

И действительно, наши деды, трудолюбивые искусные ремесленники, после этого происшествия стали еще больше внимания обращать на ремесло.

Во всей стране не было человека, не знакомого хоть с каким-нибудь ремеслом, и многие из них достигли высокого совершенства. Девушки учились всевозможному рукоделию, выделывали из шерсти и хлопка различные ткани. Каждый землепашец сам изготовлял для себя орудия: плуг, телегу, ковал доспехи и оружие, делал себе медную и глиняную посуду, мебель, строил себе дом.

Летом обрабатывал землю, а зимой занимался своим ремеслом. И работали не поодиночке, а вместе. Любо было смотреть, как здоровые деревенские юноши дружно опускали огромные молоты на кусок железа, выковывая плуг, топор или меч. Вместе они пахали землю, вместе косили нивы.

Духовенство в то время не было кучкой дармоедов. Монастыри тогда были фабриками, где изготовляли прекрасный пергамент, писали, составляли книги, переплетали их. Кроме того, все свои одежды и утварь монахи изготовляли своими руками. Они говорили:

«Ученье и ремесло должны сплестись так, как узоры на парче царя Вачагана сплетались с таинственными талисманами».

Можете, следовательно, представить, как жилось народу при таком царе, как Вачаган, который был родным сыном своего народа, его отцом и братом, и при царице Анаит, ставшей родной матерью для своей страны. Вот что говорил народ об Анаит:

«Она перекинула мосты через наши реки, наполнила наши моря и озера ладьями и кораблями, она оросила наши поля каналами, напоила наши города и деревни водой из студеных родников. Она дала нашим телегам гладкие дороги, нашим плугам обширную землю. Она уничтожила ад и превратила нашу страну в обетованный рай.

Да здравствует Анаит, да здравствует навеки!».

Арегназан или волшебный мир

Из старинных армянских бесед

1

В стародавние времена, когда мир был полон чудес, а добрые и злые духи вели между собой нескончаемую войну, жил у подножия Арарата старый князь Арман.

Было у него трое детей, оставшихся сиротами после смерти матери, две прелестные девочки, одна краше другой, а третье дитя — божественной и восхитительной красоты. Однако добрые духи скрыли от простых смертных его пол. Так пожелали добрые духи по причинам, известным только им одним, и лишь по прошествии некоторого времени выяснилось бы, кто это — мальчик или девочка. Но князь Арман не делал между ними различия и всех троих одевал как девочек. «Пусть и эта считается девочкой, — решил он, — пока не исполнится воля добрых духов», и назвал ее Арегназан. Старшую звали Заназан, а среднюю Зарманазан. Арегназан росла как девочка, и хотя верила, что она девочка, да еще милее других, но питала отвращение ко всему, чем подобает заниматься девочке. Она не любила чесать шерсть, прясть нитки, шить и работать по дому и наоборот, сходила с ума при виде доброго коня или оружия. У нее не было матери,

которая приучила бы ее к домашнему труду, а отец не только не беспокоился об этом, но, как бы нарочно, брал ее с собой на охоту, учил седлать коня и носить оружие.

Через некоторое время Арман вызвал к себе детей и сказал:

— Когда-то я служил нашему доброму царю, он очень любил меня. Эти поля и леса он подарил мне за безупречную службу. Смерть вашей матери была большим горем для меня. Я забрал вас и переехал в эти тихие места и, чтобы разогнать печаль, занялся охотой. Теперь вы уже взрослые, а я постарел. Живете вы здесь подобно диким оленям, что вас ждет в будущем? Конечно, ничего хорошего. И вот я решил позаботиться о вас. Я пошлю одну из вас в мужской одежде на службу к царю. Он с радостью примет мое дитя и предоставит неплохую должность. И уж придется ей и о сестрах позаботиться. Кто бы хотел поехать?

— Я, отец, — откликнулась старшая дочь.

— И я тоже, и я! — вмешалась средняя.

Арегназан молчала.

— А ты, Назаник, ты разве не хочешь ехать? — спросил царь у Арегназан. Словно хотел, чтобы поехала непременно она.

— Почему же нет, отец? Но если хочет моя старшая сестра, зачем же мне становиться поперек ее дороги?

— Не в том дело, душа моя, все вы для меня одинаковы. Только пока еще не знаю, кто из вас больше подойдет.

— Больше всего подхожу я, отец, — сказала старшая сестра, — ведь я старшая...

— Прекрасно. Но при одном условии. Ступай, смени одежду, выбери оружие, с утра пораньше оседлай коня и выйди на охоту. Если вернешься не с пустыми руками — отправлю тебя к царю.

Наутро старшая сестра, как велел отец, отправилась на охоту. Когда она вошла в глубокое ущелье и уже хотела перейти на другую сторону, ей преградил дорогу всадник, вооруженный с ног до головы. Очень испугалась девушка при виде его, так что едва не лишилась чувств. Она стала как вкопанная, не могла даже двинуться с места.

Всадник подъехал поближе и сказал:

Погоди, красавец!
Ты куда спешишь?
Теплый кров оставив,
В ранний час бежишь?

Девушка заикаясь ответила:

— Я... я... я иду... иду,
Нет... нет... никуда не иду.
Да... да... я ... должен идти,
Назад мне нету пути.

Всадник сказал с угрозой в голосе:

— Ты уходишь? Зачем? Куда
Бежишь из родного села?
Вернись сейчас же, пока
Твоя голова цела!

С этими словами всадник выхватил из ножен меч и, подняв над головой, хотел уже ударить девушку, но она вскрикнула:

— Ох, ох не надо, не надо! Девица я, девица! Сейчас, сейчас поеду назад...

— Если ты девица, то возвращайся домой и корми кур. Чтобы быть мужчиной, недостаточно носить мужскую одежду, надо еще иметь мужественное сердце. Хорошо еще, что ты встретила меня, а не кого-нибудь другого, — ответил всадник и исчез.

Дрожа от страха, девушка вернулась домой.

— Ну-ка покажи, что ты настреляла, — сказал отец. — А почему так скоро вернулась?

— В дороге меня стало лихорадить, отец, — ответила девушка, — и разболелась голова.

На другой день отец отправил среднюю дочь. С ней повторилось то же, что и со старшей.

На третий день настал черед Арегназан. И вот вышел ей навстречу всадник и сказал:

— Эй, куда спешишь ты,
Позабыв про сон?
От кого бежишь ты,
Свой покинув дом?

Арегназан сердито ответила:

— Тебе забота какая?
Сам знаю, куда мне идти.
Я — не как ты, не мешаю
Мирным людям в пути!
— Стало быть, я — разбойник?!
Об этом ведешь ты речь?
На это тебе, негодник,
Ответит мой острый меч!
— Других слов ты вряд ли достоин,
Сокрывший лицо свое!
О том, какой же ты воин,
Узнает мое копье!

С этими словами Арегназан бросилась на противника и потребовала:

— А теперь сними маску, хочется посмотреть, что ты за человек! Не то не снести тебе головы!

Всадник выставил перед собой щит и, обнажив меч наголо, напал на Арегназан. Бой длился ровно час, и никто не вышел победителем. Удары, наносимые каждой стороной, попадали в щит другого. И только с каждым нанесенным ударом Арегназан становилась все сильнее и сильнее, а противник ее — слабее и слабее. Наконец, Арегназан соскочила с коня, ловким движением ухватила противника за шейный платок, скинула с коня и уже собралась было обезглавить его, но тот вдруг быстро снял маску...

— Ах, отец, отец! — воскликнула в страхе Арегназан. — Ты едва не наделал беды, ведь я могла стать отцеубийцей, сними ты маску позже!

Усадил ее отец рядом с собой, смотрит на дочь и не может насмотреться. И вскоре он заговорил такими словами:

— Ты молодец, Арегназан,
Расти и цвети, сын мой!
Место мое — теперь я узнал —
Не пропадет за тобой!

Не напрасно тебя учил
Владеть мечом и щитом,
Больше всех я тебя любил,
Тебе известно о том.

Пусть ты вырастешь,— думал я,—
Сыном отважным мне:
Сердцем бесстрашным мое дитя —
Мужчине под стать вполне.

И не девушка больше ты,
Помни об этом отныне,
Так поступай, чтоб обрести
Славу и доброе имя.

Знай — у царя в чертогах
Опасность живет и беда,
Коль оступился немного,
Значит — погиб навсегда!

Ступай теперь, моя душа,
Благословленье с тобой,
Твори добро, правде служа
С открытой и чистой душой!

И Арегназан предстала перед царем. Как же обрадовался царь, узнав, что это сын Армана.

— Я и не знал, что у славного Армана такой взрослый сын, — сказал он. — Как тебя зовут, мой мальчик?

— Ваш слуга — Арег.

— Арег? Прекрасное имя. Оно подходит тебе. Будь всегда веселым, живи в свое удовольствие, здесь тебе будет хорошо. Если чего-нибудь захочешь, ты только скажи. А завтра мы идем на охоту, так что будь готов.

Была у царя единственная дочь, Нунуфар, такая красивая, что могла бы и самому солнцу сказать: «Ты не всходи, я взойду вместо тебя». Видела она, как ее отец принял Арегназан — подсмотрела из-за занавески. «Точь-в-точь такое лицо снилось мне несколько раз»,— сказала она про себя.

Утром следующего дня раздался звук охотничьего рога. Более тысячи всадников, вооруженных луками и стрелами, длинными копьями, отправились в путь, взяв с собой собак, соколов и все, что требовалось для охоты.

Вскоре все собрались на небольшой поляне. Легавые выгнали из леса много кабанов, оленей, охотники окружили поле и началась охота.

Арегназан ни на шаг не отходила от царя, она не меньше него настреляла всякой живности. И вот в самый разгар ловли случилось так, что преследуя оленя, царь свалился с коня, конь храпнул и ускакал, и царь оказался лицом к лицу с большим медведем. Зверь стал на задние лапы и пошел на царя — вот-вот подомнет под себя. Увидела это Арегназан, с быстротой молнии бросилась она вперед на своем коне и сильным ударом сабли рассекла медведя на две части. Царь был спасен, а Арегназан стала героем дня.

— Вот это везенье, — говорили охотники. — Ну почему не я был в это время там?

Вскоре весть о храбром юноше достигла города. Стоило видеть, как приветствовали горожане славных охотников.

— Да здравствует царь! Да здравствует храбрый Арег!— кричали все в один голос и пели:

Кто это спас царя нашего
От медвежьих когтей,
Гэй, от медвежьих когтей?
Наш юный прекрасный Арег,
Это он спас царя
От медвежьих когтей,
Гэй, от медвежьих когтей!

Длинным копьем пасть медведю пронзил,
Надвое череп мечом разрубил,
Страшного зверя на землю свалил, —
Царя нашего освободил
От медвежьих когтей,
Гэй, от медвежьих когтей!

Как солнце, прекрасен наш юный князь,
На охоту отправился в первый раз,
С медведем вышел на бой, не таясь,
Царя нашего Арег спас,
От медвежьих когтей,
Гэй, от медвежьих когтей!

Арег — богатырь, он отважен и смел,
Да будет Арега славен удел,
Если б к охоте Арег не поспел,
Кто же царя спасти бы сумел
От медвежьих когтей,
Гэй, от медвежьих когтей!

Глядя на ликующую толпу, Арегназан говорила себе: «Хорошо быть мужчиной. Как бы я хотела быть муж-

чиной на самом деле. Разве девушка может удостоиться таких почестей?»

— Арег, — сказал царь, — ты сегодня показал, что ты смелый юноша. Оставайся со мной, я тебя никуда не отпущу. Таких, как ты, очень немного, ведь храбрость не очень-то в ладу с молодостью и красотой. Небо пожелало сделать для тебя исключение. Возьми самого лучшего коня из моей конюшни, отбери себе оружие и доспехи. Со временем ты станешь витязем, да ты и сейчас — маленький витязь.

Очень обрадовался царь, что при его дворе появился такой герой, а уж ликованию Нунуфар не было предела.

— Само провидение послало его мне, — говорила она себе. — Но когда же я встречусь с ним, когда он увидит меня? Ах, как бы мне хотелось, чтобы он в эту минуту был здесь, со мной... Мы бы с ним поговорили... И почему не вызвать его, не поговорить? Я ему скажу... он мне скажет... Отец любит его как родного, ведь это сын его лучшего друга. Во дворце ему всюду открыт доступ. Да, да надо его позвать.

— Эй, кто там! — крикнула Нунуфар и вошла служанка. — Ступай сейчас же к Арегу и скажи ему, пусть придет ко мне. Скажи, что царевна его зовет.

Служанка отправилась за Арегом.

— Не могу прийти, — сказал Арег.

— Почему, господин? Царевна приказывает вам, — настаивала служанка.

— Пойми, мне нечего у нее делать.

— Но она сказала, господин: «Пусть он придет повидаться со мной».

— Пойди и передай: «Не приду, не повидаюсь с тобой».

Служанка ушла.

Узнав об отказе Арега, Нунуфар вся похолодела, потом ей стало жарко, она раскраснелась, побледнела так, что служанка, глядя на нее, испугалась. У Нунуфар готово было разорваться сердце, голова едва не раскалывалась. В смятении металась она по комнате, ходила взад-вперед, открывала то двери, то окна. Комната словно превратилась в раскаленное горнило, жгла и поджаривала ее.

— Отказ, пренебрежение!... Мне, мне... О, как болит голова!

Видя, как она страдает, служанка осмелилась сказать:

— Госпожа, стоит ли убиваться по пустякам. Вы истязаете, вы изводите себя. Может, он только постеснялся прийти? Когда я ему передала ваш приказ, он покраснел, как роза, стал совсем пунцовый от смущения. Какой же он был красивый в эту минуту!

Нунуфар вконец извелась от душевных мук и слегла. Вызвал царь к дочери разных врачей, те заверили царя, что болезнь не страшная и обещали вылечить девушку. Но чем дальше, тем хворь становилась опаснее и врачи потеряли надежду. Они уже не обещали выздоровления, а прямо заявляли, что не могут определить ни причины болезни, ни способа излечения.

Сильно опечалился царь: Нунуфар была его единственной дочерью, утешением и наследницей престола. Весь царский двор и даже весь город впали в уныние. Один

только Арег оставался спокойным и равнодушным. Болезнь царевны не трогала его. Ему и в голову не приходило, что он — единственная причина ее болезни... Немного утешал и забавлял Нунуфар только придворный шут. Уход же и забота о больной лежали на вдове визиря.

У вдовы визиря был взрослый сын, и ей казалось, что только он и никто другой достоин стать зятем царя. И вот она ни днем, ни ночью не отходила от Нунуфар, стараясь выходить царевну и заслужить ее любовь.

Однажды вечером придворный шут спросил у вдовы визиря:

— Что ты мне дашь, госпожа, если я вылечу царевну?

— Что тебе дать, дурак? Коли знаешь средство, говори, вот и все.

— Это ты хорошо сказала.

— Что дать такому дураку, как я? Другое дело, если бы я был дураком-врачом. Постой, надо убедиться, в своем ли ты уме, а то, может быть, обидевшись на тебя, ум твой ушел и забрался к другому в голову?

— А как ты это узнаешь?

— А вот как. Если вычесть из десяти два, можно ли остаток снова превратить в десять?

— Конечно. Если вычесть из десяти два, будет восемь, добавить к восьми два, снова будет десять.

— Э, нет. Если отнять два от десяти, как потом снова приставить обратно эти два? Представь себе, если отрезать у тебя руку, потом приставить, разве она срастется?

— Что ты мелешь, дурак! Если у тебя десять яблок, а ты съешь два, разве не останется восемь? И если госпо-

жа даст тебе еще два яблока, разве у тебя не будет снова десять?

— А, понял! Значит, ты считаешь, что на место съеденных можно положить другие яблоки?

— Конечно.

— А я-то думал: что съедено, то съедено, что пропало, то пропало, что умерло, то умерло — уже не вернешь. Вот эта госпожа почему одна? — сказал он, имея в виду вдову. — Пока у нее был муж, их было двое, он умер — она одна. Если дать ей мужа, их снова будет двое. Только прежний был визирь, упокой господи его душу, считался умным. А новый муж может оказаться шутом, то есть дураком. Но ведь это обстоятельство никак не отразится на нашем счете: дама, которая сейчас одна, то-есть меньше на один человек, станет, как и раньше, двумя...

— Не твое дело, дурак, — ответила вдова. — Если у тебя есть лекарство, дай царевне, а я пусть буду одна.

— Сударыня, моя госпожа Нунуфар — тоже одна. Но ясно, ей хочется стать двумя. Сейчас я думаю найти ей такого «одного», чтобы она снова стала прежней Нунуфар.

Шут приложил палец ко лбу и воскликнул:

— Нашел, нашел! — и запел:

Один — Арег наш господин,
Три — на него ты посмотри,
Шесть — так и есть:
Одного медведя убил,
Одну девушку погубил...

И прознал я про него,
Сосчитав до одного.
По-иному и не счесть:
Лишь один такой он есть,
Нету во дворце второго,
Только за него готовы
Девы с хлебом сердце съесть.

Я дурак, всегда дурак,
Кто мне скажет, что не так?!
Кто поверит дураку?
Разве отыскать могу
Я лекарство для души
Моей милой госпожи?
Яраллали, шараллали,
Айда, дурак, прочь иди!

Спев эти строчки, дурак в несколько прыжков убежал.

Жена визиря прикусила губу. «Теперь я все поняла, — сказала она себе. — Дурак может спутать все мои расчеты. Ладно же, вот пошлю я твоего Арега туда, откуда выбраться не просто будет».

— Наш дурак не так глуп, как кажется, — сказала она Нунуфар.

— Да, но на этот раз он сильно поглупел, — ответила царевна.

Наутро вдова визиря отправилась в покои царя.

— Ну, что нового, как здоровье моей дочери? — спросил царь.

— Все так же, государь. Но я пришла сообщить тебе радостную весть.

— Говори скорей. Не о моей ли дочери? Никакая

другая весть уже не сможет обрадовать меня.

— Приснилась мне ночью покойная царица. Она сказала, что единственное лекарство для Нунуфар — живая вода.

— Жи-ва-я вода?— протянул царь.— Откуда же мы ее возьмем? Слыхать-то я слыхал о ней, но сам не видел.

— Я спросила об этом царицу, она сказала: только Арег сможет достать ее.

— Арег? Ну что ж, пошли его, пускай попытает счастья.

Вызвал царь Арега и рассказал, в чем дело:

— Ступай, сын мой. Если сможешь принести живой воды и вылечить мою дочь, отдам ее за тебя, и вместе с ней и все царство.

— Я и без того, государь, готов повиноваться тебе, только прикажи, — ответил Арег. — А где ее искать?

— Кто знает, сын мой. Живая вода — дар, знак особой милости и расположения добрых духов к своим избранникам. Этот источник, как я слыхал, охраняется незримыми духами. Порой он бьет из-под земли, порой исчезает. Но кто может знать наверняка, так ли это? Стань лицом к востоку и иди в этом направлении, проезжай по разным странам, а по дороге расспрашивай. Найдешь или нет — все зависит от везенья, от твоего счастья. Но чем бы ни кончился твой поход — удачей или неудачей, ты многое повидаешь, многому научишься. Моя казна к твоим услугам, бери золота и драгоценностей, сколько сможешь унести с собой, они не раз понадобятся.

Арегназан отправилась в путь.

Удивительным она была созданием, всегда веселая, жизнерадостная, беззаботная и беспечная, она не изменяла своему легкому нраву даже в трудные минуты. Ее быстроногий конь Базик проходил трехдневный путь за один день. Много она обошла стран, повидала немало, от тысячи напастей спасалась и добралась, наконец, до заколдованной страны, где на каждом шагу были чудеса и диковинки.

Однажды утром, когда жара стала слишком донимать Базика, Арегназан спешилась у небольшого озера, привязала коня в густой тени деревьев, села рядом и принялась за еду. Вдруг прилетела стая голубей и опустилась на берегу озера, недалеко от Арегназан. Она натянула лук, чтобы выстрелить и поживиться дичью, но неожиданно все голуби сбросили свое оперение и, обернувшись девушками, вошли в воду.

Арегназан удивленно замерла, но потом решила сыграть с девушками шутку. Она пригнулась, незамеченной подошла к берегу, взяла перья одного из голубей и спрятала. Это были два больших голубиных крыла.

Не прошло и нескольких минут, как девушки вышли из озера, каждая надела свои перья и улетела. Только одна, не найдя своих крыльев, постеснялась стоять нагой на берегу и снова бросилась в воду. Тут Арегназан вышла из своего укрытия и направилась к девушке. Сидящая в

воде девушка запела, обращаясь к Арегназан:

О юноша, видом прелестный!
Крылья мои верни!
Я улечу в поднебесье,
Взамен, что изволишь, проси!

Мне красоты подобной
Еще не случалось встречать,
Сердцем ты должен быть добрым, —
Своей красоте под стать.

Сжалься над мной, умоляю,
Крылья мои верни!
Взамен тебе обещаю
Исполнить желанья твои.

Если ты парнем родился,
Я захочу, и ты
Станешь девушкой милой
Невиданной красоты

Тебя я благославляю,
Зла на тебя не таю,
Взамен тебе обещаю
Исполнить мечту твою.

Голубка кончила и, склонив голову, с нежностью посмотрела на Арегназан в ожидании, когда та вернет ей крылья.

Очень понравилась Арегназан песня, и она подумала: «Могу не есть, не пить, только слушать, как она поет».

— Продолжай, спой еще немного,— попросила она,

— в жизни не слышала такого пения. Одного только я не поняла. Ты сказала: «Если ты парнем родился, стань девушкой милой. Скажи, можно ли это сделать?»

Голубка запела снова:

В мире чудес немало,
Сбудутся все мечты!
Если ты девушкой стала,
Стань теперь юношей ты!

Вот нежные щеки покрылись
Черной бородой,
Черты лица изменились,
Вот и усы над губой.

В мужчину тебя превращу я,
Исполню твои мечты —
Взамен у тебя прошу я:
Крылья мои верни!

На минуту Арегназан словно впала в забытье, она почувствовала, что с ней происходит что-то необычное, но очень приятное. Посмотрела она в воду — оттуда глянуло на нее лицо, в точности похожее на ее собственное, только с усиками и бородкой. Лицо показалось ей вначале отталкивающим, потом восхитительным, и она уже глаз не могла отвести от него.

— Это, должно быть я, — сказала она себе, — теперь я и в самом деле Арег.

— Ты подарила мне то, о чем я только мог мечтать! Ты свободна. Благодарю тебя. Помогла бы ты мне еще и живую воду найти, я ищу ее уже сколько времени!

И девушка-голубка запела:

Завиден Нунуфар удел:
Исполнятся ее мечты,
И ты достиг, чего хотел —
Ты девушкой сюда пришел,
Уйдешь мужчиной ты.

Бессмертной ищешь ты воды?
Мои мне крылья возврати:
Я в даль небесную умчусь,
С водою в клюве возвращусь.

Но чтобы облик твой мужской
Остался навсегда такой,
Ты должен немощных спасти
И, встретив камни на пути,
Их одарить душой.

Но если мимо ты пройдешь
И не поможешь беднякам, —
В окаменевший град войдешь,
К колдунье старой попадешь
И камнем станешь сам!

Меня ты больше не томи —
Скорее крылья мне верни!
Я в высь небесную умчусь,
С водой бессмертной возвращусь!

Арег многого не понял из слов девушки, но, не желая дольше задерживать ее, вернул крылья. Девушка надела оперение, превратилась в голубку и улетела. Не прошло несколько минут, она вернулась, неся в клюве маленькую бутылочку. В ней была живая вода. Вручила она ее Арегу и улетела.

Арег сел на коня и отправился в путь, ведя с конем такую беседу:

— Базик, ты знаешь, теперь я парень. Раньше был девушкой, но никто этого не знал, может, ты тоже. Отец наказал, чтобы я никому не говорил, теперь другое дело. О, если бы ты знал, как я рад! Ты этого не поймешь... хотя девушкой быть тоже неплохо, но гораздо лучше быть юношей. А сейчас я не знаю, куда ехать, Базик, веди меня, куда хочешь. Но постой, я вижу вдали какие-то башенки, там непременно должен быть город, туда мы и направимся. Удивительно беспечен я, Базик. Спроси меня кто, почему я не узнал у той мудрой девушки дорогу домой — и не смогу ответить.

Хорошо еще, что она без моей просьбы превратила меня в парня, а то бы я до сих пор оставалась девушкой. Да ведь и то сказать: откуда я знала, что такое бывает? Но уж когда я сам видел, что такое бывает, надо было попросить: «Красавица, раз ты превратила меня в парня, сделай моего Базика человеком, а коли нельзя, дай хоть ему возможность заговорить». Ну, что ты скажешь на это, Базик? — «Ничего не скажу, ты стал юношей, а я все еще лошадь». Да, да, в самом деле, нехорошо получилось. Стоит мне увидеть что-нибудь интересное, увлекаюсь и забываю обо всем на свете, после-то, конечно, жалко бывает, но уже поздно...

Так, разговаривая с конем и сам отвечая за него, ехал наш преображенный Арег к виднеющимся вдали городским башенкам.

Когда Арег подъехал к башням, показались и другие дома, и он увидел перед собой большой город. Он подошел к городским воротам, встретил несколько человек и спросил у них:

— Скажите, что это за город и где тут чужестранцу можно остановиться?

Ему ничего не ответили.

— Я вам говорю, ребята, вы что, не слышите?

«Наверное, глухие», — подумал Арег, и подойдя, дотронулся до плеча одного из них.

— О, небо! — воскликнул он. — Чудеса! Это же статуи! А я-то думал, это люди. Какой же искусный скульптор их изваял!

И решив, что видит перед собой творения человеческих рук, он вошел в город. Пока он шел, встречал на своем пути все новые и новые статуи.

Огромный рынок, большие магазины, ларьки, дома, кошки, собаки, еда, одежда, ковры и украшения — все было из камня. Ни дыма, ни огня, ни звука, ни дыхания, ни жизни...

— А вот оно что! Теперь я понимаю — это тот самый каменный город, о котором говорила девушка-голубь.

Арег стал ходить по улицам, встречая на каждом шагу новые и необычные картины. Тут беседовала группа людей у одного было сердитое лицо, он стоял с открытым ртом. Кто-то смеялся, другой плакал, женщина с ребенком на руках просила милостыню. Там, дальше играли

свадьбу — невесту вели к жениху. Здесь продавец взвесил фрукты и уже укладывал в корзину покупателя, но не успел, и застыл на месте. Замерли и он, и покупатель, и весы, и фрукты: так быстро произошло колдовство. Одним словом, если бы за секунду город оканемел — получилась бы именно такая картина.

— О, горемыки! — воскликнул Арег.— Вам не посчастливилось даже обратиться в прах! Вы стали всего лишь товаром, которым можно торговать. В самом деле, если бы кто-нибудь увез эти скульптуры на продажу в дальние станы, он смог бы заработать огромное состояние. Вон за ту скульптуру новобрачной отвалили бы столько золота, столько в ней весу. Но что я говорю — разве может тот, кто своими глазами видел это бедствие, думать о богатстве? Поистине, вот богатство, явившееся нам в своем истинном обличье!.. Ах, если бы кто-нибудь из них на минуту обрел дар речи и рассказал о постигшем их несчастьи! Дай-ка я крикну, может, кто откликнется.

— Эй, горожане, отчего вы окаменели? — крикнул Арег.

— ...нели! — ответило эхо.

— Ко... ме... — вдруг раздался какой-то звук.

— Я слышу чей-то голос, — обрадовался Арег и снова крикнул: — Есть здесь кто-нибудь живой?

— Здесь... здесь, — ответил голос.

Арег ясно уловил, откуда он раздается, и пошел в том направлении. И увидел прекрасный замок, перед которым раскинулся окаменевший сад. Войдя в сад, он обнаружил

в маленьком цветнике окаменевшего человека, голова которого оставалась живой.

— Кто ты? — спросил Арег

— Воды... глоток... — ответила голова, с трудом ворочая языком.

— Отец, в городе даже вода окаменела.

— Только один глоток...

— На что тебе глоток? Твоя жажда не пройдет и от целого кувшина! Есть у меня с собой несколько капель живой воды, что ж, не пожалею ее для тебя.

Арег достал бутылку с живой водой и влил несколько капель в рот человеку и живая голова не только утолила жажду, но сразу почувствовала, как к ней возвращается жизнь и заговорила:

— Добрый ангел мой!
Пришел ты откуда?
Скорей уходи,
Беги же отсюда!

Скорей, ангел мой!
Но нет, погоди, —
Я тоже с тобой.
Гляди же, гляди!

После этого каменный человек пошевелился, встряхнулся, переставил одну ногу, потом другую, и пошел, побежал. На бегу он звал Арега:

— Бежим, сын мой, ну, скорее. Нам надо спрятаться, пока не появилась старая колдунья. Пойдем во дворец, там и скроемся от нее.

Арег поколебался, потом решил последовать за бегущим человеком. И вот они уже во дворце. Арег отвел Базика в конюшню и поднялся в покои.

— Расскажи, о какой колдунье ты говорил? — спросил Арег.

— Она заколдовала весь город. Ежедневно в это время ведьма приходит сюда, чтобы полюбоваться делом своих рук. Уже время ей придти, и если она увидит нас живыми, тут же обратит в камень.

— Вот оно что! Но как же случилось, что твоя голова осталась живой?

— Злая колдунья решила усугубить мои муки. Я здешний царь, зовут меня Андас. Старая карга сохранила в живых мою голову и при этом сказала: «Оставлю тебе зрение, Андас, чтобы ты своими глазами увидел, как ты ничтожен и как всемогуща я».

— А в чем же ее сила, царь Андас?

— В клюках, что всюду сеют смерть. Сама старуха — орудие в руках злых духов, а может статься, она и сама злой дух, принявший обличье старухи.

— Значит, чтобы лишить ее могущества, достаточно отнять у нее клюки?

— Но как к ней подобраться? Только добрым духам это под силу, или тем, кто пользуется их расположением.

— Я думаю, добрые духи возьмут нас под защиту, — и Арег поведал Андасу о своей встрече с девушкой-голубкой, о том, что она рассказала ему о каменном городе.

— О, если это так, значит, ты — сам добрый дух,

ниспосланный небом, — обрадовался царь. — Теперь я без страха выйду ей навстречу. А ты спрячься, и как только она набросится на меня, быстро выходи и отними у нее клюки. Вон, смотри, видишь ее среди облаков, верхом на маслобойке, с плетью-змеей? Она летит прямо сюда.

— Вижу. Не бойся, я с ней справлюсь.

Арег с царем Андасом спустились из покоев в сад, и Арег спрятался позади какой-то статуи.

Опустилась старуха на землю. Тут ее взгляд упал на царя, и она сердито взмахнула одной из трех клюк, приговаривая:

Что я вижу? Что такое?!
Кто это здесь был?
Камень жизнью и душой
Кто-то одарил...

Эй, на помощь, злые духи
Бедной немощной старухе!

Ну, а ты, моя клюка?
В гневе на тебя я:
Знать, не столь и велика
Сила твоя злая,
Если ныне, будто встарь,
Ходит ставший камнем царь!

Покажи себя, клюка,
Накажи его, клюка!
Так ударим еще раз,
еще раз!
Камнем будет царь Андас,

Наступая на царя, она повторяла:
царь Андас!
Камнем был Андас,
Камнем стань сейчас!

Но колдовство не успело свершиться. Арег вышел из своего укрытия, схватил колдунью за волосы и толкнул ее так сильно, что она упала и осталась лежать на земле полумертвая. Царь, застывший на этот раз не от колдовства, а от ужаса, снова обрел дар речи и подошел поближе. Арег и царь отняли у старухи ее клюки, связали по рукам и ногам.

— Какое же наказание придумать для тебя, злая колдунья? — спросил царь.

Старуха ответила:

Казните меня казнью, какою вы хотите,
Но, царь Андас, ты знаешь — не ты мой победитель!

От девушки прекрасной, что юношей придет,
Давно меня погибель на белом свете ждет.

И вот теперь свершилось, что было суждено,
Ведь в вещей книге духов записано давно:

«Твоей презренной жизни конец положит тот,
Кто девушкой родился, но юношей придет!»

— О, коли так, я готов! — сказал Арег. — Только сначала верни жизнь городу.

Я зла немало совершила,
И мной доволен сатана, —

Так пусть все будет так, как было,
Пусть оживет сия страна:

Облака, летите!
Молнии, блестите!
Ручьи, бегите!
Реки, теките!
Звери, оживайте,
Птицы, взлетайте,
Люди, вставайте!

И сейчас же мертвая тишина сменилась шумом и многоголосым говором. Все вокруг ожило. Стоило посмотреть на горожан: они продолжали давно начатые дела так, словно ни минуты и не прерывали их. Зурначи продолжал играть свою мелодию с того места, где остановился, петух, у которого крик когда-то застрял в горле, завершил теперь свое кукареканье, танцор, застывший с поднятыми вверх руками, задвигал ими в такт музыке, повар продолжал снимать шумовкой пенку с бульона. И никто из них не догадался, что сорок лет был статуей.

— А теперь надо что-то делать со старухой, — сказал царь.

— Выбросим клюки в море, а ее отпустим, — предложил Арег. — Теперь она не страшна, ведь с ее могуществом покончено.

Но старуха сама не пожелала остаться в живых:

Вместе с ними и меня
Бросьте на морское дно, —
Мой владыка Сатана
Ждет в аду меня давно.

Тыщу лет уже прошло —
Мне служить ему доколе?
Как могла, творила зло,
Да свершится его воля!

Появились старший визирь и спарапет[1] царя Андаса. Отвесив царю глубокий поклон, они в один голос сказали:

— Войска готовы, всемогущий государь. Ждем твоих приказаний.

— Готовы? К чему? — удивился царь.

— Вражеская армия движется к границам нашего государства. Мы выполнили твой приказ — мы готовы отразить ее нападение.

— Постойте, постойте... Теперь я припоминаю... Это было сорок лет назад. В день, когда нас заколдовали. Вражеская армия ступила на нашу землю, но при виде окаменевшего города в ужасе обратилась в бегство.

Визирь со спарапетом переглянулись и зашептались:

— Царь лишился ума... Да, да поразительная перемена... Разве не вчера мы были у него? Он даже постарел за один день.

— Посмотрите на эту старуху, — продолжал царь. — Сорок лет назад она заколдовала нас и продержала в каменном сне до сего дня.

Визирь и спарапет сделали вид, будто поверили его словам, но каждый про себя подумал: «Точно, наш царь рехнулся».

— Если бы не этот храбрый человек, — царь показал

1 Спарапет — главнокомандующий войсками феодальной Армении.

на Арега, — быть бы нам до скончания века статуями. Сам Арег, испытав чудесное превращение из девушки в парня, получил живую воду из рук девушки, которая умеет превращаться в голубку. А потом случайно, или велением неба явился сюда и оживил меня той водой. Наконец, отнял у колдуньи ее клюки.

Визирь и спарапет, отойдя в сторонку, зашептались:

— Сомнений нет, царь не в себе, — настаивал визирь.

— Что верно, то верно, — согласился спарапет, — послушайте только, что он городит... Будто какая-то девушка превратилась в парня, а другая стала голубкой... И будто он выпил живой воды, а мы сорок лет были каменными статуями... Где такое слыхано?

Ну что ж, ничего удивительного, что они усомнились, в здравом ли уме царь. До того, как окаменеть, визирь сидел за столом и обедал. Сорок лет назад он поднес ко рту ложку, а сегодня доел обед. А спарапет как сунул ногу в стремя, да так и застыл, а сегодня и вторую перекинул через седло, сел на коня и прискакал во дворец. Откуда им было знать о том, что было с ними?

— Послушай, царь, — тихо сказал Арег Андасу, — визирь и спарапет усомнились в твоих словах и приняли тебя за сумасшедшего. Смотри, как бы они и в самом деле не посчитали тебя за сумасшедшего и не лишили престола. Лучше погляди, что я сделаю, и следуй моему примеру.

Он сказал визирю и спарапету:

— Эй, господа!
Быстрее сюда!

Идите,
Глядите:
Старуху злую
В камень превращу я!

С этими словами он взял клюку и, подойдя к старухе, произнес:

По веленью
Уриэля,
Белиара,
Садаэля, —
Камнем стань, камнем стань!

И ударил ее. Старуха превратилась в ослицу и заревела.

— Вот те на! — воскликнул Арег. — Похоже, каждая клюка обладает разной силой. А может быть, я сам поступил, как осел, и она теперь злорадствует и смеется надо мной? Ведь она все же жива. Попробуем вторую клюку.

Мечом грозным Садаэля
И Тартара подземельем
Проклинаю — заклиная:
Камнем стань, старуха злая!

На этот раз старуха превратилась в черную ворону. Попыталась взлететь, но не смогла, ведь у нее связаны ноги.

— Подождите, попробую и третью клюку.

И Арег произнес самое сильное заклятье:

Каменный град,
Дождь огневой,
Мгла и туман,
Сумрак ночной,
Землетрясенье
И наводненье,
Горе и смерть,
Вихрь и смерч,
Буря, пожар,
Молний удар, —
На тебя падут
И тебя сожгут,
Ворона чернющая,
Ведьма презлющая!

Заклиная,
Проклиная,
Бью тебя я,
Ведьма злая, —
Грома бичом,
Молний мечом,
Клюкой колдовской, —
Будешь каменной скалой!

И старуха превратилась в страшное каменное изваяние. Тогда Арег сказал визирю и спарапету:

Поглядите — ныне лето,
Но неведомо вам это:
Вы зимой окаменели,
И наряд ваш не к зиме ли?
Шубы жаркие едва ли
Знойным летом хороши,
Лучше б вы гонца послали,

Пусть в соседний край спешит,
Пусть узнает—донесет,
Ныне год какой идет,
Сколько зим прошло и лет...
Поспешайте! Если ж нет, —
Слово вашего царя
Чтоб хулить не смели зря, —
Вас, не тратя лишних слов,
Тотчас превращу в ослов;
Или нет, —в ворон, пожалуй:
Каркать больше вам пристало.

— О, конечно, я верю всему, — сказал визирь после того, что увидел собственными глазами... И правда, тогда была зима, а сейчас лето...

— Я тоже верю, и не хочу стать ни ослом, ни вороном. И нисколько не мечтаю превратиться в камень. В самом деле, сейчас жарко, а я в шубе и прямо горю...

— Государь, кушать подано, царица ждет вас, — сказал один из придворных, склоняясь в глубоком поклоне.

— Пойдем, преломим кусок хлеба, — сказал царь. — Вот уже сорок лет не брал я в рот ни куска, но сказать по правде, даже и не ощущал голода. Порой только меня мучила страшная жажда, она усилилась во сто крат, когда я услышал голос Арега. Наверное, жажда была мне ниспослана небом. Идемте же кушать, ведь нас зовут.

Арег побыл немного у царя Андаса. За это время из разных стран то и дело прибывали послы, чтобы поздравить царя с воскрешением из царства мертвых. Многие подданные, когда-то покинувшие родные края, теперь

возвращались с детьми и внуками на родину, а ведь за это время из-за каменного колдовства количество жителей в городе перестало расти. Вновь прибывшим рассказали, что Арег — вот тот добрый ангел, который победил зло и возродил здесь жизнь. Все радовались и воздавали ему хвалу, устраивали в его честь торжества и гуляния. А царь Андас задал роскошный пир, на котором присутствовало тысяча людей. Он сам придумывал всякие веселые затеи и предлагал тосты. Когда Арег взял в руку чашу с вином, царь заговорил:

Кем были вчера и кто мы сейчас?
Поведай об этом, о царь Андас!
Бездушным камнем мы были вчера,
Но теперь иная настала пора:
Сегодня мы — люди, ходим, живем.
Сумел без труда я поведать о том.
Но только лишь тот поймет мой ответ,
Кто знает, что значит страдать сорок лет
В старухи жестокой колючих руках,
В оковах крепчайших, в тягчайших цепях.
Но от этих оков и цепей
Нас избавил юноша сей.
Кто сей отважный, кто сей благой?
Это — прекрасный Арег молодой!
Он и развеял кручину мою,
За здравье Арега бесценное пью!

Стены дворца задрожали от тысячеголосого единодушного крика: «Да здравствует Арег!» Ашуги, ждавшие только знака царя, дружно запели и заиграли на своих пятидесятиструнных лирах:

Прилетай, прилетай, соловей!
Твоя роза уже расцвела.
Возвращайся без страха скорей,
Ведь царица твоя расцвела.

Наш Арег послан небом нам был,
Где ступил он — там жизнь расцвела,
Он и камни душой одарил...
Твоя роза уже расцвела.

Прилетай, прилетай, соловей,
Твоя роза уже расцвела,
Спой нам песню твою поскорей,
Ведь царица твоя расцвела.

Не Арег — это солнце само
К нам спустилось с небесной тверди,
И, приняв его облик, оно
Одарило нас милосердьем.

Прилетай, прилетай, соловей,
Твоя роза уже расцвела.
Спой нам песню твою поскорей,
Ведь царица твоя расцвела.

Еще долго бы прославляли ашуги Арега, но он из скромности прервал их ответной речью:

Как и все, я только бренное созданье.
Ни к чему, поверьте, ваше величанье.
И не заслужил я громких столь похвал,
Дел, достойных славы, я не совершал.
Я и сам не знаю, мне ответ неведом,
Почему столь щедро одарен я небом.
Мне оно явило и любовь и милость:

Горы и ухабы на пути спрямились,
Словно пес дворовый, лев ко мне ластится,
Ящеркой пугливой злой дракон умчится.
Предо мной болота высыхают вмиг,
Из скалы гранитной вдруг забьет родник.
Если рассказать вам, что со мной случилось,
Вы тогда со мной сразу б согласились.
Это все — дар неба, только небо мы
От души и сердца почитать должны.
Небо сокрушило мощь и силу зла, —
Лишь ему пристала слава и хвала!

Но горожане не послушали Арега — они не хотели остаться в долгу перед небом. И вот что они сделали. Все уже заметили, что статуя колдуньи пугает не только детей, но даже и взрослых, поэтому статую сбросили в море. Она упала прямо в ад, и силой своего падения столкнула весь ад с его легионами злых духов ниже еще на тысячу миль. После этого городские скульпторы и художники собрались вместе и изваяли статую Арега верхом на Базике и отлили ее из золота. Установили ее в прекрасном саду в центре города, где всегда гуляло много народу. Детям очень полюбилось играть около статуи и они восторгались, глядя на нее. Но Арег своего изображения не увидел, в это время он уже покинул город. Ему приснилось, что Нунуфар при смерти, и он поторопился уехать, чтобы оказать ей помощь.

5

Состояние Нунуфар было и в самом деле тяжелым.

Ни выходки шута, ни заботы жены визиря, ни мольбы и стенания отца не пробуждали в ней интереса к жизни.

Не было уже у нее сил ни пошевелить языком, ни двинуть рукой, ни произнести хоть слово. Лежа неподвижно, она смотрела в потолок, словно ждала помощи от неба, или хотела сама вознестись туда.

Царь с придворными, скрестив на груди руки и понурив голову, стояли у ее изголовья, охая и вздыхая, смотрели в лицо девушки и сознавали свое бессилие перед лицом всемогущего.

В одну из таких ужасных минут пришло известие, что Арег вернулся.

Служанка Нунуфар выбежала ему навстречу и стала торопить его:

— Скорей, скорей, она при смерти, и глаза ее ищут тебя.

— Иду, — ответил Арег, — сейчас увижу твою Нунуфар.

Арег проложил дорогу в притихшей толпе придворных, подошел к постели Нунуфар, вытащил бутылку с живой водой, капнул несколько капель на кусочек ваты и провел по помертвевшим губам девушки.

У Нунуфар прояснились глаза.

Заметив это, Арег влил несколько капель уже прямо ей в рот.

Нунуфар обеими руками закрыла лицо...

Она увидела Арега и узнала его.

Она чувствовала себя снова живой и здоровой и закрыла руками лицо, чтобы полнее насладиться этим мгновением.

«Арег приехал, — сказала она себе, — Арег приехал, — повторяла она про себя, — и я здорова, совершенно здорова. Я чувствую, чувствую, что здорова... и Арег вернулся. Я видела, он сейчас стоял здесь, возле меня. Живая вода вдохнула в меня силы. А сам Арег — как он возмужал, окреп, у него уже пробиваются усы и кудрявая бородка... Открою-ка я лицо да погляжу на него еще разок».

Нунуфар отвела руки и посмотрела на Арега таким взглядом, каким мать смотрит на свое дитя, когда оно впервые заговорит, потом она снова спрятала лицо в ладонях.

Этот взгляд, в котором отражалась вся сила ее любви, заметили придворные и, словно сговорившись, все вместе облегченно рассмеялись. Не осталась в стороне от общего веселья и сама Нунуфар, она словно только и ждала случая, чтобы от всей души расхохотаться.

А уж после этого те, кто минуту назад пребывали в трауре, успокоились, перестали тревожиться о больной, бросились обнимать и целовать Арега. Царь заключил его в объятия и зарыдал как маленький ребенок. Радость его была безгранична: в одну минуту он обрел двоих детей — одного он считал потерянным, другую — мертвой. На глазах у присутствующих выступили слезы радости и умиления.

Воспользовавшись суматохой, Нунуфар соскочила с постели и убежала в другую комнату. Там она быстро переоделась в новое красивое платье, достойное ее сана, и вышла такая веселая и бодрая, что все пришли в вос-

торг, особенно Арег, для которого словно взошло новое солнце.

Своей красотой Нунуфар очаровала Арега, и кровь как бы впервые заструилась по его жилам. Он почувствовал в себе что-то новое, бесконечно приятное и, не отдавая себе отчета, что же это такое, и в то же время, желая подольше сохранить неведомое ему прежде состояние, он стал говорить, словно одержимый:

Чудится мне: сейчас я — не я,
Но кто я — ответ мне неведом...
Похитила Дева-Голубка меня,
Подменила другим Арегом.

Сладкой песнею несказанной
Дева-Голубка Арегназана
Усыпила, с ума свела,
Опьянила, заворожила,
И с собою на дно увлекла,
А меня другим подменила...

Придворные с приоткрытым ртом смотрели на Арега и ничего не понимали.

— Жаль парня, рассудка лишился, — повторяли кругом.

Подошла к нему Нунуфар и грустно заговорила:

— Не пойму я, право, речи этой странной, —
Может, для тебя я стала нежеланной?
Коль тебе не нравлюсь, то спокоен будь —
Я уйду, исчезну, про меня забудь.
Знает даже небо — я люблю тебя,

Но не хочет, верно, этого судьба.
Потому не можешь ты меня узнать,
И меня такою, как я есть, принять.
Я уйду, чтоб плакать над своей судьбой,
Ибо навсегда я расстаюсь с тобой.

— Подожди, куда ты? Не бросай меня,
Без тебя, родная, не прожить и дня.
Даже если в небо потекут вдруг реки,
Все равно ты будешь суженой Арега.
Пусть перевернется целый мир земной —
Но тебя не смогут разлучить со мной.
Обошел—увидел я весь белый свет,
Но тебя прекрасней и милее нет.
Я красавиц дивных много повидал,
Но тебе подобной бог не создавал.
И моею будет только Нунуфар,
Жизнь моя младая будет тебе в дар.
Для тебя исполню, за один миг лишь,
Все, что пожелаешь, все, что повелишь!
Что тебе сказал я, ты не поняла,
И не думай, будто ты мне не мила.
Я тебе явился в облике другом:
Я не тот, кто прежде был тебе знаком, —
Девою—Голубкой в воду унесен,
Тот, как дым, расстаял, тот исчез, как сон...
— Если правда это — мне не докучай,
Жизнь мне подарил ты — плату получай.
Цену, что назначишь, получи сполна —
Так чего же боле хочешь от меня?

— Твоего не надо серебра и злата.
Жизни не дарил я, так за что же плата?
Ты сама мне стала жизнью и душой,
Сердце мое живо лишь одной тобой!

— Нет житья мне боле, мочи нет тужить,
Если нет Арега, то и мне не жить.

— По тому Арегу не томись душой,
Я — Арег не хуже, просто я — другой.

— Может, и не хуже, только ты — иной!

— Этого и вправду не поймет ум мой...

— Постойте, постойте, я положу конец вашему спору, — вмешался царь, — скажи Арег, душа моя, чей ты сын?

— Был когда-то сыном князя Армана, а сейчас не знаю — его ли я сын или кого-то другого?

— Вот этот ответ и непонятен нам, но тебя-то мы прекрасно знаем. Ты — наш Арег, только у тебя пробились усы и бородка.

— Постой, постой, кум-царь, — начал шут, — могу тебя поздравить — приехал твой зять, но от радости себя потерял, ищет — не может найти. Братец Арег, давай договоримся — я стану тобой, а ты мной, а Нунуфар моей, согласен?

И он принялся напевать:

Я, конечно, глуп безмерно,
Но глупей меня есть верно.
И с красавицей моей
Я б не вел таких речей:
«Знаешь, милая моя,
Я — по правде и не я».
Яраллали, шараллали,
Айда, дурак, танцуй—пляши!

Пока шут развлекал собравшихся, приехал князь Арман.

Увидев отца, Арег подбежал к нему и обнял его. После нескольких радостных восклицаний Арег зашептал на ухо отцу:

— Знаешь, отец, я сейчас мужчина, настоящий мужчина, можешь себе представить?

— Конечно, мужчина, душа моя, а кто же еще?

— Но ведь, отец...

— Ты и раньше был мужчиной, но сам не знал этого, а теперь ты познал себя. Прежде ты был невинным, словно сотворенным из глины. Но это не беда, душа моя.

— О, если это так, значит, я был я. Побегу, скажу Нунуфар.

А Арман шепнул на ухо царю, как все было на самом деле.

Когда радостный и сияющий Арег подошел к Нунуфар, она с такой нежной улыбкой взяла его за руку, что у него чуть не помутился рассудок.

— Ты наш Арег, не правда? — спросила она.

— Конечно, душа моя, а кто же?

— Значит, мы больше не расстанемся? Знал бы ты, как я тосковала по тебе! А ты вернулся и говоришь — я не я. Кто же тогда ты?

— Нет, нет, теперь я — это я. Эх, наш шут умнее меня... Давай попросим у царя благословения на наш брак. Но постой, я не спросил отца, где мои сестры.

— Они здесь. Когда ты уехал, я вызвала их во дворец, чтобы хоть немного утолить тоску по тебе. Я уже послала за ними, и сейчас они придут.

— Какой же я счастливец, ты так добра ко мне! А теперь давай наденем свадебные наряды, их подарил нам царь Андас. Он просил, чтобы мы непременно надели их к венцу, и обещал приехать на мою свадьбу. А я-то не хотел принимать этот дар, тогда я не мог вообразить себе этой минуты. Я много повидал, потом расскажу тебе. Не встречал я только такого пленительного создания, как ты. До чего же ты прекрасна, Нуник!

Беседуя таким образом, они шли, держась за руки.

Не прошло и несколько минут, как все вокруг преобразилось, как в волшебном сне. Роскошно одетые мужчины и женщины ступили в тронный зал. Были здесь и сестры Арега.

Когда в одежде, подаренной царем Андасом, вошли Арег с Нунуфар, блеск бесчисленного множества драгоценных камней разноцветными огнями озарил весь зал. И вот они преклонили колени перед царем, испрашивая его благословения. Несколько минут царь не в силах был вымолвить ни слова, так его душило волнение, он с трудом сдерживал слезы радости. Наконец он напутствовал новобрачных следующими словами:

Внемли мне, о небо,
Выслушай меня! —
Я рожден землею,
Бренный человек,
Не всегда я знаю,
Где добро, где зло, —
Не язык, а сердце
Испытай мое,
И рукой твоею

Наших новобрачных
Щедро одари.

Все, что ты имеешь,
Все, что ты хранишь,
Всем, чем дорожишь ты —
Тем, что не дарило
Никому еще, —
Одари всем этим
Наших молодых!

Ты и прежде было
Милостиво к ним:
Светом одарило
Солнца золотым,
Яркою звездою,
Нежным ветерком,
Ключевой водою,
Чистым родником,
Пашней плодородной,
Морем многоводным,
Жемчугом росистым,
Рощею тенистой,
Озером пречистым.
Пестрыми цветами
И земли плодами,
Вешними лугами,
Тихими лесами,
Долами, горами...
Все добро на свете
Подарило им, —
В радость будет этот
Дар твой молодым!

Едва прозвучали последние слова, как зал по-новому

осветился: засверкала невиданная радуга, настолько восхитительная, что радуга на небе была бы в сравнении с ней лишь мрачной тенью. Какой язык может рассказать, какое перо описать, какая кисть — нарисовать ее?

Радуга возникла постепенно, на глазах у удивленных зрителей. Казалось, будто незримые духи соткали эти яркие цвета своими небесными пальцами специально к свадьбе Нунуфар с Арегом. Действительно, чудилось, что сверкающие краски, эти зеленые—красные тона исходили из глубокой дали, может быть, с неба. И когда радуга была окончательно готова, по ней, как по светящейся лестнице спустились феи — каждая как солнце, в одеждах, сотканных из звездных лучей, сверкающих как снежные облака. Но что это были за солнца! При них само солнце поспешило спрятаться за облачным покрывалом, уступая им место.

Все девять фей держали в руках по два венка. Венки были сшиты из росы, еще венки — из аромата и красок цветов, третьи из алмазов, рожденных в прозрачных родниках, четвертые сплетены из сладостного дуновения нежного зефира, пятые — из мельчайших частиц, видимых в снопе солнечного света. Своими лучезарными пальцами феи забрали частичку души природы и принесли ее в дар людям. По залу распространилось божественное благоухание этого букета.

Феи — Ручеек, Росинка и Цветочек подошли к Нунуфар с Арегом, подарили им венки и запели:

РУЧЕЕК

Я — звонкий ручеек,
Поздравить вас притек,
Я сплел для вас из хрусталя
Сияющий венок.

РОСИНКА

Я — алмаз цветов,
Я — жемчуг лугов.
Из росинок мой букет,
Это — маков вам привет!

ЦВЕТОК

Я невянущий цветок,
Мой привет таков:
Сплел для вас в один венок
Цвет и запах всех цветов.

Подходили и другие феи, каждая высказывала свое пожелание и одаривала Арега с Нунуфар цветами...

И вдруг в зале всем стало скучно. Всех словно охватили какая-то вялость и грусть. Многие как бы впали в забытье и сидели с отсутствующим видом. Сильнее всех заскучали девушки. Их красота поблекла, увяла перед звездной прелестью небесных дев. Юноши выглядели тупыми дикарями, они утратили свою обычную самоуверенность.

Радовался только Арег, он один избежал всеобщего уныния. Желая встряхнуть людей, вывести их из подав-

вленного состояния, он обратился к гостьям:

— О, небесные девы, ваше благодатное посещение —огромная радость для меня. Но поглядите на всех, кто находится здесь, какое недоумение и грусть их охватили. Не удивляйтесь: таковы мы, смертные. Нам не дано наслаждаться и лицезреть чересчур большую доброту и совершенство. Подлинно прекрасное и доброе проходит мимо нас, не задевая. Вдохните в наши сердца благородные чувства, возвышенные мысли — только тогда мы сможем вкушать ваши великолепные дары. Прошу вас, радуйтесь, веселитесь и ликуйте на моем свадебном торжестве, и пожалуйста, вселяйте в нас лучшие чувства...

Однако выяснилось, что наши светлоликие девы, даже приняв телесное обличье, весьма стыдливы и робки, и их пришлось долго уговаривать. Окрыленная словами Арега, выступила вперед Цветочек и в качестве распорядительницы объявила танец. А радужный свод, словно гигантская хрустальная лира, нежно задрожал тысячецветными струнами и издал веселые, задорные, сладостные звуки, которые вызвали бурное восхищение как у простых смертных, так и у божественных созданий. Каждый, словно обретя крылья, стал радостно летать по залу, прыгали, скакали даже старики, да еще посмеивались над медлительностью молодежи.

Все веселились и забавлялись напропалую, особенно развлекали собравшихся всякими проделками Росинка и Ручеек. Все просто обессилели от смеха. Феи то и дело хватали за бородку Арега, щипали Нунуфар за щечку,

шептали им на ухо разные приятные слова.

Танцуя с Росинокой, Арег бросил на нее проницательный взгляд и шепнул на ухо:

—О, скромная дева, мне кажется, я знаю тебя. Только не смею сказать, ведь я могу и ошибиться.

— Нет, Арег, ты не ошибся, я — та самая... — ответила Росинка.

— Девушка-голубка?

— Да, а это мои сестры.

— О! Ты богиня, ты заново создала меня!

— Нет, Арег. Мне было известно только то, что ты ничего не знаешь о себе. Все произошло по воле моей матери: у нее не оставалось иного средства избавиться от чар злой колдуньи. А для этого нужно было чистое и невинное создание, такое, как ты, не ведающее о себе, кто оно, и считающееся скорее девушкой, чем парнем. Увидев в воде свое новое отображение, ты решил, что я сыграла с тобой шутку — ведь ты тоже подшутил надо мной, спрятав мои крылья. Только сегодня ты понял, что ты мужчина. А сейчас, когда ты говорил, что ты — это не ты и обвинял меня в хитрости, мы с сестрами слушали тебя и посмеивались.

Арег покраснел от смущения и заговорил о чем-то другом. Но тут недалеко от них послышался громкий смех, и они обернулись в ту сторону. Сестры Арега Заназан и Зарманазан щебетали и хихикали — одна с сыном визиря, другая — спарапета. Цветочек слышала, как они перешептывались и поняла, что они пришлись по душе друг другу и непрочь бы составить две отличные

пары, да только стесняются заговорить об этом.

— Новая любовь, новая радость! — вскричала Цветочек и со смехом потащила молодых людей к царю. — Что нам один венец, справим сразу три свадьбы.

Царь с Арманом благословили их и началось венчание. Росинка обвенчала Нунуфар, Цветочек — Заназан, а Ручеек — Зарманазан.

По сводам радуги, которая придавала торжеству еще большее величие, царь возложил корону на голову Арега, и стал Арег царем.

И вот уже настала пора феям возвращаться на небо. Им предлагали множество разных сладостей, медовых напитков, но девы даже не притронулись к ним. Они принесли с собой другие напитки, сами пригубили от них и дали новобрачным. Но никто не почувствовал их вкуса. Только Арегу было дано оценить их по достоинству. Под конец все составили круг и стали плясать, и в это время небесные создания одна за другой поднялись и ушли по радужной лестнице и исчезли далеко наверху. Звуки песни, которую они пели, постепенно терялись вдали.

Прощайте, прекрасные девушки-феи!
Ваш облик прелестный мы в сердце лелеем.
Путь добрый, путь добрый, мы вас не забудем,
Вы — духи бессмертные нашей земли,
Великое благо, великое чудо,
Что вас наяву мы увидеть смогли.
Ах, если б навеки спустились вы к людям,
Ах, если б навеки вы к нам снизошли!...
Прощайте, прощайте, мы вас не забудем!
Путь добрый, путь добрый, мы вас не забудем,

Бессмертные духи нашей земли,
Великое благо, великое чудо,
Что мы вас увидеть смогли;
Ах, если б навеки спустились вы к людям,
Ах, если б навеки вы к нам снизошли!...
Прощайте, прощайте, мы вас не забудем!

А когда феи удалились, выступил вперед шут. Тут пошло новое веселье.

— Кум-царь, вот мы потанцевали, повеселились, а теперь выслушайте меня:

— О царь мой! Куда я попал?
Я поздравить тебя желал,
Но где вино, где еда?
Скажи мне, где и когда
Свадьба такая была?!
Яраллала, шараллала,
Где такая свадьба была?

— И в самом деле, пора садиться за стол,— заметил царь. — Мы обо всем забыли, словно потеряли разум. Все, кроме шута, у которого никогда не было разума, чтобы терять его.

— Ошибаешься, царь,— ответил шут. — Просто я заметил, что вы хотите соперничать со мной, решили отнять хлеб мой насущный, вот и заказал роскошный стол, чтобы не остаться голодным.

С этими словами он отбежал и распахнул настежь двери в столовую, где был накрыт великолепный ужин. Вслед за царем гости парами стали входить в зал. Шут

остался один, но и он быстро подлетел к жене визиря и, подхватив ее под руку, запел:

Кто умен — любви лишен,
Любящий — лишен участья,
Но глупей всех и несчастней,
Кто друзьями обделен.

Может, госпожа моя,
Скажем так друг другу:
«Будь моим, а я — твоя».
Коль согласна — дай мне руку.

А на следующее утро началось веселое гулянье для горожан и крестьян. Длилось оно сорок дней и сорок ночей. Дни проходили как одно мгновение. Каких там только игр, забав, танцев и разных шуток не было!

Вино лилось рекой, а яствам не было конца. Одних только быков и коров было заколото девять тысяч, овец двадцать тысяч, не говоря уже о сернах, оленях, кабанах, а также дичи и домашней птице. На приготовление одного только плова ушло сорок мер риса, а сколько для этого понадобилось масла и изюма! Выпили пятьдесят тысяч карасов вина, не считая других сладких и горьких напитков.

Через сорок дней Арег с Нунуфар отправились в небольшое путешествие по озеру Ван. Когда они добрались на лодке до самого глубокого места, Арег вытащил клюки злой старухи, изготовленные из неизвестного ему вещества, закаленные в адском огне, и сказал:

В бездну летите, клюки злой старухи,
Ступайте, ступайте на дно,
Пусть сила и власть злого духа
Навеки исчезнут из мира сего.

В бездну ступайте и сгиньте навеки,
Исчезните с нашей земли,
Чтоб вы никогда превратить человека
В ворону иль камень уже не могли.

И в мире пускай царят повсеместно
Природы порядок и строй,
Пусть все совершится по воле небесной,
И всякий склонится пред волей благой!

С этими словами он выбросил клюки в море и избавил мир от чар злых духов и их приспешников.

И вот уже наступило время, чтобы с неба упало

ТРИ ЯБЛОКА.

Небо услыхало
Арега глас,
И с неба упало
Три яблока тотчас:
Первое — зеленое,
Сорвано ранней весною,
Как красная роза — второе,
Яблоко наливное;
Третье — белое, как снег.
Нунуфар сказала:
— Ответь, Арег!
Почему они несхожи,

Столь отличны цветом?
— Знаешь, милая, мне тоже
Непонятно это.
Может, думаю я так,
Эти три столь разных цвета —
Нашей жизни точный знак:
Яблоко зеленое —
Как дитя незрелое,
А второе яблоко —
Словно старец, белое,
Но других прекраснее —
Яблоко красное.
Знаменует третье
Совершеннолетье.
Это — наших дней пора.
— Значит, съесть его пора!
Так быстрей его разрежь
И со мною вместе съешь!
Нунуфар что пожелает —
Вмиг Арег то исполняет...
Яблоко красное съедим вдвоем,
Всего, что задумали в сердце своем,
Сумели достичь, пройдя испытанья...
Пусть также исполнятся ваши желания!
Хочу на прощание вас попросить:
Коль скучно вам было — за это простить.
Старался для вас, рассказал, как умел,
И вашу любовь заслужить я хотел,
Надеясь, что сказ мой с любовью прочтете
И вашего друга добром помянете!

ОЦАМАНУК И АРЕВААТ

ОЦАМАНУК И АРЕВААТ

Долгими зимними вечерами взрослые собирались у теплого домашнего очага, коротали время за неспешным разговором, рассказывали разные истории и делились своими каждодневными заботами. А внуки бабушки Гюльназ, усевшись рядом, просили рассказать им сказку. Бабушка Гюльназ сперва отнекивалась, но потом рассказывала одну сказку за другой. В этот вечер она рассказала им сказку про Оцаманука и Арeваат. Дети этой сказки еще не знали и выслушали, широко раскрыв свои глаза и уши.

Давным-давно в дальней стороне, по ту сторону горы Масис[1] жил-был царь. Он был очень богат, золота и серебра — не счесть, войско — огромное, городов — много, но что пользы, если он был бездетный и все его несметные сокровища не радовали его душу.

[1] Масис — армянское название горы Арарат.

Какие только лекари, знахари, гадальщики не предлагали своих услуг, какие только дервиши, колдуны и ворожеи не приходили — все напрасно, ничего не помогало.

Увидел царь, что от людей нет пользы и возложил надежды на одного бога. Каждый день приносил он богу жертвы, раздавал нищим щедрую милостыню, семь раз на дню творил молитву, на коленях просил, умолял небо — все бесполезно!

Однажды, погруженный в свои невеселые думы, царь прогуливался по своему саду, как вдруг увидел большую пеструю змею. Вместе со своими змеенышами она, лежа на камнях, грелась на солнце и радовалась своим детенышам — а те резвились, играли с ней, один обвился вокруг шеи матери, другой лез ей под брюхо, третий сунул голову ей в рот, четвертый обнюхивал ее и лизал...

Увидев эту картину, царь так и застыл на месте. Глядел он, глядел, потом с глубоким вздохом обратился к богу:

— Велика сила твоя, создатель! Даже в сердце змеи ты вложил любовь, чтобы лелеяла, ласкала она своих змеенышей, а ведь во мне — ты-то прекрасно знаешь — даруемой тобой любви полным-полно! Почему же ты не дашь мне хоть одного змееныша, чтобы и я ласкал, растил его и утешался им?!

И вот, оказывается, двери господни в ту минуту были раскрыты и бог услышал его слова.

Спустя год после этого царица родила — и как вы думаете кого? — змееныша!

— Да что ты, бабушка! — вскричали дети.

— Да, детки, да, змееныша. И какого змееныша! Рос он с каждым вздохом, не по дням, а по минутам, пока не превратился сразу в большого змея. И мать и повивальная бабка и служанки тут же в страхе разбежались, и оставили лежать змееныша на полу...

Увидев, что он остался один, змееныш стал плакать. Но это был не плач — он так шипел и визжал, что стены дворца сотрясались.

Царю побоялись доложить, что его жена родила змея, но вопли новорожденного дошли до его слуха, и он стал расспрашивать, что это за звуки. Тогда слуги упали ему в ноги и сказали: «Долгой жизни тебе, царь, такие-то и такие-то дела, царица родила тебе змееныша, который уже успел превратиться в большого змея, и это он так ревет и вопит».

Царь тут вспомнил свою просьбу и прикусил губу: «Эге, бог дал мне то, что я просил...» И обратился к своим слугам: «Этот змей большой? С человека будет?» Еще нет, ответил и ему, но так быстро растет, что того и гляди станет больше человека.

Царь говорит:

— Ничего не поделаешь, это мне дано богом. Он исполнил мою просьбу. Змея или вишап[1] — мое дитя. Будем его растить, кормить, чтоб не умер с голоду.

Пошли слуги царя, кинули змеенышу еды, но тот даже не притронулся к еде и знай визжит себе.

Как узнал про то царь, собрал мудрецов со всей стра-

[1]Вишап — дракон, змей.

ны и спрашивает: «Чем же кормить, как вырастить змееныша?»

Один из них, самый ученый, сказал:

— Он ничего не съест, кроме молоденьких девушек. Испробуйте, увидите, что я прав.

— На ком испробовать? — удивился царь. — Приведи тогда свою дочь, и мы посмотрим.

На это другой мудрец возразил:

— Долгой жизни тебе, царь. Хоть ты и правильно рассудил, что прежде всего следует отдать вишапу дочь того, у кого такая мысль появилась, но подумай, что будет дальше... Все мы не пожалеем своих дочерей, отдадим их змею, но когда простые люди узнают, что их дочери пойдут на корм вишапу — начнется смута и тебя скинут с престола. Пошли лучше своих людей в чужие края, чтоб умыкнули оттуда девушек, привели для змея.

Тут мы оставим змея поголодать некоторое время, и последуем за слугами царевыми по ту сторону горы Масис.

А по ту сторону горы Масис лежало большое село, называлось оно Ареван. Жители этого села все были армяне, как и мы с вами.

Жили в том селе муж с женой и были у них две дочери. Женщина была второй женой своего мужа, и дочь ее была от первого мужа, и у мужа была своя дочь.

Дочь мужа звали Арevаат, а дочь жены Мамхи. Арevаат и точно была как солнышко[1] — лицо ее так и свети-

[1] Арев — солнце

лось. И Мамхи тоже оправдывала свое имя — ведь Мамхи означает терновник с черными, кислыми плодами, а она и в самом деле была черная, с колючим, злым нравом.

Мачеха была очень недовольна, что ее родная дочь такая мрачная дурнушка, а Ареваат такая светлая, такая яснолицая... Она заставляла падчерицу весь день работать: лепить из навоза кизяк, доить коров, печь хлеб, мыть посуду, тащить домой дрова и воду... И все это для того, чтобы белые руки девушки огрубели, чтоб лицо ее почернело, чтоб ее стройный стан согнулся, чтоб ее силы иссякли, и она поблекла бы и подурнела. Но все получилось наоборот. Ареваат с каждым днем наливалась как яблочко и хорошела, а родная дочь, хотя и росла как барыня, все худела и чернела.

Ареваат не жаловалась: она так привыкла к труду, что ей и напоминать о работе не приходилось. Ни минуты не сидела она без дела. Кончала тяжелую, мужскую работу — начинала прясть и ткать. Даже когда по воду ходила, брала с собой вязанье, чтобы у родника, пока подойдет ее очередь наполнить кувшин, зря не тратить время на пустую болтовню с подругами.

Ареваат на все руки была мастерица: и сеять и пахать умела, и шить и вязать, и печь и стряпать, и корову подоить, и масло сбивать... Одним словом, девушка, равной которой не сыскать. Но что поделаешь — ничем не могла бедняжка угодить злой мачехе — чем больше старалась, тем меньше нравилась этой ведьме. Всякий раз, точно злая волчица, придравшись к какому-нибудь пустяку, она дергала Ареваат за волосы, пинала ногами, исцарапы-

вала, избивала в кровь, да еще вдобавок уверяла мужа, мол твоя дочь изводит меня своей ленью и злобой. Арeваат же ни слова не могла сказать в свое оправдание, слезы душили ее, и она молчала. Отец верил жене, но не родной дочери, и сердился на нее.

Арeваат изливала печаль своего сердца только на могиле матери. Она приходила на кладбище, обливалась горючими слезами, жаловалась и тем облегчала душу. А иногда, положив голову на надгробный камень, засыпала и видела во сне свою мать. И тогда она бросалась ей на шею, матушка утешала ее и наказывала быть доброй, терпеливо сносить все беды. «Бог невиновного не забывает,— говорила она,— ты только живи так, чтобы господь отметил тебя, полюбил, и тогда он не пожалеет для тебя своей доброты, поможет тебе». После таких слов Арeваат чувствовала прилив новых сил, и шла домой, позабыв все горести. И с каждым днем распускалась как роза и благоухала как этот прекрасный цветок.

Арeваат была так чиста и невинна, что по утрам и вечерам, когда она молилась, ей казалось, что душа ее взмывает к небесам, доходит до престола господня и присоединяется к хвалам ангелов во славу его. И свою милостыню она раздавала нищим так, что ее скромное подношение воспринималось ими как щедрый подарок, и они просили у бога долгих лет для нее.

Мачеху же никто не любил. Домашние животные — коровы и овцы, волы и козы, собаки и кошки шарахались при виде ее, опасливо косились на нее: собаки лаяли, кошки царапались, коровы брыкались и не давали себя

доить, лошади дрожали, а волы испуганно таращились на нее своими большими глазами. Но те же божьи твари, видя Ареваат, восторгались, ликовали. Они тянулись к ней, ласково лизали ее руки. Во время доения, если Ареваат неудобно сидела, корова становилась так, чтобы ей легко было доить. Дворовый пес всегда сопровождал ее, когда она шла в сад или за водой, чтобы быть рядом и по первому же слову броситься на ее защиту.

Вот такой доброй и любимой всеми была Ареваат. Но что поделаешь, если сердце мачехи ни жалости, ни сочувствия не знало. И она еще строила все новые и новые козни против Ареваат.

Как раз в те дни по селу пронесся слух, что идущие в поле девушки больше не возвращаются, что появился на свет новый вишап и пожирает их.

Эта новость очень обрадовала мачеху.
«Вот хорошо, — подумала она, — пошлю-ка я эту глупую девчонку в поле, пусть достанется вишапу».

И наутро она сказала Ареваат: «Поведи скотину пастись в дальнее поле. И еще дала ей ломоть хлеба: «А это возьми с собой... понесешь, а вечером вернешь обратно, чтоб я поела». Потому что хлеб, который носили в поле, очень вкусен. Да вдобавок наказала взять веретено и спрясти к вечеру много тонкой пряжи.

Ареваат вышла со двора и погнала коров и овец на пастбище. Наконец дошла до зеленого-зеленого луга, где еще ни разу не пасли скот, села на траву, стала прясти пряжу и оплакивать свою горькую долю. А невинные животные спокойно и безмятежно пощипывали сочную луговую траву.

Вечером, когда солнце клонилось к закату и Ареваат уже собиралась встать и погнать скотину домой, она вдруг увидела возле себя старушку. Ареваат сразу вскочила на ноги, чтобы собака не набросилась на незнакомого человека, но женщина произнесла:

— Не бойся, Ареваат, собака меня не укусит, она знает, что я не злая, видишь, как она ласково машет хвостом.

— Но кто ты, бабушка, я никогда тебя прежде не видела, ты, наверное, не из наших сел,— сказала Ареваат.

— Да, душа моя, я не из этих сел и не из этой страны. Я Мать-Солнце. Ведь ты слыхала о Матери-Солнце — так это я. Твои мучения, твоя невинность тронули меня. Я пришла, чтобы положить конец твоим страданиям. Стань передо мной на колени, я благословлю тебя, и ты достигнешь своей заветной цели.

Эти слова очень удивили Ареваат. Она внимательно пригляделась к старушке и заметила, что она совершенно не похожа на обыкновенных женщин. Глаза ее светились, как два солнца, а одежда сверкала и переливалась всеми цветами радуги, точно была сшита не из обычных тканей, а соткана из золота. Она говорила так сладко и нежно, что девушке показалось, будто родная мать беседует с ней. Как только старушка велела ей опуститься на колени, у Ареваат подкосились ноги и она пала ниц, чтобы поцеловать женщине ноги, но та подняла ее, положила руку ей на голову и произнесла следующие слова:

Роза распустится там, где ты ступишь,
Фиалки вокруг расцветут...

Чего пожелаешь — все ты получишь,
Венец и трон тебя ждут.
Как роза, улыбка твоя прекрасна,
Как жемчуг — слезы твои.
Бог сохранит тебя от напастей
И от укуса змеи.

Станет прекрасней царской палаты
Хижина твоя в срок.
Пол и стены — сребро и злато,
В алмазах ее потолок.

Так благословила ее Мать-Солнце и еще много другого сказала, дала разные наставления, предсказала и будущее ее и предупредила об опасностях. Потом велела: «Ну встань, милая Ареваат, я тебя полюбила, благословила и помолилась, чтоб впредь с тобой никакой беды не случилось, чтоб ни один волос не упал с твоей головы». И еще поцеловала девушку и сказала: «Этим поцелуем я добавляю к твоей красоте и свою». Затем дала ей узелок. В узелке была одежда, но какая одежда! — вся усыпанная драгоценными камнями и такая тонкая и прозрачная, точно была соткана не из хлопка или шелка, а из солнечных лучей. И наказала: «Этот узел спрячешь до твоей свадьбы, только в тот день и наденешь. А теперь я ухожу, меня ждет мой сын». Сказав это, она исчезла, и солнце тут же зашло за гору.

Все это так удивило Ареваат, что она не могла собразить, приснилось ей это или случилось наяву? Сунула руку за пазуху — узел был там, значит, то был не сон! Ареваат очень обрадовалась, забыла про грусть и тоску,

лицо ее разгладилось и даже чувство голода пропало.

Встала она и, погоняя впереди себя коров и овец, гладила их, делилась с ними своей радостью.

Долго шла она или коротко, вдруг видит скачут всадники, вооруженные до зубов. Сердце почуяло, что недобрые это люди, и пес тоже догадался об этом — шерсть на загривке у него сразу стала дыбом. Ареваат поняла, что от всадников нигде не укрыться: быстро смазала лицо грязью, чтобы скрыть свою красоту и не привлекать к себе внимания.

Конники приблизились... и увидели перед собой черную дурнушку. И тут один сказал другому:

— Вишапу не все ли равно, хороша собой она или нет? Все одно сожрет ее.

Теперь, я думаю, вы догадались, что это были за люди. И сказали они Ареваат:

— Девушка, зря не пытайся от нас убежать, а лучше сядь к кому-нибудь из нас на седло. Мы должны тебя увезти.

Ареваат растерялась. Потом подумала: «А что я могу поделать? Пусть увозят, куда хотят, хуже, чем дома, не будет... хоть от мачехи избавлюсь». Она поцеловала своих коров и овец, попрощалась с ними и села к одному из всадников на седло. Бедные животные замычали, заблеяли, а пес, скуля и повизгивая, побежал вслед за всадниками.

Разбойники эти вскоре спустились в ущелье, поскакали к одной пещере, спешились и повели туда Ареваат. Вошла она в пещеру и что же видит? — сидят там не то

тридцать, не то сорок девушек, и все из соседних сел. Бедняжки заливались таким плачем, что у слышавшего эти стоны сердце обливалось кровью. И хотя они из страха рыдали и всхлипывали тихо, но пролили море слез.

Ареваат как могла утешила их. Не бойтесь, сказала она, нас продадут, а мы сбежим и вернемся домой. Но многие девушки уже знали правду, потому что весть о вишапе разнеслась повсюду.

Только наступила темнота, как девушек вывели из пещеры и погнали через горы и поля к царю — отцу змея...

... Тут бабушка Гюльназ сказала:

— Устала я, дети, спать хочу, остальное доскажу завтра.

Но дети так дружно закричали: «Нет, нет, ты должна продолжить, мы хотим узнать, чем же все кончилось», что бабушка вынуждена была продолжить свой рассказ, тем более что крики детей прогнали ее сон. Но все-таки бабушка Гюльназ устала, и она решила покороче кончить сказку.

Девушек привели в город. Все жители высыпали на улицы посмотреть, кто же достанется змею. И что же они увидели: все девушки-армянки, одна красивее другой. Очень пожалели люди, что они должны стать добычей вишапа. Среди них самой некрасивой выглядела Ареваат, потому что вымазала себе лицо грязью.

Царь велел отвести девушек в приличное помещение, умыть, одеть в нарядные одежды, хорошо кормить и поить, чтобы они как следует располнели, затем каждый день отводить к змею по одной из них. В первый же день

выбор пал на Ареваат, поскольку она была самая неказистая, да и не из пугливых, пусть вперед она пойдет, пока остальные не соберутся с духом.

Взяли Ареваат за шиворот мол, пошли, будем тебя замуж выдавать, жених твой царский сын, так что станешь ты у нас царицей. И вот таким обманом повели ее в царский дворец, на половину змея, где были просторные залы и большой сад с бассейном.

Когда привели Ареваат в сад и уже собирались открыть дверь и толкнуть туда девушку, Ареваат обратилась к царским слугам:

— Раз уж вы ведете меня к царевичу, позвольте мне прежде искупаться в этом бассейне, причесаться, принарядиться, а то стыдно мне явиться перед ним в таком виде.

— Ладно, — сказали ей, — делай что хочешь, мы отвернемся, чтоб ты не стеснялась.

Ареваат умылась, причесалась и надела платье, которое ей дала Мать-Солнце. Когда она такая нарядная и прекрасная появилась перед слугами царя, те поразились — им показалось, будто солнце взошло в саду и не могли поверить, что это та дурнушка, которую они привели сюда. Словно это какое-то неземное создание спустилось с небес в образе бедной девушки, а теперь она преобразилась, обрела свой прежний вид.

Ареваат подошла к ним и обратилась уже не робко, как прежде, а громко и повелительно:

— Что вы таращитесь на меня? Ведите туда, куда мне надобно идти.

От такого царственного тона слуги перепугались, зад-

рожали, стали умолять, чтобы она простила их за обман. Мы тебя привели, сказали они, не замуж выдавать, а отдать вишапу, он здесь вот, в этом доме. Прикажи — и мы тебя освободим, хотя за это царь велит казнить нас.

— Не надо, — отказалась Ареваат, — дайте мне ключ, я вишапа не боюсь.

Взяла она ключ, открыла им дверь, прошла несколько комнат и наконец вошла в просторный зал, где на бревне распластался большой змей. Ареваат остановилась поодаль и сказала:

— Здравствуй, царевич. Я пришла от Матери-Солнца. Она поздравляет тебя с днем рождения и желает многих лет.

Змей поднял голову и острым, пронзительным взглядом посмотрел на Ареваат. Девушка вся похолодела от ужаса, волосы на голове стали дыбом. Змей увидел, что Ареваат боится его, отвел голову в сторону, потом снова посмотрел на нее, и вновь отвел голову назад. И так несколько раз. Бедняжка совсем извелась от страха. Но тут она вспомнила слова благословения Матери-Солнца и, собравшись с духом, сказала:

— Царевич, если хочешь съесть меня, не мучай, проглоти сразу. А если нет — именем Матери-Солнца заклинаю — сбрось с себя змеиную кожу, выйди!

Едва только произнесла она эти слова, как вишап весь съежился, завился кольцами, задрожал, стал извиваться, и вдруг лопнул, да с таким грохотом, что весь дворец зашатался и сам царь свалился с трона.

Тут со всех сторон сбежались в покои змееныша люди

и что же видят — валяется на полу змеиная кожа, а перед ними весь в белом одеянии сидит прекрасный юноша, а около него, сверкая драгоценными камнями — девушка божественной красоты, ясная, как солнышко. Сидят рядышком, смеются весело и о чем-то между собой шепчутся. Сразу побежали слуги с этой доброй вестью к царю, поздравили его:

— Знаешь ли ты, царь, что змей наш превратился в чудесного юношу?!

Царь с царицей побежали в покои вишапа, обняли сначала своего сына, потом Ареваат, расцеловали их. Выкупали, причесали сына, одели в подобающие ему одежды и окрестили его именем Оцаманук, что означает Мальчик-Змей. А после семь дней и ночей справляли свадьбу Оцаманука и Ареваат.

Они достигли своего счастья, и вам того же желаю.

Торк-Ангех

Пролог

Замутив родники, в зеленый убор,
Облачила весна дол и склоны гор.
Снова ласточки реют и там, и тут, —
Чинят гнезда свои и яйца кладут.
Отогрелась змея близ норы своей,
Поджидает расцвета роз соловей.
Край Гугарк под дыханьем весны воскрес,
Снег с Лалвара и с Лока уже исчез;
Ручеек Бохники в предрассветный час,
Весь под пеной густой, клокочет ярясь.
А в Упретском лесу дворец Арамян,
Как невеста, свой стройный украсил стан;
Слезы радости с кровель башен текут,
Словно в замке желанного гостя ждут.
Но хозяйка его, краса—Айкануш,
Почивает еще, и снится ей муж
Богатырского роста. Ей снится: он
Исполинской палицей вооружен,
Подошел к ней и, сразу упав к ногам,
Прошептал: «Айкануш, тебе жизнь отдам!

Или палицей этой меня убей,
Иль стать согласись женою моей».
Тут с пуховых перин она поднялась,
Словно солнце из моря в утренний час,
И вдруг золото кос, подобно лучам,
Заструилось по белым ее плечам;
Три-четыре служанки к ней подошли
И в роскошный наряд ее облекли.
Вещий сон взволновал ей душу до дна,
Великана забыть не может она.
«Скоро гость,— молвит,— к нам прибудет. Так вот:
Проверить прошу запор у ворот.
Человек мне предстал ужасный во сне,—
Он пришел и посватался вдруг ко мне».
Улыбаясь, одна из девиц в ответ
Ей промолвила так: «Намедни воспет
Был гусаном ужасный твой великан.
Торк-Ангех его имя; он—Паскамян.
На Пархарских горах,— говорит певец,—
Торк живет и пасет отары овец.
В нем запас безграничной мощи сокрыт,
Но душою он благ, хоть страшен на вид.
(Если груб, как скала, то беды нет в том,
Лишь бы не было сердце твое кремнем).
Он с людьми и зверями дружит всегда,
Львы и тигры ему стерегут стада.
Одного вы с ним рода, обоим вам
Ведь приходится дедом старый Паскам.
На тебя повлиял бродячий гусан,
И приснился тебе твой брат-великан».
— «Приготовьтесь к любой из возможных встреч,
И при мне пусть мой дедовский будет меч!
Все ворота замкните вы на запор
И, умывшись, наденьте чистый убор!
Я уверена в том, что сбудется сон.

Гостя примем, коль в замок проникнет он,
Если путь он проложит к нам напролом,
То я Торка-Ангеха признаю в нем».
Был приснившийся витязь, и правда, им.
Что ж, читатель! Его ввести поспешим.

Песнь первая

В Армении жил, много лет назад,
Богатырь, сильней всех других стократ.
На простых людей был Торк непохож,
Едва ль человека страшней найдешь.
Глаза его были — точь-в-точь моря,
Чью гладь освещает утром заря;
Над ними нависли четою туч
Дремучие брови; был нос могуч
И грозен, как выступ большой горы;
Не зубы сверкали во рту — топоры.
Как скалистый кряж, воздымалась грудь,
Острия ногтей наводили жуть.
Поистине, был он страшный урод,
Его принимал за дэва народ,
И каждый, кто с ним встречался в горах,
Невольно в душе испытывал страх.
Он силой такой обладал, что в ров
Мог сразу столкнуть полсотню волов.
Ребенком еще он скалы дробил,
Дробил их руками, не тратя сил;
Руками же плиты из них тесал
И ногтем на них, бывало, писал.
Он был пастухом, но должны вы знать:
Была у него особая стать.

Завидев его, и тигры и львы
Становились сразу ниже травы
И хвостом виляли у ног его,
Звериное в нем признав божество.
Он кормил из рук всех зверей подряд
И в подпаски ставил несметных стад,
А сам в темный лес направлял свой путь
Наесться там вволю и отдохнуть.
Набравши стволов — числа их не счесть —
Он решил забором из них обвесть
Лесную чащобу, и за стеной
Оказался скоро весь зверь лесной.
Охотился лихо там Торк-Ангех.
С десяток оленей убив, он всех
На одном плече уносил домой,
Весь в поту от тяжкой ноши такой.
К нему подбегали и тигр и лев,
Его привечали, глаза воздев,
Потом раскрывали умильно пасть,
Прося себе вкусного блюда часть.
Как Шарá, обжорой Торк не был, нет,—
Любил молоко и творог в обед.
Незлобивым был, но, в гнев приведен,
Страшнее небесной грозы был он.

Однажды в одной деревне народ
Раздразнил его криком: «Ангех! Урод!»
Рассердился Торк. Вырвав толстый ствол,
Он им, как метлою, село подмел,—
Подмел так исправно, что все село
Как будто бы бурею вдруг снесло.
Пустились селяне все наутек: —

Побороться с Торком никто не мог.
Узнав, как порой он бывает крут,
Его раздражать закаялся люд,
Стал ему всегда воздавать почет
И славить его, ведя хоровод:
Девицы и парни, в кружки сплетясь,
С хвалебною песнью пускались в пляс.
И скоро уродливый Торка лик
Стал народу мил,— он к нему привык.

Злопамятством Торк-Ангех не грешил,
И так как он зодчим отменным был,—
Село, что когда-то с землей сравнял,
Отстроил вновь из огромных скал.
С тех пор он всегда лишь добру служил,
Не щадя своих богатырских сил.
До него на дорогах царил грабеж,
От воров, бывало, куда уйдешь?
А с приходом Торка стали воры
Бояться совать свой нос из норы.
Он в ход не пускал ни меча, ни стрел,
Разгонять их взором одним умел.
Но ежели дерзость враг проявлял,
То он, отрывая куски от скал,
Над ним их обрушивал, словно град,
И был своей дерзости враг не рад.

На брег черноморский чужая рать
Приплывала грабить людей и хватать,—
Приплывала нагло средь бела дня,
По пенистым волнам струги гоня.
Разорил насильник не мало сел
И не мало девушек в плен увел.

Терпеть горемыкам стало невмочь,
Обратились к Торку с просьбой помочь.
Он к морю пошел, но — глядь! — корабли
Успели уже отплыть от земли.

Почувствовал Торк досаду и гнев
И громко завыл, как раненый лев.
Потом, отрывая выступы скал,
В плывущие струги кидать их стал.
Задрожало море, и струги вниз
И вверх, словно щепки, вдруг понеслись.
Вот новый удар, и в пене волны,
Как люльки, стали качаться челны.
Опять исполинский летит утес
И через мгновенье уж он унес
В пучину один из вражьих челнов.
Пиратам своих не спасти голов!
В пучине погиб весь вражеский стан,
Утопил негодных наш великан.
Из них лишь один вернулся домой
С разбитою вдребезги головой,
И рассказ его о дожде из скал
Несказанный ужас на всех нагнал.
Вот так богатырь Торк-Ангех сумел
Бесчинству врага положить предел.

О Торке все шире слава росла,
Пока до слуха царя не дошла,
И царь, чтоб узреть его наконец,
Ему приказал прибыть во дворец.
Богатырь собрался в путь и пошел,
На плечо взвалив огромнейший ствол,
В чьих ветвях висели лань и джейран,
Козуля, олень и дикий баран.
В столице давно прослышал народ,
Что туда преславный витязь идет.
Поспешив дома и лавки замкнуть,
Навстречу ему все двинулись в путь.

В толпе раздавалось со всех сторон:
«Будет скоро здесь, у заставы он».
На Торка взглянуть пришли все подряд: —
Мужчины и женщины, стар и млад.
Когда появился в столице Торк,
Населенье все обуял восторг.
Мнилось, башня вдруг вошла на мейдан,—
И впрямь ростом с башню был великан.
На плечо, как трость, положив свой ствол,
Он шагом саженным к дворцу пошел
И, в него войдя, изумил царя.
Свою ношу, ни слова не говоря,
Он на пол сложил и тотчас потом
Преклонил колени перед царем.
«Мой Торк,— молвил царь,— тебе исполать!
Тебя я ценю как целую рать».
Торк устами к царским ногам припал,
И царь по плечу его потрепал.

Великаний ум,— так слышать привык
С малолетства царь,— весьма невелик.
Но с тех пор, как с Торком он стал знаком,
Иначе он начал думать о том,
Три месяца прожил Торк у царя,
С ним трапезу изо дня в день деля.
Однажды, чтоб Торка ум испытать,
Спросил его царь: «Предпочтение дать
Надлежит ли силе или уму?»
«Людям оба впрок,— Торк в ответ ему: —
В малой силе нет большого ума,
Уму же полезна сила весьма.
Однако в чем ум, рассудит не всяк:
В глазах дурака и мудрец дурак.

Есть ум, что нас учит жизнь охранять,
И другой, что учит добро стяжать.
Такими умами весь мир живет,
Обладает ими и глупый скот.
Но еще есть ум,— богатырский: им
Без устали мы создаем, творим.
К добру он влечет людские сердца,
Приближает их к престолу творца,
Нам воздух и землю во власть дает,
Огню и воде оковы кует,
Созидает прялку и крепкий плуг,
Превращает в пашни поля вокруг,
Из дерев и камня на долгий век
Нам строит дома. Так вот: человек
Лишь этим пускай гордится умом:
Отличие наше от тварей в нем».
Изумил царя своей речью Торк,
Эта речь его привела в восторг.

5

Немного спустя царю довелось
Увидеть, как держит наш Торк утес
Огромный в руках, и ну с ним играть,
Как с малым ребенком играет мать.
Руками утес обломав потом,
Он то по нему проводить перстом,
То ногтем скрести его грани стал,
И вот он в конце-концов изваял
Фигуру царя с головы до ног,—
Портной бы сшить платье лучше не мог.
Ну вылитый царь — в короне златой,
С покрытою жемчугом бородой,
С державой в руке, в багрец облачен,

С мечом, извлеченным вон из ножен,
В изумленьи царь уставил свой взор;
Торк еще милей стал ему с тех пор.

Раз на Торке царь задержал свой взгляд
И подумал: «Муж этот — сущий клад.
Хоть огромен слон, его ум не мал,—
Это так. Но Торк! Ведь всевышний дал
Ему все: и рост, и могучий ум,
И дар воплощенья творческих дум.
Не чужд и любви он, того гляди!
Но его к своей кто прижмет груди?
Во вселенной всей деву где сыскать,
Что его женой пожелала б стать?
Все ж супругу он, чай, себе найдет,
Богатырский мне народит с ней род».
Так подумал царь и к себе тотчас
Торка в дом призвал и сказал, смеясь:
«Я не верю, Торк, что в груди твоей
Может жить любовь, как у всех людей».
Улыбнулся витязь, как сосунок,
К чьим устам вдруг мать поднесла сосок,
И огнем любви все лицо зажглось,
Расцветилось вдруг лепестками роз.
Он ответил: «Пусть, о великий царь,
Мне кто скажет: есть во вселенной тварь,
Цветок иль кремень без чувства любви;
Скажу: этой басней других диви.
Весь мир — океан, земля, небосвод,—
Любовью наполнен, ею живет.
«Так только влюбленные, Торк, говорят;
Нашел ты зазнобу, бьюсь об заклад».
— «О, нет, государь мой, ошибся ты:

К кому б я направил свои мечты?
Мое племя в дальней живет стране,—
Как пройти туда, неизвестно мне.
Из девушек наших часто одна
Является мне в видениях сна.
Она одиноко, как я, живет,
Но со мной не схожа: ведь я урод,
Она же прекрасна, как солнца лик,
Что утром из бездны морской возник».
— «Но эта красавица, Торк — как знать,—
Подругой твоей захочет ли стать?»
— «Она обещала это во сне,
Поставив одно условие мне:
«За мною, сказала она, приди,
Меня в поединке, Торк, победи!
Я готов на все, чтоб ее найти,
Но, увы, я не ведаю к ней пути».
— «Постараюсь я, чтоб она нашлась,—
Искать всем наместникам дам приказ».
Торк взыграл душой, но смутился так,
Что вдруг вспыхнул весь, покраснел, как мак.
Он к ногам царя головой припал
И тотчас же прочь скорей убежал.
Был и царь доволен тем, что в тайник
Сердечных волнений Торка проник.

7

Немедля в палаты царь пригласил
Бедешхов своих и так вопросил:
«Какие у нас живут племена
И быт их каков?» (На престол страна
Призвала царя с чужбины, и он
Был слабо в дела ее посвящен).
«Великаны, Торку подобные, тут

Как в былые годы, еще живут?»
Наперед других взял слово Аран,
Могучий Бахской страны ишхан:
«У нас великаны, преславный царь,
Продолжают жить, как жили и встарь.
От людских очей они прочь бегут,
И ущелья гор им дарят приют.
Податей платить не хотят они,
Свободой своей дорожат они.
Им всего милей под землею тьма,
В недрах скал свои строят все дома.
Из земли порой: — мы, дивясь, глядим,—
Сотней струек вверх вздымается дым.
Ну ни дать, ни взять: — поселок большой
Раскинулся там внизу под землей.
А разыщешь дверь и вовнутрь войдешь —
Великанов душ двадцать пять найдешь.
Вкруг котла сидят, кинув бревен пять
Под него в огонь. Великанша-мать
Стоит с исполинским ковшом в руках
И в медном котле о шести ушках,
В котором лежат два-три кабана,
Мешает, нахмурясь: обед она
Готовит себе и семье своей;
Служит ковш-лопата за ложку ей.
Повсюду в пещеры двери видны,
Пещеры девиц, молодиц полны.
Любая из дев и отрок любой
Не одною выше нас головой.
Но с Торком никто не схож,— красота
На лицах равно у всех разлита».
— «Все правда, что молвил мой друг Аран,—
Отозвался тут Гугарка ишхан; —
Податей бегут и у нас они,
Проводят свои в ущельях дни,

Говоря: «Кто гзира увидит лик,—
Как весенний снег, тот растает вмиг.
Оттого-то рост у людей так мал
И так схож хребет их с дугою стал,
Что отдать должны гзирам тьму монет,
Хотя у самих и одной-то нет.
Без сборщиков мы живем, без старшин
Потому любой из нас — исполин».
«Неужели,— царь спросил,— не нужны
Им деньги?» И князь Лорийской страны
Ответил ему: «Кто сыт и одет,
Как они, нужды тому в деньгах нет.
Все вволю у них: и луга и поля,
Овечьи отары, лен, конопля;
И молочный скот, и рабочий скот,
И искусный червь, что им шелк дает.
Их женам привычен хозяйский труд,
День-деньской они то ткут, то прядут,
Себя одевают и всех своих,
Узоры творят покрывал цветных.
Все то, чем украшен домашний быт,
Работа их рук прилежных родит,
Есть масло у них, и творог, и мед,
И овощи самых разных пород.
Ручьи их бегут с журчаньем живым,
Целебные травы знакомы им,
И если у них чего-нибудь нет,
В обмен на другое им даст сосед.
Пьянящих напитков не пьют они,
Порочные страсти им не сродни,
Болезней не знают, и долгий век
Безмятежной жизни их длится бег.
Член общины члену другому — брат,
В них община видит родимых чад.

Так, связаны цепью дружбы святой,
— «Не легко,— ответил царю ишхан,—
Им чужды вражда, раздраженье, злость;
Им путник забредший — желанный гость».
— «Но нам-то такие к чему нужны,
Раз им дела нет до нашей казны?»
— «Податей не платят, но в бой спешат,
Коль родине злой грозит супостат.
Взяв с колчаном лук и пращу с собой,
Идут, как на свадьбу, в кровавый бой.
Врага осыпают градом камней,
Мечут тучи стрел, что стволов длинней.
А коль нет камней и стал пуст колчан,
Силой голых рук ломят вражий стан.
Как волк, что в овчарню проник,— один
Сто врагов крушит любой исполин».
— «Раз так, на свободе пускай живут,
И с них податей пускай не берут,
Но требую, чтобы Торку они
Невесту в ближайшие дали дни».
Они друг за друга стоят горой
Исполнить приказ, что тобою дан.
У них стародавний обычай есть:
Нельзя без борьбы невесту увесть.
Женихи вступают друг с другом в бой,
И кому победа дастся судьбой,
Тот с девушкой может брак заключить,
Но прежде он должен ее сразить
В поединке честном, не то она
Во веки веков ему не жена.»
— «Приснилось и Торку вот так как раз,—
Бедешхам сказал государь, смеясь:—
Мы Торка отправим, и — в руку сон —
Пусть силу свою испытает он».

Песнь вторая

Друг юности милой, гений любви!
Помоги мне тут, меня вдохнови.
Чтоб я неумелой своей рукой
Начертать мог образ небесный твой.
Айкануш и... Торк! Их как сочетать?
Но всесильна ты, любви благодать.
Любовь, говорят, обняла кизяк,—
Оторвать ее не могли никак.
Нередко орел и медведь, и лев,
И другие звери влюблялись в дев,
И к себе в жилье умыкали их:
Но обычно скоро хищник-жених
Звериный свой лик на другой менял
И прекрасным юношей представал.
Всем, жертвой ставшим волшбы лихой,
Любовь возвращает образ людской,
И прежней красою сверкать дано —
Будь то птах иль змей:— всем зверям равно
Красота, как солнце, в лучистый свет
Облекает всякий темный предмет.
А любовь, собравши лучи в тиши,
Зажигает светоч в горне души.
Взор замкнулся и в синюю даль проник,
Лишь сердце глаголет, молчит язык;
Сновидений светлых и грез чреда
Волной заливает мозг, и тогда
Влюбленное сердце взмывает ввысь,
Отчужденно глядя на землю вниз.

Наступило лето, и райский сад,
Исполненный сладких любви услад,
На горной вершине Лока расцвел,—
Любуется им восхищенный дол.
Цветы, благовоньем воздух пьяня,
Друг друга целуют на склоне дня;
Друг с другом обнявшись, ручьи бегут
В укромной ложбины тихий приют;
Пастушья свирель о любви поет,
Резвятся ягнята близ ясных вод.
На Локе вверху стоит великан,—
Его не узнал никто из селян.
Да это же Торк-богатырь, наш друг!
Он сюда пришел и глядит вокруг.
Пред ним, красотою чаруя взор,
Лежит необ'ятной шири простор,
А внизу у ног, как холмиков ряд,
Хребта снегового пики торчат.
То мощный Кавказ, хребет-великан,
Земной нашей тверди Левиафан.
Он в Евксинский Понт ушел с головой,
А хвост омочил Каспийской волной.
Стеной, что из бездны возникла вдруг,
От севера он отделяет юг.
Как пояс, в который вкраплен алмаз,
Блестит он, вкруг стана земли виясь.
На восток взгляни! Там солнце встает,
Сверкая красой, из Каспийских вод.
И первых лучей златоносный свет
Огнем озарил Кавказский хребет.
Посмотрел вокруг наш могучий Торк,
И душу ему наполнил восторг.
На колени став, он взор устремил

Гуда, где взошло светило светил.
И гимн громогласно ему пропел.
Песне эхом вторил земной предел.

С пастушеским посохом вдруг пастух
Приблизился к Торку, как некий дух,
Ниспосланный солнцем с горных высот,
Чтоб нашего Торка встретить. И вот
Пастух вопросил: «Куда ты идешь
И кто ты? Скажи мне, кого зовешь?»
— «Я путник,— ему богатырь в ответ,—
По свету брожу уже много лет.
В какую страну, скажи, я забрел?
Какие названья у этих сел?»
— «Назвать их подряд не сумею я,—
Недавно пришел я в эти края.»
Свой посох простер к долине пастух
И стал называть селенья вслух:
«Вот это Кадженк, а там Мошакан.
На город вдали взгляни, великан,
Что разлегся там на весь Богнопор.
Цуртав его имя; он с давних пор
Красуется тут, в цветники одет.
А подальше там — дубрава Упрет,
Владенье красавицы-сироты,—
— «Как зовут, поведай мне, госпожу?»
Чудеснее девы не сыщешь ты.
— «Краса-Айкануш. Тебе я скажу:
Исполнилось ей лишь семнадцать лет,
А краше на свете женщины нет.
Земле не к лицу такая краса,
Гордиться бы ею могли небеса».
— «Ужель без родных живет госпожа?»

Спросил богатырь, от любви дрожа.
— «Правитель увел их в давние дни
Всех в Кадженк, и там остались они.»
— «Так значит в Кадженке они цветут?»
— «Нет! Может быть, в небе нашли приют».
— «Так значит их смерть унесла? Их нет?»
— «Кто горы оставил, за тем вослед
Поспешает смерть. Однажды они
Не двинулись в горы в летние дни.
И Солнце за это их род с тех пор
Навек от родных отлучило гор».
— «Но кто же печется о ней, коль нет
Родных у нее? Ей так мало лет.»
— «О других печется она сама,
Открыты для всех ее закрома.
Не сочтешь служанок ее и слуг,
Полон псами двор и стадами луг.
Хоть той же породы, что ты,— она,
Тебе не в пример, как тополь стройна.
А силою мышц она превзойдет
Весь этих краев великаний род».
«Почему же она не вступила в брак?»
«А ровня ей кто? Ни свой, ни чужак;
Я слышал, что скоро из дальних стран
Придет исполинских сил великан:
Бродячий нам это предрек певец.
Его-то и ждет она во дворец».
Тут взыграл в груди Торк-Ангеха дух.
На него взглянул и понял пастух,
Что пред ним стоит герой-великан,
О котором пел бродячий гусан.
Он молвил: «Блажен, кто отсель, как муж,
Увезет к себе домой Айкануш.
Ее доброте неведом предел,—
И дня не проводит без добрых дел.

Бедняк от нее ждет всегда услуг,—
То вола возьмет у нее, то плуг.
Круглый год она и масло и сыр
Между теми делит, кто наг и сир.»
«Покажи мне путь кратчайший в Упрет»,—
Тут промолвил Торк, и пастух в ответ:
«Дорогой вот этой ступай как раз,
И к Упрету придешь в полуденный час».

К зениту кончает солнце свой путь:
Пора пообедать и отдохнуть.
В Упрете сегодня вкусный обед —
Уха и шашлык, но хмельного нет.
С нетерпеньем гостя ждет Айкануш,
Хотя бы им был приснившийся муж.
И вот у ворот раздается вдруг,
Оглушая всех, настойчивый стук.
Все громче пришлец в ворота стучит,
Но замок, как будто вымер, молчит.
«Ни слова в ответ! Засова с ворот
Не снимать!»— велит Айкануш, но вот
Послышался треск, и крепкий металл,
Как бумага смят, на землю упал.
Богатырь по лестнице вверх взошел
И словно бедняк, что несыт и гол,
Иль дитя, с которым в разладе мать,
На ступени сел и стал ожидать.
От Торка толпа служанок и слуг
Шарахнулись прочь,— их об'ял испуг.
Им крикнувши: «Стойте, ведь этот муж
Сегодня наш гость!» тотчас Айкануш
Направила к Торку-Ангеху шаг

И молвила, вслух рассуждая так:
«Уверена я, что сей великан —
Ну никто другой, как Торк Паскамян.
Кто б еще ворота мои открыл?
У кого б на это хватило сил?»
Точно так же Торк, за хозяйкой вслед
Рассуждая вслух, так сказал в ответ:
«Коль Торка узнать смогла Айкануш,
Захлопывать дверь перед ним к чему ж?
Иль шуточки шутит с Торком она?
Тогда этот взлом не его вина.
Ворота починит Торк, и опять
Закрытыми будут они стоять».
Спустился по лестнице Торк, и вот
Через пять минут железо ворот
Ногтями пригладил,— ржавый металл
Серебряным блеском вдруг засверкал.
На Торка, когда он пришел назад,
Айкануш направила нежный взгляд
И сказала: «С голого камня встань!
Ты вкусный обед, восхищенья дань,
Мой гость, мастерством своим заслужил.
Чай, голод тебя в дороге сморил?»
— «Да, голоден я, и весьма к тому ж,—
Вздохнувши, ответил Торк Айкануш:—
Чем хочешь ты голод мой утолить?
Чем жажду мою ты хочешь залить?
Меня лишь одно насытит,— твоя
Любовь, Айкануш, голубка моя!
На то, что лицом я груб, не гляди:
Нежнейшее сердце в моей груди.
Тебя, мой кумир, с головы до пят
Вмещает оно как некий клад.
Я у ног твоих... Скажи мне скорей,
Я люб ли тебе. Если нет, убей.»

— «О любви твоей, милый гость, потом
С тобою беседу мы поведем».
— «Я раб твой! Любое мне прикажи,—
Коль хочешь, как пса к дверям привяжи.
Чтоб я, как зеницу ока, берег
Тебя от любых невзгод и тревог».
— «Меня ты спасешь от тревог и невзгод,—
От твоих когтей кто меня спасет?»
Айкануш и вместе с нею Ангех
Рассмеялись вдруг,— был весел их смех.
Свой голод они утолили тут,
Не коснувшись поданных вкусных блюд.

5

Любил Торк-Ангех, от души любил.
Горяч был и чист его страсти пыл,
И черный его и суровый лик
Превратился ныне в ясный родник,
Струящий лишь нежность, мир и любовь,
А ужасный взор, леденивший кровь,
Стал словно луна, что с небесных круч
Посылает вниз медоносный луч.
Как ловок он стал, улыбчив к тому ж!
Кто скажет, что был наш Торк неуклюж?

6

Чем жарче горит костер, тем трудней
Нам стоять вблизи от его лучей:
От самца, что кличет и день и ночь,
Убегает самка в смущеньи прочь.
Соловьиным песням Торка в ответ
Молчит Айкануш, как розана цвет:
«Быть-может», «пожалуй», «ах, нет», «о, да» —

Вот все, что услышит он иногда.
Девической скромности крепкий щит
В могучих руках Айкануш блестит,
И Торку однажды молвит она:
«Жениху другая повадка нужна.
Я знаю, что силой ты знаменит,
Но с тобой сразиться мне надлежит.
Пусть страшны твоих ногтей острия,
Но дивным мечом обладаю я,
Который любого врага сразит,
Хотя б он был грозен, как ты, на вид».
— «Айкануш!— воскликнул Торк,— пощади,
Меня, мой кумир, с ума не своди.
Поверь, мне не страшен меч никакой,
Пади хоть с небес он в предел земной.
Но как мне решиться твой стан в тиски
Схватить моей железной руки?
Себя побежденным я признаю
И к твоим ногам жизнь кладу свою.
За себя поставь сто мужей — иль нет,
Поставь их тысячу, тьму, мой свет!
Мигни, и с корнями я вырву бор,
Прикажи,— сдвину громаду гор,
Направлю в другое русло родник,
Смешаю ущелья и горы вмиг.
Раскрошит утесы рука моя,
Но тебя коснуться не смею я».
— «Если так,— ему в ответ Айкануш,—
Великанов мне два десятка душ
Приведи сюда. Подойди в Дзорапор,
Где они живут в темных недрах гор.
Коль ты полонишь два десятка их,
Все скажут, что ты достойный жених.
А ежели нет — вся наша родня
Обрушит насмешек град на меня;

Повсюду молвы разнесется гул:
Бездомный бродяга ее умыкнул».

Песнь третья

Отправился Торк, взяв с собой бревно,—
Как посох служило ему оно.
К великанам он пришел в Дзорапор
И, сойдя в обрыв меж ущелий гор,
Зарычал,— был рык так со львиным схож,
Что ущелье все охватила дрожь.
Из пещер своих великаны вдруг
Выбегают все и глядят вокруг.
Видят: там, внизу, наш Торк-исполин
Стоит, на бревно опершись, один.
Все рукой его привечают: «Брат,
Подымись же к нам!» Каждый гостю рад.
Поднялся наш Торк и скоро проник
В одну из пещер, где бодрый старик,
Хозяин жилища, чтя гостя в нем,
Ему оказал отличный прием:
Велел обновить ковровый настил
И вверху ковра его усадил.
Сколько было взрослых и юных чад,
Все к руке его подошли подряд.
Невестки внесли корыто потом
И ноги Ангеху умыли в нем.
Не прошло, пожалуй, и двух минут,—
Великанов двести набилось тут;
Все пришли на гостя взглянуть, и стал
Гудеть, словно улей, просторный зал.
«Добро к нам пожаловать, милый брат!»
Так все обратились к нему подряд.
«Ты кто и откуда?» — такой вопрос

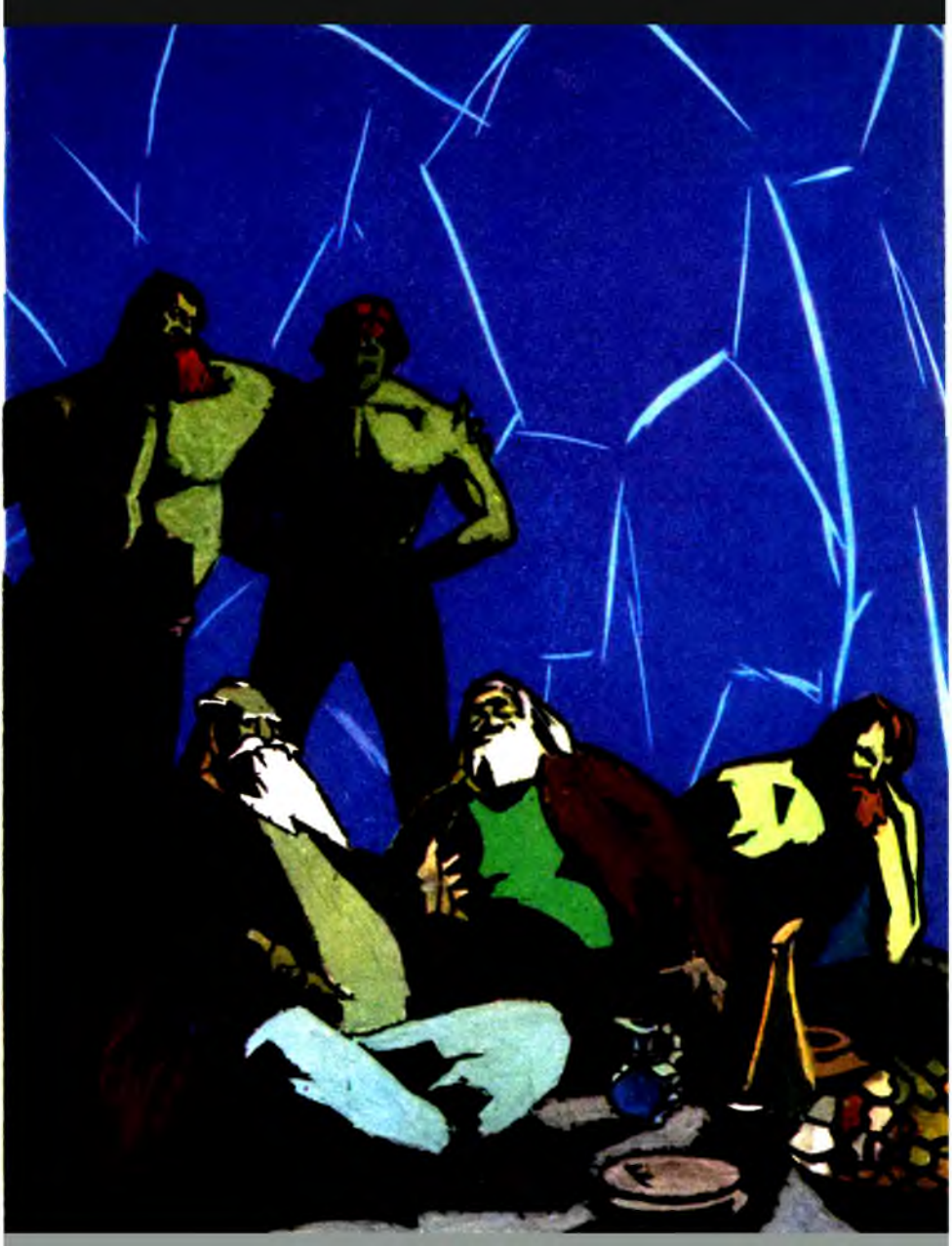
Услышать ему в тот день не пришлось.
Обычай у них: в теченье трех дней
Ни о чем своих не пытать гостей.
Три дня угощали Торка они,—
Как праздник сплошной прошли эти дни.
Оленя один принес великан,
Другой — свежей рыбы огромный чан;
Этот — дичь пернатую, а другой —
Много кур и сыра запас большой.
Чуть не рухнул стол от огромных груд
Разных яств мясных и молочных блюд.
Молодежь венчала пляскою пир
Под сладостный звук свирелей и лир;
Старики, и те заводили пляс.
Столько счастья Торк видел в первый раз.

И подумал он: «Раз я так им мил,
Столько хлеба-соли у них вкусил,
Как могу на них я руку поднять,
С любой головы волосочек снять?
Пролить я не в силах братскую кровь,—
Потребуй иного, моя любовь!
Что лаской своей свершит человек,
Того не свершит он силой вовек.
Нам сила в подмогу только нужна,—
Побеждает ласка, она одна.
Радушное сердце этих людей
Сковало меня любовью своей.

Когда миновали четыре дня,
Великанам Торк промолвил: «Меня

Не спросили вы, о братья, досель,
Какова моих всех скитаний цель,
Почему земной обхожу простор
И чего ищу средь ущелий гор.
Показали мне вы любовь свою,
Вам за хлеб и соль поклон отдаю.
Пускай неизменно ваш дом цветет
И вечен да будет ваш славный род.
Пришел я подмоги просить у вас,
Мою просьбу вам изложу сейчас.
Вы знаете, верно, деву-красу,
Что одна в Упретском живет лесу.
Ее я хочу, не вступая в бой,
Увести супругой к себе домой.
Мне помочь советом и делом вас
Просить я пришел. Коль встречу отказ,
То жить не хочу. Убейте меня
Иль вместе со мной, не теряя дня,
Добудьте отраду души моей,
Чтоб мирную свадьбу я справил с ней».
Умолк Торк-Ангех, и тогда старик
Сказал, обратив к великанам лик:
«Небось, вы читали в сказках о том,
Как часто, к невестам явившись в дом,
Дэвы в тьму пещер умыкают их.
Невесту потом спасает жених
От страшного дэва, и пир горой
На свадьбе идет, и счастлив герой.
Причина гордиться карлику есть,
Коль смог он невесту силой увесть,
Но нам, великанам, силой своей
Пред невестой хвастать смешно, ей-ей!
Не силу, любовь пред ней прояви,—
И тогда достоин будешь любви.

Я согласен с гостем нашим вполне,—
Его мысль благородной кажется мне.
Айкануш не унес в подземелье дэв,
Она не похожа на бедных дев,
О которых сказки нам говорят,—
При ней ее замок, что всем богат.
Итак, вы постройтесь в ряды скорей
И с песней и пляской отправьтесь к ней.
Упрямице этой надо внушить,
Что незачем в бой за себя спешить.
За вами свой слабый направлю шаг,
Чтоб благословить этот славный брак.
Пускай молодежь к ней с нами пойдет,
Чтобы песни петь, водить хоровод».
Старик свою речь окончил, и вот
Толпа загудела: «В поход, в поход!»
— «Нет, я не согласен,— крикнул один
К скале прислонившийся исполин,—
Женихи, что ищут руки Айкануш,
Безмозглые твари. Их двадцать душ,
А бесчинство их повергает в страх
Народ, что в окрестных живет горах.
Они — цобапорцы; уж столько лет
На это отродье управы нет.
Их как вразумить! Как дать им понять,
Что негоже камни в детей кидать?
Только смертный бой, уверяю вас,
Их может пронять. Вот и весь мой сказ».
— «Вы детишек всех,— молвил добрый дед,—
Поручите мне. Их от всяких бед
Уберечь берусь. Волосок, и тот
С ничьей головы у них не спадет.
Мы нынче в Упретский замок войдем,
А вам предлагаю быть завтра в нем.
Согласны? Тогда к походу ребят



Прошу никаких не чинить преград».
Детвора, услышав это, гурьбой
Повисла на старце: «Можно с собой
Нам, дедушка, луки и стрелы взять?
Увидишь, мы будем храбрая рать».
Улыбнулся дед, как ребенок сам,—
Раздавать оружье стал малышам.
Кому дал пращу, кому толстый сук,
Одному — копье, а другому — лук;
У того в руках заблестел кинжал,
А этому в руки лишь прут попал.
Развеселых девочек легкий рой
Взял бубны, свирели, трубы с собой,
И детское войско — любо взглянуть! —
Вкруг деда собравшись, двинулось в путь.
Командовал дед всей толпой ребят:
«Эй, в ногу, ребята! Вперед, назад!»
Ликовали взрослые: «Глянь-ка, в поход
Могучее войско детей идет».

В путь воинство двинулось, и в обед
Уж был им захвачен замок Упрет.
Свирели и бубны ночь напролет
Оглашали шумом высокий свод.
Загремели лес и ущелья гор,
И понесся гул волной в Цобапор.
Орда женихов с утра, чуть свет,
Смущенная шумом, пришла в Упрет.
Они улеглись под самой стеной,
И каждый храпел, словно зверь лесной.
Явился и Торк с братанами; их
С три десятка было,— сильных, лихих.

Цобапорцам Торк промолвил: «Привет!»
Но те промолчали ему в ответ.
Приветствие Торк повторил опять,
Чтоб только их вежливость испытать,
Но снова воды все набрали в рот,—
Ну, ни дать, ни взять,— бессловесный скот.
«Близкий родич я красы-Айкануш;
Сегодня решу, кто ей будет муж.
Кто хочет добиться ее руки,
Для боя готовь свои кулаки.
Тому, кто сразит остальных в бою,
Я в жены отдам сестрицу мою.
Коль вы женихи, войдите во двор
И в бою перед ней решите свой спор».
Цобапорцы мигом, рвенья полны,
В ворота протиснулись, как слоны.
Все гости наверх поднялись чредой,
А борцы внизу готовились в бой.
Поднявшись наверх последним из всех,
Красе-Айкануш доложил Ангех:
— «Сюда объявились, кроме гостей,
По собственной воле тридцать мужей,
Пусть бьются,— посмотрим, кто верх возьмет,
И затем сведем с победившим счет».
— «Разрешите мне,— встав, промолвил дед,—
Об'яснить борцам, каков с давних лет
Закон поединка, чтоб честно бой
Они повели сейчас меж собой.
Должен жребий вашу решить судьбу,—
Кто вытянет жребий, начнет борьбу».
Заиграли бубны и трубы тут,
Бойцов подвигая на ратный труд,
И вот Айкануш, их спора предмет,
Взошла на балкон, как солнечный свет.
Кто смог уловить очей ее взгляд,

Отважнее делался во сто крат.
Цобапорцев двое вышли и миг
Стояли, вз'ярясь, как буйвол и бык.
Через миг, друг с друга глаз не сводя,
Схватились они, как два медведя.
Не скажешь, который храбрей... Земля
Дрожала под их ногами, пыля.
То взнесутся вверх, то трутся о прах,
То лбов не щадят, как козлы в горах;
То стоя ведут, то с колена бой,
Но никто земли не тронет спиной.
Длится схватка их уж четвертый час,
А бьются они, все пуще ярясь,
И друг другу рвут, словно тигры, плоть,—
Но не в силах враг врага побороть.
Один оступился вдруг, и другой
Хотел на него наступить ногой,
Но упавший вдруг восстал великан
И врага, его обхвативши стан,
Приподнял на воздух и грохнул так,
Что на локоть в землю вдавился враг.
Лежал побежденный, еле дыша,
И с телом прощалась его душа.
Воскликнули гости: «Слава тебе!»,
Вознося того, кто взял верх в борьбе,
Но он, чтобы цели достичь своей,
Был должен сразить и прочих мужей.
Увы, не хватило на это сил,—
Он только троих на землю свалил;
Четырех сразил великан шестой,
А десятый десять и кончил бой.
Он звался Авагом, сильней был всех;
С ним встретиться должен был Торк-Ангех.

Авага наш Торк наверх пригласил
И рядом с собой его усадил.
«Ты всех,— молвил он,— победил в борьбе,
Присудить награду надо тебе.
Однако, жестокий не кончен бой,—
Ты должен сразиться еще со мной.
Коль вызов не примешь, то в этот дом
Ты можешь и впредь войти женихом.
Я из этих дев тебе отдам
Любую, с тобой побратаюсь сам».
«А ты Айкануш уведешь с собой
И свадьбу с ней справишь, придя домой?
Несогласен я и готов к борьбе,
Хотя б уступал я в силе тебе.
Я в жены хочу одну Айкануш,
Я девам другим не жених, не муж.
Победы иль смерти желаю я:
Мое пораженье — гибель моя».
— «Ты нынче устал, отдохни денек,
Со мной познакомься за этот срок.
Я завтра в любой указанный час
К услугам твоим. Бой рассудит нас».
— «Отлично,— заметил почтенный дед:—
Отложить до завтра и мой совет».
На эти условья борец пошел,
И вот за накрытый уселись стол
Великаны все; призвали и тех,
Которым в бою не блеснул успех.
В веселых беседах прошел обед,
Усталости всякой исчез и след.

А после обеда дед-великан
Всех играть позвал, и простор полян,
Ареною игр богатырских став,
Огласился шумом резвых забав.
Над всеми брал верх в забаве любой
Наш Торк-богатырь; он силой такой
Обладал, что мог соперников всех
Один одолеть без всяких помех.
Связать ли кого или в ров столкнуть,
Отбросить ли мяч от кого-нибудь,
Пуститься ль вприпрыжку или бегом,—
Неизменно первым был Торк во всем.
Чтобы вырвать мяч у него из рук,
Его облепляла толпа вокруг
И висла на нем с четырех сторон,
А наш Торк бежал, навьючен как слон,
Все дальше во весь богатырский дух,
Насевших сгоняя с себя как мух.
Устроитель игр, старик-исполин
С улыбкой сказал Ангеху: «Мой сын,
Посиди-ка лучше рядом со мной,
Ты людям мешаешь своей игрой».
Торк присел, и кончилась тут игра,
Для новой затеи пришла пора.
Заранее дед попросил детей
Из рощи принесть дубовых ветвей,
И дети вернулись теперь как раз.
Они окружили Торка тотчас,
И он, на колени взяв малышей,
Стал их гладить грубой рукой своей.
Ребята запели, ставши в кружок,
И быстро сплели из ветвей венок.
«Авагу венок этот,— молвил дед,—

Поднесем в честь славных его побед».
— «Недостоин я,— воскликнул Аваг,—
Ведь Торк среди нас. Я думаю так:
Завидовать мужу такому — грех:
В игре показал свою мощь Ангех.
Не из плоти он, а из крепких скал;
Он смертный иль бог, никто б не сказал.
Мы должны чело склонить перед ним,—
Противясь ему, себя осрамим».
— «Дивлюсь я,— ответил старец ему;—
Цобапорец ты, а умен. Не пойму!»
— «Цобапор не родина мне, старик!
Деревня моя — Железный рудник».
— «Ты так и сказал бы! Итак, заметь:
Женихом для нас ты будешь и впредь.
Любая из дев за тебя пойдет,
И братом Ангех тебя назовет».
— «Не братом его мне быть, а слугой;
Признаю я Торка власть над собой».
Растрогали Торка эти слова;
Он привстал и, слезы сдержав едва,
Чело великану поцеловал
И, братом назвав, его приласкал.
«Теперь,— обратился дед к Айкануш,—
Тайну дум своих и ты обнаружь.
Скажи нам,— прибавил старик, смеясь,—
Поединка жаждешь ты и сейчас?»
«Для меня священна воля твоя:
Коль биться прикажешь, выступлю я».
— «В состязанье вам я велю вступить,
Но любовь должна вам оружьем быть.
Любите — один другого сильней;
Она — твой оплот, ты — хранитель ей.
Кто вступает в брак, оружье готовь!
Святое оружье это — любовь».

Айкануш и Торк, как дети, вдвоем
На колени встали пред стариком,
На обоих он венки возложил
И брачный союз их благословил.
— «А теперь,— он крикнул толпе ребят,—
Трубите, и пусть ущелья гремят».

7

В конце повестей, что долго велись,
Три яблока падают с неба вниз,
Но иначе мой кончается сказ,—
Кончается тем, что царский указ
Правитель Гугарка, знатнейший муж,
Привез из столицы в дом Айкануш.
Роскошен правителя был наряд,
И конный его окружал отряд.
Развернувши грамоту, он при всех
Прочел, что преславный витязь Ангех
Отныне наместник царя и часть
Державы в свою получает власть.
Восторженно приняли все указ,
У Торка слеза скатилась из глаз.
Затем драгоценных подарков ряд
Правитель поднес,— был тут целый клад;
Ожерелье, серьги, дивный браслет,
Не один горящий огнем самоцвет,
Чувяки пурпурные, острый меч
И шуба соболья с царских плеч,
А сверх остального всего добра —
И золота груды и серебра.
Айкануш посол преподнес багрец
Подвенечный, пять алмазных колец
И тьму драгоценных мелких вещей,
(Чрез него царицей посланных ей).

И правитель сам поднести был рад
Ангеху богатый княжий наряд.
У гостей, смотревших, как Торк-пастух
Царем вознесен, захватило дух.
«Я вам говорил,— промолвил Аваг,—
Что Торк наивысших достоин благ».
С ликованьем новым свадьба прошла,
Напитков и блюд не сочтешь числа.
Серебро и золото на гостей,
Словно дождь, лились пять ночей и дней.

Тайна метлы

Давний сказ

Жил-был царь могучий когда-то встарь.
Справедлив и мудр был этот царь.
Как старость пришла, задумался он —
Кому завещать свой венец и трон.
Двенадцать тот царь имел сыновей,—
Но кого из них властью облечь своей?
Был старший силен, но зол и жесток,
Второй был слаб, как хилый росток,
Беспечен третий и ветрен умом,
Четвертый был глуп, хоть незлобен при том.
Все подряд недостойны были венца.
Никто из них не был похож на отца.
Но верил в душе старик-властелин,
Что лучше других самый младший сын,
Хоть он сына того хорошо не знал,
Ибо редко тот у отца бывал.

Долго думал, сидел старик-отец,
И загадку он подыскал, наконец.

Сыновей к себе призывает — и вот,
Пред ними метлу на землю кладет.
«Дорогие» — он молвит своим сыновьям —
«Мою волю хочу я поведать вам.
Вы видите: стар и немощен я;
К закату жизнь склонилась моя.
Пора мне пойти вслед предкам моим,
Стать черной землей, подобно им.
Но пока я жив, пока я дышу,
Внемлите тому, что я вам скажу.
Вот свежая здесь пред вами метла,
Что велел я связать, как заря взошла.
Завещаю тому, кто разломит ее.
И венец свой, и трон, и царство мое.
Ну-ка, силу явить настал вам час:
Кто метлу разломить сумеет из вас?»

Сын старший сказал: «Разломлю, отец»,
И смело к метле подошел удалец.
О колено метлу ломает, гнет.
Напрасно! ничто метлу не берет.
Покряхтел, попотел тут старший брат,
Побледнел, пожелтел — отступил назад.
Подошел к метле за первым второй —
Не смог и он совладеть с метлой.
Тщетно третий брат трудился над ней,
Четвертый брат был еще слабей,
А семь других, что к метле подошли,
Ее согнуть, и то не смогли.
Тут младший сын выступает вперед
И речь отцу такую ведет:

«Отец, не хочу я мучиться зря,
Над метлою кряхтеть не буду я.
Как дитя, к луне я рук не тяну,—

Не дано человеку схватить луну.
Тому, кто не верит, что жжет огонь,
Скажу: коль не веришь, то пламя тронь.
Я вижу силу везде, во всем —
И в далях небес и здесь кругом.
Ничтожный комар, верблюд-великан —
Дар силы тому и другому дан.
Есть сила в умах, есть сила в сердцах,
В глазах и ушах, в руках и ногах.
Но силу вместить не может предмет,
Коль в частицах его единства нет.
И, с другой стороны, известно нам:
Где единство есть, есть и сила там.
Если много людей единство блюдут,
То чего не свершит их дружный труд?
Подают нам пример муравей с пчелой:
Чудеса творят муравейник и рой.
Если б люди могли так едины стать,
То и горы могли бы они сдвигать,
И сколько б тогда каналов, озер
Стали много мощнее, чем до сих пор.
Отец, я свяжу метлы прочней
Те силы, что есть в державе твоей,
Чтоб вместе они все были — не врозь.
Надеюсь, тебя мне понять удалось.
Чтобы мысль мою пояснить для вас,
Пред вами метлу разломлю я сейчас».
Взяв метлу, развязал он ее узлы,
Разделил, разобрал все прутья метлы
И с легкой улыбкой, не тратя сил,
Их, прут за прутом, тотчас разломил.

«Угадал!» воскликнул старик-отец
«Ты венец и трон заслужил, молодец».
Он обнял сына и своею дряхлой рукой,

Венец возложил на него золотой.
«Смотрите,— сказал он братьям другим; —
«Живите согласно с братом своим,
И зависти в вас да не будет к нему,—
Ведь вы вместе сильней, чем по одному.
Коль врозь разбредетесь, хмуры и злы,
Разломитесь все, как прутья метлы».
Был братьев ответ: «Пусть царствует он».
И младшему отдали все поклон.
Достиг своей цели царевич умом,
Всем вам да будет он образцом.

Победитель дракона

То, о чем я собираюсь рассказать вам, дорогие малыши, произошло давным-давно, кто знает, сколько тысяч лет тому назад...

И вообще, все чудеса, о которых я вам рассказывал, тоже происходили в очень стародавние времена.

В изумительной стране Элладе, у подножия высокой горы выбивался замечательный родник. Сколько лет уже прошло, а тот родник и по сей день бьет из-под земли.

...День клонился к закату, солнце сползало за горы и своими последними лучами золотило студеные струи горного родника, когда к нему подошел некий юноша по имени Беллерефон. В руках юноша держал золотую уздечку с вкрапленными в нее сверкающими алмазами. Он увидел у родника седовласого старца, рядом с ним — невысокого крестьянина, а еще одного красивого кудрявого мальчика и юную девушку, которая пришла сюда за водой. Юноша подошел к ним и попросил у девушки напиться.

— Какая чудесная вода! — сказал он, напившись и

возвращая девушке ковш. Девушка ополоснула ковш и снова наполнила его водой.

— Прелестная девушка,— сказал юноша,— не скажешь ли мне, как зовется этот родник?

— Скажу,— ответила юная девушка,— это родник Пирены. Я от моей бабушки слыхала, что Пирена, была очень красивой женщиной. Когда ее сына стрелой пронзила охотница Артемида, Пирена так горевала, так скорбела, что вся изошла слезами и тут же на месте превратилась в родник. Потому и вкусна так вода в роднике, что капли его — это слезы скорбящего материнского сердца.

— Никогда бы не подумал, что такой прозрачный и веселый родник своим рождением обязан слезам. Его журчание так жизнерадостно, и он так ослепителен в лучах солнца!.. Так значит это и есть родник Пирены?.. Милая девушка, я очень благодарен тебе за твой рассказ. Я иду издалека, и искал именно этот родник.

Коренастый крестьянин, который привел сюда на водопой свою корову, все это время пялился на Беллерефона и чудесную уздечку в его руках.

— Видать, приятель, что в ваших краях горные родники в диковинку, если ты не поленился забраться в такую даль к роднику Пирены...— сказал он юноше.— И что это с тобой приключилось, приятель, ты, наверное, коня потерял? Почему уздечку держишь в руках? И какая она у тебя удивительная, как разукрашена!... Если и конь был ей под стать, очень жаль, что ты его потерял...

— Я коня не терял,— улыбаясь, сказал юноша,— я еще только собираюсь найти того замечательного коня,

который, по словам знающих людей, непременно должен находиться где-то в этих краях... А ты часом не слыхал, приятель, не приходит ли к роднику Пирены крылатый конь Пегас, как он приходил сюда еще в те далекие времена, когда живы еще были прадеды твоих прапрадедов?

В ответ крестьянин весело и громко рассмеялся.

А вы, мои дорогие читатели, слыхали ли вы, что был такой конь по имени Пегас, белый, как снег, с изумительными серебристыми крыльями?.. Обителью его была вершина горы Геликон. Резвый и сильный, стремительный и легкий Пегас взмывал выше туч, и так высоко, куда и орлу не снилось. Не было в мире подобного ему коня. Никто его ни разу не седлал, никто его ни разу не взнуздывал, не подковывал, и он долгие годы жил на вершине горы Геликон в гордом одиночестве, вольный и счастливый...

А как светло и радостно проводил свое время крылатый конь!.. По ночам он мирно спал, распластавшись на открытых горных полянах, а большую часть дня носился в небе в нескончаемом полете. Вот он проносится над головами людей,— высоко, высоко,— и солнце сверкает на его серебристых крыльях... И кажется, это какая-то неведомая большая белая птица потерялась средь туч и ищет дороги к чистым и свободным небесам. Невозможно было оторвать от него глаз, когда он стремительно вонзал свое белоснежное тело в белую вату облаков... Вонзался, исчезал... и спустя мгновение вновь появлялся уже там, по ту сторону высоких облаков... Сгущались и мрачнели тучи, мрак застилал небеса, грохотом неслась над землею буря, а Пегас парил между молний, и раскаленные,

жаркие зарницы освещали его своим багряным светом... Угасали зарницы, и Пегас исчезал в густой, непроглядной мгле... Давно уже бытовало поверье, что кому хоть раз посчастливится увидеть эту восхитительную картину, то всю свою последующую жизнь он проведет в высоком и радостном состоянии души.

В погожие летние дни Пегас спускался на земную твердь и, сложив свои серебристые крылья, носился по полям и лугам, по горам и долинам, и все это просто так, ради собственной утехи и удовольствия. Чаще всего его видели у родника Пирены, где он утолял свою ненасытную жажду или попросту валялся в зарослях густой травы. Случалось, что Пегас съедал несколько цветков красной или белой люцерны, выбирая из них самые сладкие. Он был очень привередлив в еде, не всякую траву жаловал.

Сотни лет назад множество людей тянулось к роднику Пирены в надежде хоть раз, хоть краешком глаза увидеть Пегаса. И большинство паломников были молодые люди — юноши, которые более других верили в существование крылатых огнедышащих коней. Но в последние времена Пегас появлялся все реже и реже. Крестьяне ближайшей от родника деревни ни разу в жизни не видели Пегаса, да и не верили, что может быть на свете такой замечательный, такой чудесный конь. И вот коренастый крестьянин, беседовавший с Беллерефоном, был как раз из этих самых неверующих, потому так и развеселился, услышав, что Пегас приходит на водопой к роднику Пирены.

— Ну и дела! Чего только люди не насочиняют!..— воскликнул он, задрав свой плоский нос, и снова рассме-

ялся.— Конь Пегас... да к тому же крылатый!.. Приятель, да ты, видать, рассудка лишился... На что коню крылья? Неужели конь с крыльями веселее потянет телегу? Верно, на подковы его хозяину тратиться не придется, ну и что?.. Отопрет он конюшню, чтоб вывести коня, а твой Пегас... фьюить!— и в небесах! И ищи ветра в поле... Или же оседлает его хозяин, чтоб поехать куда, а твой Пегас вместе с ним опять же... фьюить — в небеса, а оттуда своего седока — бряк! на землю — кувырком, вниз головой, вверх тормашками... Нет, нет, братец, не верь, никаких Пегасов не было и нет... Не было на свете летучих коней и никогда не будет!..

— У меня есть причина думать совсем иначе,— сказал юноша, ничуть не обидевшись, повернулся к старцу, который, опершись на свой посох, внимательно прислушивался к их беседе. Он даже приложил ладонь к уху, чтоб лучше слышать, так как в последние двадцать лет стал туг на ухо.

— А ты что скажешь, отец? — обратился к нему юноша.— Ты-то в свои молодые годы наверняка встречал крылатого коня.

— Я, сынок, совсем растерял память. Могу сказать только то, что в молодые годы я верил в крылатого коня. В это верили и все юноши моего времени. А сейчас ничего не осталось в моей голове, да и не до крылатых коней мне сейчас... А чтоб не соврать, мне даже трудно поверить, что встречал я когда-либо Пегаса. Вот только, как сон, на память приходит, что в детские годы здесь у родника Пирены один раз вроде бы заметил я лошадиный след.

Может, это был след Пегаса, а может, и не его, а совсем другой лошади...

— А ты, красавица,— обратился юноша к девушке, которая стояла рядом с кувшином на плече и прислушивалась к их беседе,— ты наверняка видела Пегаса, ведь у тебя такие шустрые и быстрые глазки!..

— Мне так кажется, что однажды я, должно быть, его видела,— ответила девушка, улыбаясь и краснея.— Прямо у меня над головой, высоко в небе парило что-то белое. Сказать, что это был Пегас — так нет, сказать, что большая белая птица — тоже нет. А в другой раз я пришла сюда за водой и вдруг услышала конское ржание. Не могу передать, какая радость охватила меня!.. Ржание было такое приятное, такое веселое!.. Но я все-таки испугалась, не знаю отчего, и убежала домой без воды, с пустым кувшином.

— Жаль,— сказал юноша и повернулся к маленькому мальчику, который смотрел на Беллерефона, широко открыв свой розовый ротик. Малыши всегда так смотрят на незнакомых людей.

— А ты что скажешь, прелестное дитя? — смеясь, спросил Беллерефон, лаская кудрявую головку малыша. — Ты много раз встречал здесь крылатого коня, не так ли?

— Да, много раз,— уверенно ответил малыш.— И совсем недавно, прямо вчера... и раньше я всегда видел его.

— Умница! — воскликнул юноша и привлек к себе малыша.— А теперь расскажи, братец, как ты его видел.

— А вот как... Пришел я как-то сюда к роднику, чтоб пускать по воде кораблики и собирать цветные камешки. И когда я смотрел на воду, увидел вдруг там, что по небу летит крылатый белый конь. Мне так захотелось, чтоб он спустился вниз, забрал меня с собой и унес на луну!.. Но как я встал и поднял голову, чтоб прямо в небе увидеть коня — его уже там не было, он сразу исчез в облаках. И так всегда...

Беллерефон поверил больше мальчику, который увидел отражение Пегаса в воде, он поверил больше юной девушке, слышавшей веселое ржание коня, и седовласому старцу поверил, но не крестьянину, который признавал существование тягловых и вьючных лошадей, а не коней крылатых.

Несколько дней бродил Беллерефон по окрестностям родника Пирены в поисках следов крылатого коня. Поглядывал попеременно то на небо, то на гладь родника в постоянной надежде увидеть самого Пегаса или хотя бы его отражение в воде. И всегда в его руках была заговоренная уздечка. Окрестные крестьяне, пригоняя свою скотину на водопой, посмеивались над юношей, а иногда и увещевали его, говоря: — «Ну чего ты зря шатаешься, время попусту тратишь? Не лучше ли делом каким заняться? Коня хочешь купить — покупай, у нас много коней на продажу». Когда же Беллерефон отказывался от их услуг, они предлагали ему продать уздечку.

Деревенские мальчишки считали его за юродивого и потешались над ним: дергали за полы одежды, гримасни-

чали, обзывали разными обидными кличками. В своих шалостях они дошли до того, что один из них — пятилетний молокосос — начал изображать Пегаса: принялся дрыгаться и брыкаться, ржать по-лошадиному, размахивать руками, словно крыльями, а другой мальчик, чуть постарше, подманивал его пучком травы. Все эти издевательства они выдумали для того чтоб раздразнить Беллерефона и разозлить его. Только тот кудрявый розовощекий мальчуган, которого встретил в первый день у родника Беллерефон, только он не следовал их примеру и очень любил его. Он молча усаживался рядом с Беллерефоном, молча вглядывался в воду родника, искренне веря, что он видел там отражение крылатого коня. Его твердая убежденность вселяла в Беллерефона надежду и веру.

Но вы, мои дорогие читатели, возможно спросите меня, почему Беллерефон искал Пегаса, какую цель он преследовал? История эта очень длинная, и я постараюсь рассказать ее вам, пока не появился на нашем горизонте Пегас.

Если рассказать о всех приключениях Беллерефона, начиная с его детства, то для вас это было бы хотя и интересно, но очень долго. Сегодня я поведаю вам только об одном случае из жизни нашего героя.

В той части света, что зовется Азией, обитало в те времена страшное и могучее чудовище по имени Химера, что на нашем языке означает Дракон. Так вот это самое чудище ни на что не было похоже. Никогда еще на свете не было ничего подобного. Три головы было у Химеры: голова льва, голова дикого злого козла и голова змея-драко-

на. И хотя не было у нее крыльев, но бегала она быстро, как лев, прыгала высоко, как коза, и извивалась, как змея, и потому была быстра, стремительна и ловка, как все эти три зверя вместе взятые.

А сколько горя и бед принесла Химера людям — сказать невозможно. Из трех своих пастей извергала она огонь и сжигала, испепеляла все вокруг: деревни и поля, леса и нивы... И потом пожирала людей и скотину, зверей и птиц. Не было от нее спасения...

Однажды Беллерефон пришел в страну Ликию, где как раз в это время зверствовало чудовище. Царя этой страны, которая граничила с Арменией, звали Иобат. Увидев Беллерефона, Иобат сразу понял, что гость его — бесстрашный человек, и потому велел ему найти и убить Химеру. Никто никогда и не помышлял о таком подвиге, ибо одно упоминание о трехглавом чудовище бросало всех в дрожь. Но надо сказать, что Беллерефон был действительно отважным и храбрым человеком, и жизнь свою он посвятил таким свершениям, которые пошли бы на пользу людям. В те времена свою честь и славу юноши добывали в войнах, в сражениях с врагами отечества, в единоборстве со злыми драконами и зверьми. Узнав наказ царя, Беллерефон призадумался, но потом твердо обещал, что разыщет и убьет чудовище, ибо если он отказался бы, то Химера превратила бы Ликию в пустыню.

Узнав, что трехглавый дракон очень быстр и ловок, Беллерефон понял, что невозможно с таким чудовищем сражаться пешим, что для этого ему нужен смелый и могучий конь, а в этом смысле ни один конь на свете не мог

сравниться с Пегасом, который кроме ног имел и крылья, и по небу летал быстрее. чем бегал по земле.

Надо ли говорить,что Беллерефона сразу и со всех сторон начали убеждать, что крылатых коней никогда не было и нет, что все россказни о нем — это пустые бредни и враки...

Но Беллерефон твердо верил, что Пегас не выдумка, что он существует, и рано или поздно достанется ему. И тогда он взнуздает Пегаса и сразится на нем с Химерой.

И вот с этой целью он направился из Ликии в Элладу, где его и одарили той золотой, заговоренной уздечкой. Беллерефону надо было только накинуть эту уздечку на голову Пегаса, и тогда Пегас покорился бы ему, и был бы послушен ему и верен.

Не буду говорить, с каким нетерпеливым волнением ждал храбрый юноша появления Пегаса у родника Пирены... И еще его очень беспокоила мысль, что царь Иобат может подумать, что он струсил и сбежал. И печалился он, представляя, каким опустошениям подвергает страну Ликию мерзкое чудище, в то время как он, вместо того, чтоб сразиться с ним, сидит себе у этого прекрасного родника и смотрит, как сверкают под солнцем его прозрачные струи.

Люди рассказывали, что в последние времена о Пегасе мало что было слышно, и за всю свою жизнь он только раз явил себя человеку. Беллерефон боялся, что в ожидании он состарится, и тогда уже не сможет овладеть крылатым конем, если тот и появится у родника, потому что от старости руки его ослабеют и потеряют былую силу и сме-

лость. Очень трудно ждать и терпеть. Наша жизнь и без того коротка, но сколько времени мы проводим зря в этом терпеливом ожидании...

На счастье Беллерефона кудрявый мальчуган так привязался к нему, что ни на шаг не отходил. Каждое утро он весело приветствовал Беллерефона:

— Беллерефон! Очень возможно, что сегодня мы увидим Пегаса!

И именно это «очень возможно» так обнадеживало Беллерефона. Не будь этой надежды, он уже давно возвратился бы в Ликию и сразился бы с грозной Химерой без помощи крылатого коня. А тут и говорить не приходится, что чудище одним дыханием спалило бы его и сожрало...

Однажды утром кудрявый мальчуган заговорил о Пегасе с большей, чем когда-либо уверенностью.

— Не знаю почему,— воскликнул он, подпрыгивая от радостного возбуждения,— не знаю почему, но мне так кажется, что сегодня мы обязательно увидим Пегаса!

Весь этот день мальчик провел с Беллерефоном: они вместе позавтракали, вместе напились из родника, а после полудня уселись в тени под деревьями. Беллерефон, положив руку на плечо своего маленького друга, смотрел на склонившиеся над водой древние деревья и свисающие с их ветвей гроздья дикого винограда и думал свою думу. А малыш неотрывно вглядывался в воду и грустил, потому что ему было очень жаль Беллерефона. И вдруг он не

выдержал, всхлипнул и заплакал. И несколько его слезинок, скатившись со щек, упали в родник и смешались со слезами Пирены.

Вдруг Беллерефон почувствовал, как вздрогнул малыш, и он услышал его шепот:

— Беллерефон... Беллерефон, посмотри скорее в воду!..

Беллерефон быстро наклонился, глянул на чистую, как зеркало гладь воды, и ему показалось, что он видит там отражение какой-то огромной белой птицы: летит она высоко, очень высоко, и солнце сверкает на ее серебристых крыльях.

— Какая изумительная птица! — воскликнул он.— И знаешь, малыш, она должно быть не очень высоко... она под облаками...

— Меня всего трясет,— пролепетал малыш.— Боюсь глянуть вверх... Как чудесно! Неужели ты не видишь, Беллерефон, что это не птица, а крылатый конь, что это сам Пегас?!.

Дрогнуло сердце Беллерефона. Он посмотрел вверх, но не сумел разглядеть, что же там парило — птица или конь, так как это нечто скрылось, исчезло в сгустившихся белых облаках, но спустя мгновение оно вновь появилось, резко и круто спускаясь к земле. Беллерефон сразу схватил малыша и укрылся с ним в густых зарослях кустарника, который словно изгородью обрамлял родник. Не Пегаса он боялся, а только того, что конь сам их заметит и тут же снова унесется в небеса. Долго ждал его Беллерефон, и вот, наконец, он прилетел сюда к роднику Пирены...

Небесный конь спускался все ниже и ниже, ссужая круги своего полета, легко и бесшумно, как белая пушинка. Он опустил свои ноги на песок так мягко и неслышно, что ни одна былинка не шевельнулась... Чудесный крылатый конь наклонил свою величественную голову к воде и принялся пить. Он втягивал в себя прозрачную студеную воду, радостно ржал и тряс гривой. Потом замирал на мгновение и снова продолжал свое восхитительное занятие. Напившись, крылатый конь оборвал губами несколько ароматных цветков и сжевал их, но пастись не стал. Пасся он только на вершине горы Геликон, ее душистыми горными травами.

И вот, утолив свою жажду, он принялся резвиться средь высоких луговых трав, как расшалившийся ребенок. Носился взад и вперед, брыкался задними ногами, весело всхрапывал, взлетал невысоко над землей, снова опускался вниз, и снова носился по густой, зеленой траве. Беллерефон крепко держал малыша за руку и смотрел из кустарника на эту картину, прекраснее которой он в жизни не видел. Стройные и длинные ноги Пегаса, его пышный хвост, гордо поставленная голова с белоснежной гривой!.. А таких умных и горящих глаз ни у одного коня на свете не было... И Беллерефону показалось кощунством набросить узду на такого свободного коня, и тем более оседлать и сжать его между коленями...

Раза два Пегас замирал на месте, останавливался неожиданно, настораживал уши, втягивал ноздрями воздух, водил головой по сторонам, словно чувствуя присутствие затаившихся людей. Но ничего не увидев и не учуяв, снова продолжал свои веселые игры.

Но вот, притомившись, он сложил свои крылья и прилег на мягкую траву. Однако, будучи дитем свободной и буйной природы, он не мог долго оставаться в бездействии: перевернулся на спину и, задрав ноги, заскользил вниз по склону. Сам — крылатый, один-одинешенек на всем белом свете с незапамятных времен, никогда не имевший себе товарищей — сейчас он резвился, как самое счастливое из всех божьих созданий... Беллерефон и мальчик не могли оторвать глаз от Пегаса. В восторге, они затаили дыхание, опасаясь, что малейший шорох может вспугнуть Пегаса, и он стрелой и безвозвратно унесется в небо... Но наконец Пегас перестал кувыркаться, и как обыкновенная лошадь вытянул вперед передние ноги, чтобы встать. Беллерефон сразу понял, что встав на ноги, конь тут же унесется в небеса. В одно мгновение он выпрыгнул из кустов и ловко вскочил на спину коня.

Да, да, он все-таки вскочил, он сел на крылатого коня!..

Надо было увидеть, как подскочил Пегас, впервые в жизни ощутивший на своей спине тяжесть земного человека! Я сказал — подскочил, но не думайте, что это был какой-то обыкновенный прыжок. Беллерефон и глазом моргнуть не успел, как уже стрелой летел на Пегасе высоко над землей. Крылатый конь хрипел под ним и трепетал от ярости и страха! Они поднимались все выше и выше, пока не достигли холодных облаков, на которые несколько минут назад с восхищением смотрел с земли Беллерефон. С этой высоты крылатый конь ринулся вниз, чтоб низвергнуть с себя седока, разбить его об скалы! Но этого

не случилось. Беллерефон сидел на нем, как влитой, и сбросить себя не давал. И что тут начал выделывать разъяренный крылатый конь!.. Просовывал голову между передними ногами, складывал крылья и начинал кувыркаться, как обезьяна. Потом переворачивался на спину и, задрав ноги вверх, трясся всем телом, или же притянув голову к хвосту и сложившись вдвое, принимался колесом вертеться вокруг себя... Наконец, после других усилий, поняв, что он не в силах сбросить с себя Беллерефона, крылатый конь повернул к нему свою морду с яростно горящими красными глазами, чтоб укусить его. Пегас так яростно махал крыльями, что с них сорвалось одно серебристое перо и упало прямо туда, где стоял кудрявый малыш. Он тут же поднял перо и спрятал его на груди, как память о Беллерефоне и Пегасе.

Когда Пегас, как мы говорили, повернул морду, чтоб укусить седока, Беллерефон воспользовался этим и мгновенно засунул удила заговоренной уздечки в раскрытую пасть коня. И, о чудо! Пегас сразу утихомирился и превратился в покорного и смирного коня... Честно говоря, мне было бы очень обидно и больно при виде покорившегося человеку такого вольного и свободолюбивого коня, как Пегас... Этот неожиданный переход от свободы в рабство был небезразличен для Пегаса. В его умных глазах, устремленных на Беллерефона, появилось что-то похожее на слезы. Но когда юноша начал ласково поглаживать его голову и произнес несколько теплых слов, хотя и тоном хозяина, крылатый конь издал радостное ржание. Он словно пришел в удовлетворение от своего нового сос-

тояния, когда после долгих веков одиночества приобрел, наконец, товарища и повелителя. Видимо, так определена судьба крылатых коней и вообще всех диких животных: достаточно однажды покорить их, и они станут послушны и верны тебе.

В единоборстве друг с другом Пегас с Беллерефоном незаметно унеслись далеко от места их встречи, и находились теперь у какой-то высокой горы. Беллерефон и раньше видел эту гору, знал, что зовется она Геликон, знал он также, что обычно Пегас пасется на вершине этой горы. Но, став прирученным, крылатый конь теперь был лишен собственной воли, он уже не осмеливался лететь, куда вздумается, и все время оглядывался на хозяина, ожидая его приказаний. Наконец, он полетел вниз и плавно опустился на землю. Беллерефон соскочил с него, но уздечки из рук не выпустил. Пегас неотрывно смотрел на своего нового хозяина, в его красивых, выразительных глазах было столько смирения и покорности, что это сводило Беллерефона с ума. Ему стало жаль плененного им Пегаса, который всегда был свободным конем, и он решил отпустить его на волю. Воодушевленный чувством собственного великодушия, он снял с его шеи уздечку и вытащил из пасти удила.

— Лети, Пегас,— сказал он.— Не хочу тебя неволить, если сам я тебе не нравлюсь...

Крылатый конь в мгновение ока взмыл выше вершины Геликона. Солнце уже зашло за горы: внизу, на земле было темно, а на вершинах гор пламенел закат. Пегас взлетел выше туч и словно трепетал в багрово-ярких волнах

последних солнечных лучей. Взмывая все выше, он снизу казался ослепительно белой точкой, и наконец, полностью растворился в бездонных глубинах небес. Беллерефона охватила тревога: а вдруг крылатый конь никогда больше не вернется!.. Он начал уже жалеть о содеянном, как вдруг увидел, что сверкающая точка вновь появилась на небосклоне и начала медленно спускаться вниз, и наконец Пегас мягко опустился на землю перед своим хозяином. После этого испытания уже не стоило опасаться, что крылатый конь когда-либо убежит от него. Они подружились и уже верили друг другу без всяких сомнений и колебаний.

В этот день новые друзья устроились на ночлег в расщелине скалы. Беллерефон всю ночь не отводил своей руки с шеи Пегаса, но не из опасения, что он исчезнет, а от большой любви к нему. Утром на рассвете они проснулись и поздоровались друг с другом — каждый на своем языке.

Несколько дней пробыл Беллерефон на Геликоне вместе с Пегасом. За это время они еще больше сблизились и сдружились. Часто совершали воздушные прогулки, и иногда поднимались так высоко, что земля им казалась величиной с горошину. Они побывали и во многих разных странах, и везде, где их видели, думали, что прекрасный юноша на крылатом коне — это посланец с Олимпа.

Для Пегаса не составляло никакого труда за день побывать в тысячах разных мест. Беллерефон же был в восторге от такого образа жизни: он с радостью проводил бы все время под небесами, где всегда, какая бы ни была

на земле погода, было ясно и тепло. Но он не мог забыть обещания, данного им царю Иобату убить чудовище Химеру. И когда он свыкся с головокружительными полетами, когда научился обращаться с Пегасом так, что тот понимал малейшее движение его руки и еле слышный шепот его слов, тогда Беллерефон решился, наконец, совершить задуманный подвиг.

И вот однажды утром Беллерефон легонько ущипнул Пегаса, желая разбудить его. В ответ на это Пегас вскочил на ноги, молнией взвился в высь, в мгновение ока облетел вершину Геликона, чтоб показать хозяину, что он бодр, свеж и весь готов к его услугам. И тут же с веселым ржанием спустился вниз — легкий и невесомый.

— Прекрасно, мой милый Пегас, прекрасно! — воскликнул Беллерефон, лаская гибкую спину крылатого коня.— А теперь, мне кажется, настало время нам с тобой заняться делом. Сегодня же отправимся на поиски этого чудовища Химеры!..

И пока Беллерефон пристегивал к поясу меч и готовил свои боевые доспехи, Пегас нетерпеливо бил ногами, грыз удила, взбрыкивался и радостно ржал.

Когда все было готово, Беллерефон вскочил на коня, взмыл на нем выше туч, чтоб оттуда хорошенько оглядеться по сторонам, выбрал направление и послал коня вперед. Они неслись, как буря, и в то же утро увидели высокие горы Ликии и ее глубокие ущелья, которые еле проглядывались сквозь застилавший их густой туман. Беллерефон знал, что в одном из этих мрачных ущелий и устроила свое лежбище Химера.

Крылатый конь начал медленно спускаться вниз, скрываясь за редкими облаками, благодаря чему наши путешественники оказывались с земли невидимыми. Беллерефон смог ясно разглядеть горную часть Ликии и ее темные долины. Сперва он ничего особенного не заметил: под ним простирались сухие каменистые пустоши и обвалившиеся скалы. Но дальше за ними черными пятнами выделялись сожженные поселения и белые холмы костей, — остатки пасущихся здесь некогда стад.

«Все это дело рук Химеры,— подумал Беллерефон.— Но где она сама затаилась?»

Он стал пристальнее вглядываться в темные ущелья и леса, в расщелины скал, но куда бы не кинул взгляд — повсюду была мертвая, выжженная пустыня, только из одной пещеры вырывались три струи черного дыма и, извиваясь змеями, тянулись вверх и свертывались в один большой клубящийся столб. Пещера находилась далеко внизу, под ними. Густой и смрадный дым уже касался ноздрей Беллерефона и Пегаса. Пегас от отвращения фыркал и мотал головой: этому детищу небес, который привык вдыхать лишь чистейший воздух горных вершин, запах гари был невыносим. И Беллерефон чихал и задыхался от этого смрада. Разъяренный Пегас гневно взмахнул крыльями и унесся за тысячу верст от этого зловонного места.

Но Беллерефон взглянул назад и вдруг увидел такое, что тут же натянул поводья и повернул коня обратно. Пегас сразу понял хозяина и начал медленно спускаться вниз, пока не приблизился к пещере, откуда вырывался дым.

Какую же странную картину увидел там Беллерефон!..

В пещере валялась какая-то бесформенная туша, на которой лежали три головы: голова огромного льва, голова отвратительного дикого козла и голова змеи. Лев и козел спали, а змий — нет: его красные, пылающие глаза были устремлены на Беллерефона. А черный дым продолжал вырываться из их ноздрей. Беллерефон сразу понял, что перед ним сама Химера. Лев, змея и козел — три части одного целого!..

Полусонный дракон не выпускал из своих когтей кровавые останки своей свежей жертвы, но был ли то ягненок, или... я хотел сказать — человеческое дитя... кто знает, может, так оно и было, хотя подобная мысль приводит нас в ужас... Как видно, чудовище только что завершило свою трапезу.

Беллерефон, наконец, очнулся и осмыслил виденное. Пегас тоже понял все это и разразился таким оглушительным ржанием, что содрогнулись земля и горы. Вскинулись и спящие головы Химеры, и из трех пастей вырвалось пламя. Беллерефон еще не был готов к битве, как чудовище выскочило из своего логова и, выпустив огромные когти своих лап, ринулось прямо на храброго юношу. Не будь Пегас быстрым, как птица, чудовище своим неожиданным нападением тут же проглотило бы обоих, и на том и закончилась бы битва. Но невозможно было застать врасплох крылатого коня.

В мгновение ока Пегас со своим всадником был уже высоко в небе. Хрипел от ярости Пегас и дрожал всем своим телом: не от страха, конечно, а от омерзения.

Ярость дракона тоже не знала границ. Вытянувшись во всю длину и опираясь на свой змеиный хвост, он размахивал в воздухе когтистыми лапами и, втягивая в себя три свои головы, исторгал вверх потоки пламени, чтоб испепелить Пегаса и его всадника. Как он рычал, как шипел и бесновался!.. Меж тем, Беллерефон взял в левую руку щит и вытащил из ножен меч.

— Ну, Пегас, вперед! — шепнул он на ухо коня.— Не подведи меня, помоги уничтожить эту гадину. Если ж я ее не одолею — улетай и не оглядывайся.

Пегас заржал и, повернув голову, коснулся щеки Беллерефона своими розовыми ноздрями. Этим он хотел сказать, что хотя у него есть крылья и до сих пор он был бессмертен, но тем не менее предпочитает погибнуть сам, чем дать Беллерефону попасться в лапы чудища.

— Спасибо, дружище,— сказал Беллерефон, прекрасно понимающий бессловесную речь своего друга.— А теперь сразимся с драконом... Вперед!..

С этими словами он тронул поводья, и Пегас бурей ринулся вниз прямо на трехглавую Химеру, которая сама тянулась к ним, извиваясь всем своим мерзким туловищем. Подлетев к ней, Беллерефон только один раз успел взмахнуть мечом, так быстро унес его Пегас обратно в небо, и он не понял, удачен оказался его удар или нет.

Пегас, покружив в небе, снова повторил свое нападение. И только сейчас Беллерефон увидел, что первым ударом меча он отсек козлиную голову чудовища, которая теперь беспомощно свисала с его шеи.

Наверное, потому и удвоилась ярость двух оставших-

ся голов,— львиной и змеиной,— и они жаждали отомстить за свою третью голову. Их громоподобный рев и шипение оглушали человеческое ухо.

— Не бойся, Пегас!— закричал Беллерефон.— Еще один удар — и мы отсечем вторую голову!.. Вперед, дружище, и — смелей!

Он снова послал вперед коня, и снова бурей ринулся вниз крылатый конь, и Беллерефон изо всех сил нанес удар по двум оставшимся головам. Но на сей раз и ему это даром не прошло: дракон своими когтями оцарапал левое крыло Пегаса и глубоко поранил плечо Беллерефона. Беллерефон же тоже в долгу не остался: он отсек львиную голову чудища, которая, беззвучно разевая пасть, уже беспомощно свисала рядом с козлиной головой.

Теперь совсем разъярилась оставшаяся в одиночестве змеиная голова дракона. Теперь она изрыгала из пасти ураганы огня, сжигая и испепеляя все далеко вокруг себя. И ее отчаянный рев достиг такой высоты, что ее услышал царь Иобат в своем далеком дворце и от страха так задрожал, что трон под ним начал шататься и трещать.

— Горе нам!— завопил он.— Это голос Химеры!.. Она приближается!.. Она погубит нас!..

А в это время Пегас, поднявшись к тучам, ржал от злости, и его глаза метали молнии.

— Ты ранен, Пегас?— воскликнул Беллерефон, увидев кровь на серебристом крыле любимого коня.— Ну, ладно ж! Он поплатится за это своей последней головой!..

Пегас только этого и ждал. В одно мгновение он раз-

вернулся и стрелой понесся вниз. Багровая от ярости Химера извивалась и скрючивалась на окровавленном песке, тянулась вверх, скрежеща зубастой пастью. А пасть этой мерзкой твари была такой огромной, что Пегас, не складывая крыльев, вместе со своим всадником мог бы спокойно пролететь сквозь нее прямо в ее ненасытное бездонное брюхо.

Когда увидела Химера, что враг ее снова летит на нее, начала она реветь и исторгать огненные реки, жар которых опалил белые крылья Пегаса и золотистые кудри Беллерефона. И это было только начало.

Сначала Химера подпустила их поближе, а затем неожиданным прыжком бросилась на Пегаса, упала на него всей своей тяжестью и обвила его своим мерзким змеиным хвостом.

С этой страшной ношей конь и всадник взмыли к небесам. Под ними уже сверкали горные вершины, плыли белые облака, а они летели все выше и выше. Дракон крепко вцепился в Пегаса и все глубже впивался когтями в его истерзанное тело. И тут Беллерефон обернулся и, прикрыв щитом грудь и лицо, в упор посмотрел в глаза Химеры. А Химера не выносила человеческого взгляда. Она закрыла глаза и протянула вперед свои когтистые лапы, чтобы поверх щита схватить Беллерефона за голову, но тем самым обнажила свою грудь, и Беллерефон тут же вонзил в нее свой меч. Получив этот смертельный удар, Химера тут же разжала свои змеиные объятия и, оторвавшись от коня, полетела вниз и рухнула на скалы. Из ее

чрева вырвалось пламя, и Химера вспыхнула ослепительным костром...

В тот день многие люди видели, как с неба падает огненный шар с длинным хвостом. Люди испугались, подумав, что это какое-то небесное знамение или хвостатая звезда, но на следующий день крестьяне с ужасом увидели, что их поля покрыты густым, черным пеплом, а в середине поля огромная куча белых обугленных костей.

С этого дня никто не видел Химеру.

Одержав эту замечательную победу, Беллерефон нежно обнял Пегаса и поцеловал его в лоб.

— Летим!— сказал он.— Летим к твоему любимому роднику Пирены! Я благодарен тебе за этот подвиг.

Пегас воспарил в небо, и через короткое время они были уже у родника Пирены. Здесь все было по-прежнему: задумчиво стоял седовласый старец, коренастый крестьянин поил свою корову, и молоденькая девушка пришла по воду с кувшином на плече.

— Теперь припоминаю,— сказал старец, глядя на Пегаса.— Этого крылатого коня я видел один раз... в детстве. Но тогда он был в тысячу раз красивее, чем сейчас...

— Я бы трех таких коней не обменял на одну корову, — сказал крестьянин.— Если бы этот крылатый конь был моим, в первую очередь я с корнем вырвал бы его крылья.

А молоденькая девушка ничего не сказал: она всегда и всего беспричинно пугалась, и теперь, увидев Пегаса, повернулась и побежала домой. По дороге споткнулась, кувшин упал на землю и разбился.

— А где же наш кудрявый малыш? — спросил Бел-

лерефон, подходя к крестьянам.— Он был мне хорошим другом, он верил, что Пегас появится...

— Я здесь,— послышался голос мальчика, и он вышел к ним из-за кустов.

Этот добрый малыш все свои дни проводил у родника Пирены в ожидании своего друга, но, увидев Беллерефона на Пегасе, спрятался в кусты, чтоб крестьянин и старец не увидели слез его радости.

— Ты победил!— закричал он, подбегая к Беллерефону.— Я знал, что ты обязательно победишь!..

— Да, малыш, я победил Химеру,— ответил Беллерефон.— Но не будь твоей веры, я не дождался бы Пегаса, не взлетел бы в небеса, не одолел бы Химеру... Всем этим я обязан только тебе... А теперь отпустим Пегаса на свободу, вернем ему его волю...

С этими словами Беллерефон снял с головы Пегаса заговоренную уздечку.

— Лети, мой Пегас,— сказал он печальным голосом.— Отныне ты свободен. Отныне и во веки веков...

Сереброкрылый конь положил свою голову на плечо хозяина и не сдвинулся с места.

—Ты не хочешь покинуть меня?— спросил Беллерефон, лаская его шею.— Тогда оставайся ... сколько сам захочешь... А теперь полетим к царю Иобату с радостной вестью: нет более на свете страшного чудовища Химеры!..

Беллерефон расцеловал кудрявого малыша, пообещал скоро вернуться и улетел в глубокое небо на своем белоснежном коне...

...Прошло много-много лет... Маленький мальчик вы-

рос и стал летать выше облаков, выше, чем Беллерефон на Пегасе, и своими победами достиг большей славы, чем сам победитель дракона...

Этот маленький мальчик стал великим поэтом.

ЗАРАН БЛБУЛ

Арабская сказка

ошло до моего слуха, о мой достохвальный и мудрейший царь, /рассказывала Шахразада своему супругу царю Шахрияру/, что жил в стране Персии в древние времена и давно минувшие дни царь по имени Хосров, которому всевышний даровал молодость, красоту и могущество, и наградил столь высочайшим чувством справедливости, что в годы его царствования ягненок и тигр жили в мире и вместе пили воду из одного ручейка.

И царь этот самолично хотел видеть все, что творится в его столице и имел обыкновение, переодевшись в одежду чужестранца, бродить по ночам в сопровождении своего визиря.

И вот в одну из таких ночей, когда он бродил по кварталу, где ютились бедняки, на одной из узких улочек услышал он молодые голоса. И подошел он со своим спутником к лачуге, над крышей которой вился дым, прильнул к дверной щели. И увидел он в комнате трех молодых девушек, которые, усевшись на циновке вокруг светильника, беседовали после ужина.

И молвила старшая из них:

— Поскольку я должна первой высказать свое желание, то я скажу, вам, сестрицы, что я хотела бы стать женой старшего кулинара царя. Ах, как я обожаю всякие сладкие изделия из теста, в особенности нежнейшие слоеные пироги, которые тают во рту и называются «султанскими». Только кулинар царя может испечь их такими воздушными и аппетитными. Ах, сестрицы, вы умрете от зависти, когда увидите, какой я стану румяной и красивой.

И молвила средняя сестра:

— Я, сестрицы, не привередлива, да и не тщеславна. Мне бы выйти замуж за царского повара. Ах, если бы вы знали, как я мечтаю об этом! Вот тогда я бы отведала все изысканнейшие яства, которые подаются к царскому столу. А печеные баклажаны, начиненые рисом и всевозможными пряностями, при виде которых замирает сердце... Ах, с каким наслаждением я бы поела их. Не сомневайтесь, что я не забуду о вас, дорогие сестрицы и изредка буду приглашать вас в гости, если, конечно, мой супруг-повар позволит мне. Но вряд ли он позволит.

Высказав свои желания, сестры выжидательно глянули на младшую, которая молча внимала им. И спросили они с насмешкой:

— А ты, красавица, о чем мечтаешь? Не волнуйся, если мы выйдем замуж за наших избранников, то обещаем, что постараемся выдать тебя замуж за царского конюха или слугу, чтоб жила ты рядышком. Ну скажи, о чем ты мечтаешь?

Теряясь от смущения и замешательства, младшая сестра ответила им дрожащим и нежным, подобно журчанию ручейка, голосом:

— О сестрицы, я бы хотела стать женой нашего повеления. Посмеиваясь над ее застенчивостью, сестры засыпали ее вопросами и шутками и наконец заставили высказать желание.

— О сестрицы, я бы хотела стать женой нашего повелителя, царя. Я бы наградила его достойными детьми. И если родятся сыновья, то они будут такими же красивыми и благородными, как их отец. А дочь моя будет походить на улыбку небес. Ее волосы с одной стороны будут серебряные, а с другой — золотые. Каждая пролитая ею слезинка превратится в жемчужину, смех ее будет подобен звону золотых динаров, а улыбка, словно бутон розы, расцветет на ее устах.

Царь Хосров и его спутник услышали все это и, чтобы их не заметили, молча удалились.

Царь Хосров решил про себя осуществить все желания девушек, не поделившись, однако мыслями со своим визирем. И приказал ему запомнить дом, в котором жили девушки, чтобы на следующий день пригласить их во дворец. Визирь ответил: «Слушаюсь и повинуюсь». И на следующий день поспешил выполнить приказ царя, приведя сестер во дворец.

Восседая на троне, царь кивком головы велел девушкам подойти к нему. И сестры, дрожа всем телом, кутаясь в свои поношенные полотняные покрывала, подошли к нему.

И сказал царь с приветливой улыбкой на лице:

— Приветствую вас, о молодые девушки. Сегодня вам выпадет великое счастье и осуществятся все ваши желания, потому что они известны мне, ибо царь знает все. В первую очередь осуществится желание самой старшей из вас, сегодня же ты выйдешь замуж за моего старшего кулинара. А ты, средняя, выйдешь замуж за моего старшего повара.— Сказав все это, царь замолчал и затем обратился к младшей сестре, которая от крайнего смущения и замешательства чуть было не потеряла сознание и не упала в обморок. Царь поднялся с трона и, взяв ее за руку, усадил рядом с собой и молвил:

— Отныне ты царица, этот дворец принадлежит тебе, я же твой супруг.

Свадьбу трех сестер справили в тот же день: царя и царицы с неслыханным великолепием и торжественностью, а остальных скромнее, как и подобает простым людям. По этой причине старшие сестры воспылали к младшей лютой ненавистью, задумав навлечь беду на ее голову. Но свои злые помыслы они скрывали с крайней осторожностью и с притворной благодарностью принимали приглашения царицы-сестры, которая не гнушалась их скромным обществом. И вместо того, чтобы возблагодарить судьбу, они, глядя на свою сестру и на ее высокое положение, кипели от злости и злобы.

Минуло девять месяцев. И царица родила прекрасного, подобно новорожденной луне, мальчика. Старшие сестры по просьбе царя находились при родах и выполняли роль повитух. Не испытывая сострадания и жалости ни к

молодой матери, ни к прекрасному младенцу, они решили погубить их. Схватили новорожденного младенца, положили в небольшую корзину и спрятали, а на его место подложили дохлого щенка и, показывая всем придворным, уверили их, что его родила царица. Когда эта весть дошла до царя Хосрова, свет померк в его глазах, печаль запала в сердце, он заперся в своих покоях и отказался от государственных дел. Царица же, охваченная глубоким горем, униженная и оскорбленная, день и ночь проливала слезы.

Что же касается новорожденного, то тетки взяли корзину и бросили ее в реку, что протекала рядом со дворцом. И именно в это время волею всевышнего на берегу реки гулял управитель царских садов, который и увидел покачивающуюся на волнах корзину. Зацепив крюком корзину, он вытащил ее из воды и застыл от удивления, увидев в ней прелестного младенца. И удивление его было подобно удивлению дочери фараона, которая нашла в тростнике Моисея. Управитель царских садов был давно женат и страстно хотел иметь детей, даже двух-трех, чтобы воздать за это хвалу всевышнему. Но его желание, а также желание его жены не осуществлялось. И были они глубоко опечалены бездетностью своей и одиночеством. И когда управитель нашел ребенка несказанной красоты, охваченный огромной радостью, он поднял корзину и побежал на другой конец сада, где стоял его дом. Вбежав в комнату жены, он проговорил задыхающимся от волнения голосом:

— Мир тебе, о дочь моего дяди. Пусть этот ребенок

станет нашим сыном, как дарованное судьбой дитя.— И поведал жене, как он нашел корзину.

И управитель усыновил мальчика, полюбив его всем сердцем.

На следующий год несчастная мать, которую так безжалостно обманули, лишив ее родного дитя, родила на свет божий второго сына, еще более прекрасного и прелестного. Но старшие сестры, которые неусыпно находились при ней, исполненные ненависти, как и в первый раз, не пожалев новорожденного младенца сестры, положили его в корзину и бросили в реку. А всем придворным показали котенка, уверяя всех, что его родила царица. И царь, оскорбленный и униженный, несомненно предался бы гневу, если бы не был знаком с законами милосердия и справедливости. Царица же была охвачена глубоким горем и отчаянием.

Что же касается младенца, то хранитель его судьбы и на сей раз внушил управителю садов, который гулял в это время по берегу реки, увидеть корзину. Как и в первый раз, управитель спас ребенка и отнес жене, которая полюбила его как родное дитя и с нежностью и заботой стала растить его.

Царица родила третьего ребенка. А сестры ее, в сердцах которых не ослабевала злоба и зависть, день-деньской помышляя лишь о том, как погубить свою сестру, положили новорожденную, как и ее братьев в корзину, и бросили в реку. Но и ее нашел управитель садов, вырастил и воспитал вместе с ее братьями.

Однако, когда сестры вместо новорожденной подки-

нули слепого мышонка, царь, несмотря на свое сострадание и милосердие, воскликнул в гневе:

— Аллах проклял мой род из-за этой женщины, на которой я женился. Я действительно женился на чудовище. Только смерть может избавить меня от нее.

И он приговорил царицу к смерти. И повелел своему палачу выполнить приказ. Но, увидев слезы и бесконечное горе молодой женщины, которую полюбил всем сердцем, царь сжалился над ней и, отвернувшись, приказал запереть ее в одной из отдаленных комнат дворца, чтобы она там доживала свои дни. И не захотел с этого дня видеть ее. Погруженная в горе, оплакивая свою злосчастную судьбу, бедная женщина испытала на себе все тяготы судьбы.

Сестры страшно обрадовались и возликовали, утолив свою злобу и зависть. И с этого дня они спокойно могли радоваться жизни и вкушать всевозможные яства и сладости, которые готовили их мужья.

Дни и годы летели с однообразной стремительностью как над головами правых, так и виноватых, даруя каждому то, что предначертано каждому судьбой.

И когда трое усыновленных детей управителя вступили в пору юности, то все вокруг были ослеплены их красотой.

И звали их Фарид, Фаруз, а дочь — Фаризада.

Фаризада была подобна улыбке небес. Ее волосы с одной стороны были серебряными, а с другой — золотыми. Когда она плакала, упавшие на землю слезинки превращались в жемчужины, а когда смеялась, смех ее был

подобен звону золотых динаров. Вот почему все, кто знал ее, а также отец, мать, братья, называя ее по имени «Фаризада», прибавляли «розовоулыбчивая».

И все дивились ее красоте, уму, покорности, расторопности, дивились тому, как она ловко сидит на коне, охотится, натягивает тетиву лука. Она поражала всех своими благородными свойствами, тонкостью в речах, сложенными ею изысканными стихами, искусными знаниями, роскошными волосами, серебряными с одной стороны и золотыми — с другой.

Так росли дети управителя царских садов, сам же управитель, окруженный их любовью и почитанием, радуясь их красоте и уму, дожил до глубокой старости. Супруга же его, прожив отмеренные судьбой годы, прежде мужа перешла в обитель вечности. Ее смерть причинила глубокое горе и печаль ее родным, и управитель не захотел больше жить в том доме, где покойная была для всех источником радости и счастья. И отправился он к царю, упал ему в ноги и взмолился, чтобы тот освободил его от должности, которую он с такой преданностью выполнял столько лет. Царь опечалился, что должен расстаться со своим верным слугой. И с болью в сердце выполнил его просьбу. И отпустил управителя, даровав ему с царской щедростью роскошное имение с богато обставленным домом, с обширными пашнями, лугами и лесами, с взращенным им же огромным садом, окруженным высокой оградой, в котором обитали птицы всех цветов радуги, домашние животные и дикие звери.

Вот в это имение и перебрался почтенный старец со

своими детьми. Там он и скончался, преставившись к милости Аллаха, окруженный своими детьми, их любовью и заботой. Ни над одним отцом не было пролито столько слез, сколько пролили его приемные дети. И он унес в могилу тайну рождения своих детей, которая была неизвестна и ему.

В его роскошном имении продолжали жить его сыновья и дочь. И поскольку их воспитали с большой мудростью и простотой, они были благодарны своей судьбе и ничего больше не желали, как жить в мире и любви.

Фарид и Фаруз часто охотились в окрестностях имения, в полях и лесах. А розовоулыбчивая Фаризада любила гулять в саду. И в один из дней, когда она собиралась выйти на прогулку, явилась прислужница и сообщила, что какая-то незнакомая старуха с благословением на устах просит, чтоб ей позволили отдохнуть немного в тени деревьев прекрасного сада. Фаризада же, сердце которой было преисполнено добротой и состраданием, решила сама принять незнакомую старуху. Она любезно встретила ее, угостила изысканными плодами, сухими фруктами и сладостями. Затем они вышли в сад. Фаризада заботливо поддерживала старуху. Когда они дошли до самого развесистого дерева, Фаризада усадила старуху в его тени. Слово за слово, и наконец Фаризада спросила старуху, нравится ли ей здесь.

— Да, моя госпожа. Всю жизнь я скиталась по странам Аллаха и никогда не приходилось отдыхать в столь прекрасном месте. Но, моя госпожа, как ничто на земле не может сравниться с твоей красотой и нет подобной

тебе, как нет в небесах другого солнца и другой луны, так и в твоем саду не хватает и тех трех чудесных предметов, которые так же единственны в своем роде.

Розовоулыбчивая Фаризада крайне изумилась, что в ее саду нет этих предметов и сказала:

— О добросердечная матушка, смилуйся надо мной и поскорее сообщи, что это за три несравненных и неизвестных мне предмета?

И старуха ответила:

— О моя госпожа, чем же я могу отблагодарить тебя за твое гостеприимство и сострадание к странствующей старухе, как не рассказать тебе об этих трех предметах?

И, помолчав немного, сказала:

— Знай же, о моя госпожа, что если первый из названных мною предметов был бы в твоем саду, все птицы слетелись бы сюда, чтобы увидеть его, и все в один голос запели бы. Ибо все певчие птицы — и соловьи, и жаворонки, и скворцы, и горлицы, и черноголовки, и красноголовки и все бесчисленные птицы земли признали бы ее красоту и совершенство. Это, о моя госпожа, Азаран Блбул — Говорящая Птица.

Второй несравненный предмет, о моя госпожа, если бы он оказался в твоем саду, то ветер, который заставляет петь деревья, перестал бы дуть, чтобы услышать его. И это потому, что ветер, который заставляет петь деревья, арфа, лира и скрипка, о моя госпожа, признают его совершенство и красоту. Это Поющее Дерево. Ни зефир, который ласково играет с листьями, ни многострунная арфа не могут исторгнуть столь услаждающие слух мело-

дии, которые звучат в тысячеустом хоре листьев Поющего Дерева.

А если бы третий несравненный предмет оказался бы в твоем саду, о моя госпожа, то все воды перестали бы течь, застыли бы, чтобы увидеть его. И это потому, что все воды и на суше, и на море, родники, ручейки и реки признают его совершенство и красоту. Если, о моя госпожа, хоть одну каплю этой воды бросить в бассейн, то он вздуется, наполнится до краев, заплещет, забьет золотым фонтаном, но вода никогда не выплеснется из берегов, а будет струится, взлетать золотыми брызгами. Это Златоструйная Вода. Этой золотой водой прозрачной, как топаз, утоляет свою жажду Азаран Блбул — Говорящая Птица. Этой золотой водой утоляют жажду невидимые тысячеустые листья Поющего Дерева.

Сообщив все это, старуха добавила:

— О моя госпожа, о моя принцесса, если бы эти чудесные предметы находились в твоем саду, слух о твоей красоте и несравненности распространится по всему миру.

— О моя благословенная матушка, как прекрасны твои слова!— воскликнула Фаризада.— Но ты не сказала мне, где находятся эти чудеса.

— О моя госпожа, эти достойные твоего взора чудеса находятся в одном месте, на границе земель Индии. Дорога, которая ведет туда, пролегает за твоим домом. Если пошлешь кого-нибудь за ними, накажи, чтобы шел он по этой дороге двадцать дней, а на двадцать первый пусть спросит первого же встречного, где находятся Говорящая

Птица, Поющее Дерево и Златоструйная Вода. Этот человек непременно укажет ему дорогу.

Молвив это, старуха закуталась в свое покрывало и удалилась, бормоча под нос слова благословения. Она была уже далеко, когда Фаризада, очнувшись от раздумий, решила окликнуть старуху или побежать следом, чтобы получить более подробные сведения об этих чудесах, узнать, каким образом раздобыть их, но, спохватившись, что уже поздно, она решила хорошенько запомнить слова старухи, чтобы ничего не забыть. И ее охватило неудержимое желание овладеть этими чудесами и чем больше она старалась не думать о них, тем навязчивее становилась мысль: «Хоть бы краем глаза глянуть на них и не будет у меня больше никаких забот».

И она стала гулять по саду по своим любимым местам. Но эти уголки потеряли в ее глазах прежнюю прелесть. А щебетанье птиц, которым они приветствовали свою госпожу, лишь делали нетерпимее ее горе.

И опечалилась розовоулыбчивая Фаризада, заплакала. Ее слезы падали на песок, застывали и превращались в жемчужины.

Наконец братья Фаризады вернулись с охоты. Не найдя свою сестру в беседке Жасмина, где она обычно дожидалась братьев, они обиженные за невнимание к ним, стали искать ее в саду. И увидели застывшие на песке превратившиеся в жемчужины слезы и спросили в тревоге:

— Что же опечалило нашу милую сестрицу, что она пролила столько слез?

И пошли они по ее следам и нашли ее плачущей в тенистой роще. И сказали они ей:

— О наша любимая сестра Фаризада, где розы твоей радости и золото твоего смеха? Ответь же нам, милая сестрица.

— О мои любимые братья...— воскликнула Фаризада и умолкла от смущения. В первый раз она должна была попросить что-то у братьев и не решалась.

— О наша дорогая сестра, что взволновало твою душу? Откройся же нам, если ты не сомневаешься в нашей любви к тебе.

Фаризада наконец решилась открыть им свое сердце.

— Мне уже не нравится наш сад, о мои дорогие братья...

И она заплакала, и жемчужины посыпались из ее глаз.

Братья молча смотрели на нее, опечаленные ее словами.

— Мне не нравится больше наш сад, потому что в нем нет Азаран Блбула, нет Поющего Дерева и Златоструйной Воды.

И Фаризада воодушевленно, не переводя дыхания, рассказала им о посещении доброй старухи.

Братья выслушали ее и сказали:

— Осуши слезы и успокойся, о наша дорогая сестра. Мы найдем эти чудеса и привезем их тебе, если они даже находятся на неприступной горе Каф. Скажи нам только, где их надо искать?

И раскрасневшаяся от смущения Фаризада рассказала им все, что услышала от доброй старухи.

— Вот все, что я знаю.

— Мы сейчас же отправимся в путь и найдем их, наша любимая сестрица, — дружно воскликнули братья.

— Нет, нет, заклинаю вас своей жизнью, не ходите.

И сказал старший брат Фарид:

— Дорогая сестра, твое желание для нас дороже света наших глаз и головы. Я старший брат, и я первым отправлюсь в путь, чтобы осуществить твое желание. Конь мой еще не расседлан, и он помчит меня, не ведая усталости, до границы Индии, туда, где находятся Говорящая Птица-Азаран Блбул, Поющее Дерево и Златоструйная Вода. Я привезу их.

И, обратившись к Фарузу, добавил:

— А ты, дорогой брат, останешься с нашей сестрой и будешь заботиться о ней.

Он побежал к коню, вскочил на него и, нагнувшись, поцеловал брата и сестру, которая прослезившись, взмолилась:

— Заклинаю тебя Аллахом, не уезжай. Я не хочу видеть ни Говорящую Птицу, ни Поющее Дерево, ни Златосруйную Воду, лишь бы не разлучаться с тобой, не умереть от тоски. Но Фарид еще раз поцеловал сестру и сказал:

— О моя любимая сестра, не бойся, я скоро приеду и с помощью Аллаха со мной не случится никакого несчастья. И чтобы ты не мучалась напрасно, возьми себе вот этот нож.

И Фарид достал из-за пояса нож, рукоять которой была разукрашена слезами-жемчужинами сестры, и сказал:

— Этот нож сообщит тебе сведения обо мне. Время от времени доставай его из ножен и смотри на клинок. Если он будет чист, как сейчас, то это будет для тебя знаком, что я жив и здоров. Если помутнеет, то знай, что со мной случилось несчастье. Если же на нем появится капля крови, знай, что меня больше нет.

Сказал и погнал коня по дороге, которая вела в Индию.

И мчался он двадцать дней и двадцать ночей по пустынной дороге. А на двадцать первый день он достиг склона горы, на котором простирался огромный луг и одиноко росло дерево. Под ним сидел преклонных лет старец. Лицо его затерялось в густой бороде и кустистых бровях. Борода его была длинной и седой, словно только взбитая шерсть. Руки и ноги были худыми, с отросшими длинными ногтями. Одной рукой он перебирал четки, а другую держал на уровне лба. Этот старец несомненно был отшельником, неизвестно когда отрекшимся от мира.

И поскольку старец был первым человеком, который повстречался ему на двадцать первый день, Фарид соскочил с коня и, держа его за уздцы, подошел к отшельнику и сказал:

— Мир тебе, о святой человек.

Старец ответил на его приветствие, но его голос звучал столь глухо из заросшего волосами рта, что Фарид ничего не понял.

И Фарид задумался: что же ему делать, чтобы понять этого старца? Ведь именно он должен подсказать ему, куда направиться.

Он достал из торбы ножницы и, подойдя к отшельнику, сказал:

— О достопочтимый старец, позволь мне помочь тебе, ибо погруженный в святые мысли, у тебя нет времени самому позаботиться о себе.

И, увидев, что старец не противится, Фарид подстриг ему бороду, усы, ногти. Старец помолодел на его глазах лет на двадцать. Закончив свое дело, Фарид, как принято у цирюльников, сказал:

— На здоровье. Да продлит Аллах твою жизнь.

Старец удовлетворенно улыбнулся и заговорил ясным и чистым как у ребенка голосом:

— Да возместит тебе Аллах благом, о дитя мое, за твою доброту к почтенному старцу. Кто бы ты ни был, о добродетельный путник, я готов помочь тебе советом и опытом своим.

— Я прибыл из далеких земель, чтобы найти Говорящую Птицу, Поющее Дерево и Златоструйную Воду. Не сможешь ли ты сказать мне, где они находятся?

Услышав это, старик от волнения уронил четки и ничего не ответил.

— О мой добросердечный старец, почему ты не отвечаешь мне? Я очень тороплюсь, конь мой взмылен и может простыть.

И старец наконец молвил:

— Конечно, о дитя мое, я знаю где находится то, что ты ищешь. И дорога туда мне известна. Но как я могу, о дитя мое, дать себе совет и отправить туда, подвергнув

твою жизнь опасности? Сколько таких же, как и ты, юношей отправились по этой дороге и никто из них не вернулся назад.

Не поверив словам старика, Фарид молвил:

— О мой добрый старец, ты только укажи мне дорогу и ни о чем больше не думай. Аллах даровал мне крепкие руки, которые защитят жизнь их хозяина.

— Как твои руки спасут тебя от Незримого? Когда у него тысячи рук и все они невидимы.

— О достопочтимый старец, от судьбы не убежишь. Если я попытаюсь сделать это, она как тень будет преследовать меня. Так поведай мне, что тебе известно. И ты мне окажешь большую услугу.

Увидев, что он не в силах отговорить юношу, старец достал из привязанной к поясу сумы красный гранитный мяч и, отдав Фариду, сказал:

«Этот мяч укажет тебе дорогу. Садись на коня и брось его вперед. Куда он покатится, туда и иди. Как только он остановится, сойди с коня, привяжи его к мячу, и он будет ждать тебя. А ты поднимешься на ту гору, вершина которой видна отсюда. По пути ты увидишь большие черные камни и услышишь шум. Это не завывание ветра, не шум ливня и не грохот грома, а таинственные голоса. Они будут выкрикивать такие слова, от которых кровь может застыть в жилах. Но ты не обращай на них внимания и не прислушивайся, а если испугаешься и оглянешься, то превратишься в один из черных камней, которыми усыпана гора. И если ты благополучно дойдешь до вершины горы, то увидишь там клетку с Говорящей Птицей. И

скажешь ей: «Мир тебе, о Азаран Блбул. Где Поющее Дерево? Где Златоструйная Вода? И Азаран Блбул ответит тебе: «Добро пожаловать...»

Рассказав все это, старец глубоко вздохнул и умолк.

Фарид выслушал совет старца, вскочил на коня и изо всех сил швырнул гранитный мяч. Конь Фарида, не останавливаясь ни перед каким препятствием, подобно молнии устремился вперед, едва поспевая за мячом. Так стремительно неслись конь и мяч, пока не достигли огромной скалы. Фарид соскочил с коня, привязал уздечку к камню, как наказал ему старик. Тот встал как вкопанный. Юноша стал карабкаться наверх. Вначале он ничего не видел, но чем выше он поднимался, тем больше становилось вокруг черных камней. Фарид не знал, что они были такими же, как и он, юношами и превратились в камни, заколдованные злыми силами. Поднимаясь в гору, он услышал вдруг такой истошный вопль, какого не приходилось слышать ему в жизни. После первого крика с разных сторон раздался многоголосый шум, не похожий ни на один из земных звуков.

Эти крики и вопли, как говорил старец, не были похожи ни на завывание ветра в пустыне, ни на грохот низвергающегося в пропасть водопада, ни на громыханье мчащегося с гор потока. Эти голоса казались таинственными и страшными. Многие из них вопрошали: «Что ты хочешь?» Остальные: «Хватайте его! Убейте! Бросайте в пропасть!» А другие издевались: «Хи-хи-хи... Ха-ха-ха...» Или нежно шептали: «Какой прекрасный юноша... Иди к нам... Иди...»

Но Фарид, не обращая на них внимание, поднимался в гору. А крики становились все громче, леденящие душу... Иногда дыхание орущих касалось его лица, вопли и справа и слева, и спереди и сзади были такими зловещими и жуткими, такими чудовищными и устрашающими, что Фарид невольно дрожал. И вдруг раздался такой душераздирающий вопль, что Фарид, забыв о наставлениях старца, оглянулся.

Оглушительный вой сотряс небеса, затем воцарилась жуткая тишина. И Фарид превратился в черную базальтовую скалу. Застывший на склоне горы конь превратился в бесформную глыбу. А гранитный красный мяч покатился назад к старцу.

В этот день, когда с Фаридом случилось несчастье, Фаризада по привычке достала нож, который теперь всегда висел на поясе и, взглянув на него, побледнела как полотно. Еще вчера клинок был чистым и сверкающим, а сегодня он побледнел, покрылся ржавчиной. И, ломая пальцы, она запричитала:

— О горе мне! О мой любимый брат! Где ты? Что с тобой? Почему я позволила тебе уехать? О господи, как я несчастна! Как я презираю себя!

На плач сестры прибежал второй брат Фаруз.

Он начал утешать сестру, обнадеживать.

— Сестрица, от судьбы не уйдешь. Что случилось, то должно было случиться, где бы он ни был. Но я должен поспешить брату на помощь. Я должен спасти его и привезти то, о чем ты так мечтаешь.

— Нет, нет не уходи,— взмолилась Фаризада.— Если

ты решил удовлетворить прихоть моей презренной души... Я ничего не хочу. О мой любимый брат, если и с тобой случится несчастье, я умру от горя.

Но жалобы и слезы сестры не остановили Фаруза. Он вскочил на коня и, попрощавшись с сестрой, вручил ей жемчужное ожерелье. Это ожерелье было собрано из бусинок-слез маленькой Фаризады.

— Если бусинки этого ожерелья перестанут крутится под твоими пальцами, то знай, что со мной приключилась беда.

Фаруз погнал коня по той же дороге, по которой отправился его брат и на двадцать первый день добрался до склона, где росло одинокое дерево. Под деревом сидел тот же старец-отшельник. Одной рукой он перебирал четки, а правую держал на весу у лба.

Поздоровавшись с ним, Фаруз сообщил ему о приключившейся с братом беде и о цели своего приезда. Старик и его попытался отговорить, но увидев, что не в силах сделать это, вручил ему гранитный мяч, который и привел его к склону горы. Привязав коня к мячу, Фаруз стал подниматься в гору.

Он шел по той же дороге, по которой прошел его брат. Слышал те же душераздирающие вопли и крики, но крепко держал себя в руках. Однако на полпути он услышал голос: «Брат мой, мой любимый брат, не убегай от меня». Фарузу показалось, что его зовет брат, оглянулся и тут же превратился в базальтовую скалу. Конь тоже превратился в камень, а мяч покатился обратно к старцу.

Фаризада ни днем, ни ночью не расставалась с оже-

рельем брата. И почувствовала вдруг, что бусинки не крутятся под ее пальцами, слиплись, не отрываются друг от друга.

— О мои бедные братья, я погубила вас из-за своей глупой прихоти,— запричитала она.— Но я не оставлю вас и разделю с вами несчастную судьбу.

И, переодевшись в мужскую одежду, вооружившись с головы до пят, она поскакала по той же дороге. И, увидев старца, придержала коня.

С глубоким почтением она поздоровалась со старцем и сказала:

— О святой старец, отец мой, не видел ли ты тому двадцать дней назад двух молодых всадников, которые искали Говорящую Птицу, Поющее Дерево и Златоструйную Воду?

И ответил старец:

— О моя госпожа, о разовоулыбчивая Фаризада, я видел их и пытался удержать. Но увы... И им, как и многим юношам, преградило путь Незримое.

Фаризада, услышав из уст старца свое имя, очень удивилась, а старец продолжил:

— О благороднейшая девушка, тебе рассказали правду о трех чудесах, из-за которых сложили головы многие юноши, сыновья царей и князей, но не поведали о тех опасностях, которые подстерегают тех, кто пытается найти их.

И старец рассказал ей обо всем. И сказала Фаризада:

— О святой отец, душа моя смятена твоими словами. В сердце закрался страх. Но как я могу отступиться, ког-

да речь идет о жизни моих братьев? О святой старец, внемли мольбе сестры, которая так любит своих братьев и помоги спасти их.

И ответил старец:

— О Фаризада, дочь царя, вот тебе гранитный мяч. Он поведет тебя к твоим братьям. Но ты сможешь освободить их лишь в том случае, если овладеешь тремя чудесами. И поскольку ты подвергаешь свою жизнь опасности ради спасения братьев, а не ради того, чтобы овладеть тремя чудесами Незримого, поэтому оно бессильно перед тобой.

Знай же, о дочь царя, что никто из сынов человеческих не в силах бороться с Незримым. И для того, чтобы одержать над ним победу, необходимо вооружиться против него тем умением и знаниями, которые вобрал в себя человеческий гений, ум и ловкость.

Сказав все это, старец вручил Фаризаде красный гранитный мяч, достал из-за пояса клок шерсти.

— Этим клоком шерсти ты победишь Незримого. Подойди ко мне и наклони голову, о Фаризада.

И она наклонила голову и ее волосы с одной стороны были серебряными, а с другой — золотыми.

— Пусть этим клоком шерсти дщерь человеческая одолеет все парящие в воздухе злые силы и козни Незримого.

И, разделив клок шерсти на две части, он вложил их в уши Фаризады, чтобы она ничего не слышала. И подал рукой знак, чтобы Фаризада продолжила свой путь. Фаризада решительно бросила мяч и погнала коня. Когда

она достигла склона горы и, привязав коня к мячу, стала подниматься на гору, раздались страшные вопли и крики, которые вырывались из черных базальтовых камней, но слуха Фаризады они касались лишь легким шепотом или отдаленным жужжанием мух.

Фаризада спокойно поднималась наверх, продираясь сквозь колючие кустарники и груды камней. А ведь ее нежные ноги привыкли ступать по мягкому песку, рассыпанному в аллеях сада. Фаризада упорно, не зная усталости, поднималась наверх и наконец достигла вершины горы. И перед ней открылось широкое поле, в середине которого возвышался золотой столб и на нем висела клетка с Азаран Блбулом — говорящей Птицей.

Словно обретя от радости крылья, Фаризада бросилась к клетке и, взяв ее в руки, радостно воскликнула:

— Вот и поймала я тебя моя милая птица. И теперь ты никуда от меня не улетишь.

Она достала из ушей клочья шерсти. И замолкли вдруг все страшные вопли и крики. И запела птица удивительным неслыханным на земле голосом:

Ответь мне, о Фаризада,
Как роза — улыбка твоя,
Тебя я увидеть мечтала
И счастлива, видя тебя.

Тебя позабыть не могу я,
Внимайте мне, небо и звезды,
Внимайте мне, солнце и месяц,
И ты, моя Фаризада,
Ведь ты и сама не знаешь,
Кто же ты в самом деле.

Кто же ты, кто?
Я знаю про то,
Ведаю я,
В чем тайна твоя.

Внимайте мне, небо и звезды,
Внимайте мне, день и ночь!

Так пела Говорящая Птица — Азаран Блбул, а зачарованная ее пением Фаризада забыла о приключившихся с ней горестях и бедах.

И сказала она птице.

— О Азаран Блбул, о чудо небес. Значит, отныне ты моя?

Обещаешь мне?

— Да, о моя Фаризада. Я твоя рабыня, твоя служанка. Приказывай мне и я готова служить тебе.

В свидетели зову я
Поля и небеса,
Долины и ущелья,
Дремучие леса.
Ах, брови твои — словно ночь, черны!
Ах, очи твои — звездные лучи!

И тогда сказала Фаризада:

— Я верю тебе, о Говорящая Птица. Скажи мне теперь, где Поющее Дерево?

Говорящая Птица напевая сообщила, что Поющее Дерево можно увидеть отсюда, оно растет на склоне горы. Фаризада посмотрела и увидела огромное дерево, под которым могла разместиться целая армия. И подумала: «Неужто такое огромное дерево можно вырвать с корнем и посадить в моем саду?» Говорящая Птица, словно разгадав ее мысли, сказала: «Пересаживать дерево нет

надобности, достаточно сорвать ветку и посадить в твоем саду, а затем оно вырастет в огромное дерево».

Фаризада направилась к дереву и прислушалась к его мелодичному пению. Ни зефир в садах Персии, ни индийская лютня, ни сирийская арфа, ни египетская скрипка не могли сравниться с волшебным пленительным пением тысяч и тысяч листьев Поющего Дерева. Когда зачарованная пением Фаризада очнулась, она сорвала с дерева ветку и, обратившись к Говорящей Птице, спросила:

— Где же Златоструйная Вода?

Говорящая Птица ответила, что здесь, недалеко.

Фаризада увидела скалу, окрашенную в нежный бирюзовый цвет. Из скалы вытекал ручеек, который сверкал как расплавленное золото. Вода была холодной и освежающей и такой прозрачной, как хрусталь.

Фаризада, как и наказал старец, стала владелицей трех чудес.

— О моя благороднейшая птица, я прошу тебя выполнить еще одну просьбу, из-за которой я и явилась сюда. И только ты одна можешь мне помочь.

— Скажи мне, о дочь царя, поведай мне о твоей нужде, и если это в моей власти, я исполню ее.

— Мои братья, о благороднейшая птица, мои братья... быть может, ты уже знаешь об этом...

Услышав слова Фаризады, Говорящая Птица смешалась. Она не имела права вмешиваться в дела Незримого, она всегда была его покорной слугой. И вдруг она с радостью вспомнила, что теперь должна служить своей новой госпоже и исполнять все ее желания. И Говорящая Птица запела:

Фаризада! Царица моя!
Эти камни водой оживи,
Золотою струей золотого дождя
Этот черный базальт ороси —
Ведь не камни, а люди они,
Красотою и силой полны,
Они жизнью полны молодой,—
Окропи, напои их водой,
В каждой капле воды золотой
Жизни дар и великое благо,—
Напои их волшебною влагой!
И тогда де восстанут они,
Пробудившися от забытья...
Эти камни водой оживи,
Фаризада, царица моя!

Ах, ах, ах!
тысяча раз — ах!
Ты — как ночь прекрасная,
Ты — как звезда ясная!

Держа в одной руке хрустальный сосуд с живой водой, в другой — веточку Поющего Дерева и клетку с Говорящей Птицей, Фаризада стала спускаться с горы. И всюду, где она встречала на своем пути черный базальтовый камень, Фаризада брызгала на него живой водой, и камень тут же оживал, превращаясь в прекрасного юношу. Так она нашла своих братьев.

Проснувшись от тяжелого каменного сна, Фарид и Фаруз, подошли к сестре, обняли ее. И другие юноши, все из знатных семей, подошли к Фаризаде, поцеловали ей руку, клянясь ей в верности и преданности. Они спустились к склону горы, где Фаризада вернула жизнь и их ко-

ням, и направились к дереву, под которым сидел старец. Но и старец, и дерево исчезли.

И Фаризада спросила Говорящую Птицу — Азаран Блбул, почему исчез старец.

И Говорящая Птица ответила ей:

— Старец научил дщерь человеческую с помощью клока шерсти одолеть злые силы, которые приводили в смятение наши души и не позволяли добраться до вершин. Его призвание — открыть людям эту истину и исчезнуть. Отныне зло, которое приносит людям несчастье, бессильно перед тобой, ибо ты знаешь, как с ним бороться — это противопоставить ему твердую волю. Ты познала спокойствие и безмятежность души — единственный залог счастья.

Так говорила Говорящая Птица на том самом месте, где еще недавно стояло дерево старца-отшельника. И все не могли надивиться мудрости птицы.

Спутники Фаризады продолжили свой путь. Подъезжая к границе своих земель, они целовали ей руку и, пожелав ей и братьям счастливого пути, уезжали. На двадцать первый день Фаризада и ее братья живыми и невредимыми приехали домой.

Как только они вернулись домой, Фаризада первым делом повесила клетку с Говорящей Птицей в роскошной беседке, где обычно собирались самые почетные гости. И как только запела Говорящая Птица, все птицы вокруг умолкли от изумления и восхищения, и словно сговорившись, слетелись всей стаей, чтобы пожелать доброго прибытия чудесному гостю. Среди них были и местный соло-

вей, который также назывался блбулом, и куропатка, и жаворонок, скворец, перепелка, голубь, горлица, сорока, сойка и ласточка. Все они стали подпевать Говорящей Птице, выражая свое восхищение и преданность. Говорящая Птица еще более воодушевилась, показывая все свое искусство.

Недалеко от беседки находился и мраморный бассейн, который служил Фаризаде зеркалом. Она гляделась в него, видя свое отражение, свои роскошные волосы, серебряные с одной стороны, и золотые — с другой. В этот бассейн Фаризада налила каплю Златоструйной Воды. Капля стала увеличиваться на глазах и, превратившись в струю воды, забила золотым фонтаном высоко вверх. Вода в бассейне была настолько холодной, что в жарком и душном саду стало прохладно.

Затем Фаризада посадила ветку Поющего Дерева, которая тут же пустила корни, выросла в огромное дерево. И дерево заиграло такие пленительные мелодии, что ни зефир в садах Персии, ни индийская лютня, ни египетская скрипка, ни сирийская арфа не могли сравниться с волшебным пением тысячеустых листьев Поющего Дерева. Чтобы услышать эти небесные звуки, перестали петь птицы, журчать ручьи, а зефир убрал свое нежное шелковое покрывало, чтобы не зацепиться за ветки деревьев. В саду воцарилась глубокая тишина.

Фаризада теперь не знала ни тоски, ни печали. Она занималась домашними делами или беседовала с Говорящей Птицей, которая развлекала ее мудрыми и интересными историями. Братья же днем охотились, вечером

возвращались домой, весело проводя время с любимой сестрой.

И вот в один из дней Фаруз и Фарид проезжали узким ущельем, откуда невозможно было свернуть ни вправо, ни влево, и столкнулись лицом к лицу с царем, который тоже охотился в этих местах. Братья тут же спешились, преклонили колени перед царем, смиренно опустив головы. Увидев в лесу роскошно одетых незнакомых ему юношей, царь крайне удивился. Желая разглядеть их лица, он приказал им встать. Братья поднялись и исполненные достоинства и глубокого почтения, подошли к царю, который, зачарованный их красотой, не мог оторвать от них взгляда. И спросил их, кто они и где живут.

— О царь времени, мы сыновья твоего покойного слуги, управителя твоих садов. Наш дом, который ты и поистине с царской щедростью даровал нашему отцу, находится недалеко от этих мест.

Царь крайне обрадовался, увидев сыновей своего покорного слуги, только удивился, что не видел их до сих пор во дворце, и они не находятся у него на службе.

— О царь времени, прости нас великодушно, что мы до сих пор не служим тебе. А причина в том, что у нас есть младшая сестра, о которой мы заботимся по воле нашего покойного отца, к которой мы привязаны всем сердцем и не можем оставить одну.

Царь был очень тронут столь искренним проявлением братской любви. «Никогда не думал, что в моей стране могут быть столь прекрасные, лишенные тщеславия юноши»,— подумал царь. И ему очень захотелось побывать

в их доме, поближе познакомиться с ними. И царь высказал свое желание. Братья крайне обрадовались. Фарид тут же погнал коня домой, чтобы подготовить сестру.

Фаризада, не привыкшая принимать в своем доме столь высоких гостей, растерялась. И решила посоветоваться с Говорящей Птицей.

— О Азаран Блбул, царь оказал нам великую милость и решил посетить наш дом. И мы должны оказать ему почести, достойные его высокого сана. Скажи же, как нам принять его и чем угостить, чтобы он остался удовлетворенным.

И ответила Говорящая Птица — Азаран Блбул:

— О моя госпожа, не надо готовить разные блюда. Ибо царю сегодня может понравиться лишь одно из них. Вели своей поварихе приготовить баклажаны, начиненные жемчужинами.

Фаризада, которая всегда прислушивалась к советам поняла ее, сказала:

— Что ты говоришь, моя милая птица? Как можно начинить баклажаны жемчужинами? Слыханное ли это дело? Если царь оказывает нам такую честь и хочет побывать в нашем доме, то мы должны по-царски угостить его, а не заставлять глотать жемчужины. Ты, наверное, хотела сказать баклажаны, начиненные рисом.

— Нет, совершенно нет, баклажаны должны быть начинены жемчужинами, а не рисом.

Фаризада, которая всегда прослушивалась к советам Говорящей Птицы, приказала своей старой поварихе приготовить печеные баклажаны, начиненные жемчужинами.

Между тем царь в сопровождении Фаруза уже прибыл. Фарид встретил царя у ворот и, взяв под уздцы коня, помог ему спешиться. Фаризада же, прикрывшая по совету Говорящей Птицы лицо покрывалом подошла к царю и поцеловала его руку. Царь Хосров был весьма тронут столь любезным приемом. Вспомнив о том, что он бездетен на старости лет, царь прослезился. Затем, благословляя Фаризаду, сказал:

— Тот, кто оставляет после себя детей, не умирает, а пребывает в бессмертии. Ваш отец не умер, он жив, ибо имеет таких детей, как вы. Долгих лет тебе жизни, о дочь моя. А теперь я хочу отдохнуть в вашем прекрасном саду.

Фаризада и братья повели царя к Поющему Дереву, к бассейну с Златоструйной Водой, где находилась и беседка с Говорящей Птицей. Царь остановился у бассейна и, глядя на золотые струи фонтана, воскликнул.

— Какой дивный фонтан! Как приятно смотреть на его струи!

И в это время запело Поющее Дерево. Царь зачарованно прислушивался к небесной музыке. Он вошел в беседку, в которой находилась клетка с Азаран Блбулом. И вдруг воцарилась глубокая тишина, сад словно онемел. И запела Говорящая Птица:

Привет тебе, наш шах Хосров!
Вовеки будешь ты здоров!
Наш шах Хосров, тебе привет!
Да здравствуй тыщу лет!

Остальные птицы присоединились к ее приветствию:

Добро пожаловать, наш шах.
Добро пожаловать!

Восхищенный увиденным, царь воскликнул:

— Вот истинная обитель счастья. Здесь человек, не зная болезней, не состарится и не умрет. Это рай небесный. Я бы все все свое царство отдал бы, чтобы жить здесь с вами.

И когда он спросил о трех чудесах, Фаризада ответила:

— Когда наш повелитель, наш царь отдохнет, тогда я и поведаю ему обо всем.

И Фаризада принесла блюдо с печеными баклажанами и поставила перед царем. Царь очень удивился, что принесли его самое любимое кушание. Но его охватило крайнее удивление, когда он увидел, что баклажаны начинены жемчугом.

— Клянусь жизнью своей головы, я такого сроду не видел! Что за новое кушанье? Слыханное ли дело, чтобы баклажаны вместо риса начиняли жемчугом?

Все молчали, не зная, что ответить царю. И тут заговорила Говорящая Птица.

— О наш владыка, ты удивляешься тому, что такого кушанья не может быть. Почему же ты не удивился и поверил тому, что царица Персии вместо прелестных детей может родить щенка, котенка или мышь? Вспомни, о царь Хосров, слова младшей сестры, произнесенные в тот вечер: «О мои сестрицы, если бы я стала женой царя, то я наградила бы его сыновьями, такими же красивыми и благородными, как их отец. А если родится девочка, то она будет походить на улыбку небес. Ее волосы с одной стороны будут серебряные, с другой — золотые. Каждая

пролитая ею слезинка превратится в жемчужину, и улыбка, словно бутон розы, расцветет на ее устах».

Услышав слова Говорящей Птицы, царь обхватил голову руками и заплакал. И тогда сказала Говорящая Птица — Азаран Блбул:

— О Фаризада, откинь покров, пусть твой отец увидит тебя... Фаризада откинула покров и ее серебряные и золотые волосы посыпались на грудь. Царь вскочил:

— О дочь моя! Дочь моя!

И воскликнула Говорящая Птица:

— Да, о повелитель, это твоя дочь, а это твои сыновья. И поскольку ни царь, ни его дети ничего не знали, Говорящая Птица рассказала им все.

Оцепеневшие от изумления царь и его дети слушали Говорящую Птицу. И вдруг, очнувшись, бросились обнимать друг друга, проливая слезы радости. И когда они наконец успокоились, царь взволнованно сказал:

— О мои дети, поспешите часом раньше увидеть свою мать.

И какими словами можно описать счастье матери, которую царь повелел поселить в одной из отдаленных комнат дворца, постаревшую от горя. Увидев своих детей, она словно воскресла, помолодела на глазах, стала еще прекраснее.

Сестры же узнав об этом, умерли в тот же день от злости.

Да воздаст Аллах благом здесь, а злом там.

От издательства

В 60-70 годах XIX века развернулась деятельность вид-

ного армянского писателя, публициста и педагога Газароса Агаяна. Его литературное творчество оказало благотворное влияние на развитие армянской литературы и педагогической мысли этого периода.

Многообразно творческое наследие Г. Агаяна. Наиболее значительным произведением его поэзии является эпическая поэма «Торк-Ангех», в которой писатель-демократ воплотил идеал настоящего человека, его нравственную чистоту.

Особенную любовь питал Г. Агаян к детям, для которых он очень много писал. Он создал серию стихов «Детские игры», которые воспевали любовь к природе, способствовали познаванию явлений окружающей среды, развивали и формировали эмоционально-нравственный мир детей.

Значительную часть его творчества занимают сказки, вошедшие в золотой фонд армянской художественной литературы.

В своих сказках Агаян преследует одну цель — ввести детей в сказочный мир, являющийся «самым верным отображением реального мира». Обрабатывая народные сказки, он глубоко и ярко воплотил в них мечты и чаяния народа.

В сказках «Анаит», «Арегназан», «Азаран Блбул», «Оцаманук и Ареваат» и др. воплощены черты, отражающие дух народа, его патриотизм, смелость, самоотверженность, благородство, чистую любовь и сознание жизненной необходимости труда.

Газарос Агаян всю жизнь посвятил детям, воспитывал в них чувство беззаветной любви к родине, труду и правде.

Газарос Агаян

Сказки

Составитель: **Эдита Эдуардовна Даштоян**

Редактор Н. Р. Арабян
Худ. редактор С. В. Погосян
Техн. редактор Р. Е. Архирян
Контр. корректор Дж. А. Саркисян

ИБ — № 3063

Сдано в набор 3.03.89 г. Подписано к печати 15.08.89 г. Формат 60×70¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. 11,5 л. +0,19 л. форз., печ. 47,15 кр. от., изд. 11,05л. +0,31 л. форз. Тираж 150 000. Заказ 2078. Цена 2 руб. 60 коп.
Издательство «Луйс». Ереван — 9, ул. Кирова, 19 а.
Смоленский полиграфкомбинат Госкомиздата РСФСР. 214020. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.